

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 1 · № 1 · ЯНВАРЬ – МАРТ · 2003

Содержание

Старт на длинную дистанцию *Сергей Караганов* 6

Внешняя политика и внутреннее содержание *Федор Лукьянов* 7

Комментарии

Что значит «бороться с терроризмом» *Майкл Ховард* 10

Объявив терроризму «войну», США взяли на себя серьезное обязательство. Они должны теперь добиться решающей победы над непримиримым противником и отправиться в длительный поход на «государства-изгои».

Энергия без границ *Жорес Алфёров, Евгений Велихов* 17

Ключ к развитию России и всего мира – энергетика. В этом убеждены два выдающихся физика, которые представляют новую международную премию. Ее цель – стимулировать исследования в энергетической области.

Евро-тихоокеанская держава *Дмитрий Тренин* 26

Установив новые отношения с США и с Европой, Россия нуждается в надежном партнере на Дальнем Востоке, который мог бы внести вклад в модернизацию страны. Самый подходящий кандидат – Япония.

Новые угрозы

Международная безопасность в эпоху глобализации *Игорь Иванов* 36

Надежды начала 1990-х годов на решительный рывок к новой, более безопасной системе мироустройства пока не оправдались. От того, какой путь обеспечения своей безопасности изберет международное сообщество в условиях глобализации, будет зависеть облик нашей планеты в грядущие десятилетия.

Восемь шагов к выживанию *Сэм Нанн* 48

Угрозы, с которыми человечество столкнется в XXI веке, носят настолько глобальный характер, что никто, даже самая могущественная держава, не в состоянии в одиночку противостоять им. Особую роль призваны сыграть США и Россия. Свою долю ответственности за всеобщую безопасность обязан взять на себя и частный бизнес.

- Какая армия нам нужна?** *Алексей Арбатов* 60
 После трагедии «Норд-Оста» потребность в принципиально другой военной организации нашего государства стала очевидной как никогда. Необходимость борьбы с международным терроризмом и сопутствующими ему угрозами требует глубокого реформирования российской военной доктрины, материальной части армии и других «силовых» структур.
- Столкновение глобализаций** *Стэнли Хоффман* 78
 После 11 сентября мир рискует оказаться между новыми Сциллой и Харибдой. С одной стороны, интервенция, которую, действуя жестко и без оглядки на других, готова начать Америка, чревата серьезными опасностями. С другой — смириться с возможными атаками террористов и игнорировать угрозы безопасности, которые несет в себе глобализация, ничуть не лучшая альтернатива.
- ## Восток и Запад
- Ислам: что пошло не так?** *Бернард Льюис* 94
 Мусульманский мир, в прошлые века опережавший всех по своему развитию, сегодня безнадежно отстал не только от своего извечного соперника — мира христианского, но и от бурно развивающихся стран Юго-Восточной Азии. В чем причина упадка, который пережила в XX веке некогда мощная цивилизация?
- Эгоизм силы** *Мухаммед Аба аль-Хейль* 101
 Мир изменился до неузнаваемости за последнее столетие, но отношения Востока и Запада остались прежними: они всё еще не доверяют друг другу. Более того, пропасть между двумя цивилизациями стала и глубже, и шире.
- «Живая бомба» Палестины** *Гал Люфт* 106
 Терракты, осуществляемые смертниками, всегда были излюбленной тактикой религиозных фанатиков. В наши дни «живые бомбы» стали узаконенным оружием палестинцев. Ни суровое возмездие, ни высокие стены не в силах остановить это кровопролитие. Прекратить его может только осуществление надежд палестинцев на обретение независимости.
- Багдадская головоломка** *Георгий Мирский* 114
 Свержение Саддама Хусейна, которого добивается Вашингтон, грозит непредсказуемыми последствиями. Крушение репрессивного режима, державшего «под колпаком» все недовольные, но подспудно кипящие силы, может перерасти в кровавую баню. Тем более что сил таких в Ираке хватает.
- Центральноазиатский перекресток** *Евгений Васильев* 126
 Военное присутствие США в Центральной Азии, связанное с необходимостью противостоять террористической угрозе, приводит ко все более заметным экономическим последствиям. Российский бизнес утрачивает позиции в регионе.
- ## За Великой стеной
- Красная Книга перемен** *Александр Ломанов* 136
 В начале XXI века Поднебесная вступила в период невиданного процветания и несокрушимой стабильности. Об этом было заявлено на XVI съезде компартии Китая, триумфально прошедшем осенью 2002 года. Однако уже в ближайшем будущем КНР ждет столкновение с серьезными испытаниями, прогнозировать исход которых затруднительно.

Глобальная экономика

- Глобализация и неравенство: что — причина, что — следствие? 158
Владислав Иноземцев

Современное неравенство — результат не столько внешней экспансии западного мира, сколько его внутреннего прогресса. Впервые в истории оно порождается личными усилиями и успехами представителей одной части общества или цивилизации — потому «новое неравенство» нельзя признать несправедливым.

- Почему я поддерживаю антиглобалистов *Жозе Сарамагу* 176

Экономическая глобализация — это новая форма тоталитаризма. Нельзя же всерьез говорить о демократии, когда реальная власть находится не в руках правительств, избранных гражданами, а у транснациональных монополий, которые никто не избирал.

Российский бизнес и мир

- Нефтедоллару придется потесниться *Владимир Евтушенков* 182

Только перевод инвестиционных ресурсов из сырьевых отраслей в отрасли высоких технологий позволит укрепить экономическое и политическое влияние России в мире. Доминирующая сейчас экспортно-сырьевая экономика может стать колоссом на глиняных ногах.

Рецензии

- Евангелие многополярности *Вячеслав Никонов* 193

Новая книга Евгения Примакова — это квинтэссенция его взглядов по таким важнейшим проблемам современности, как терроризм и исламский экстремизм, арабо-израильский конфликт, роль Америки в современном мире, сценарии грядущего миропорядка и место в нем России.

- Инстинкт превыше всего *Алексей Пименов* 195

«Джордж Буш — политик, президент и главнокомандующий — движем верой в собственные инстинкты, свои естественные и спонтанные выводы и суждения», — утверждает известный журналист Боб Вудворд.

- Одержима ли Европа антиамериканизмом? 201
Владислав Иноземцев

В тот момент, когда Старый Свет не скрывает своего раздражения Новым, в защиту Америки выступил Жан-Франсуа Ревель, один из патриархов французской интеллектуальной традиции.

- Бремя Юга *Станислав Кувалдин* 205

- Каспийский гордиев узел *Игорь Сидоров* 208

- «Вторая русская революция» глазами британца *Лев Паршин* 210

- Очень своевременная книга *Марк Шкундин* 213

Переводчики: Александр Здитовецкий, Ольга Исаева, Любовь Рыклина, Михаил Ткаченко, Василий Чернов

Фотографии предоставил Fotobank

Точка зрения авторов не обязательно совпадает с позицией редакции

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

ПОТАНИН В.О.

*«Интеррос»**председатель**попечительского совета*

ВАЙНШТОК С.М.

ОАО «АК «Транснефть»»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.

*председатель постоянной**Комиссии Госдумы РФ по защите*
прав инвесторов

ЕВТУШЕНКОВ В.П.

АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.

«Новые программы и концепции»

ОКУЛОВ В.М.

ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ИЗВЕСТИЯ»»*Издается АНО РИД «Глобус»*ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 206-8573
Факс: (095) 206-8661
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ruОтпечатано в ГП «Московская
типография № 13»
Заказ №
Общий тираж 7 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель редакционного совета*

АРБАТОВ А.Г.

АХТИСААРИ Маргги

(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.

заместитель председателя

БИЛЬДТ Карл (Швеция)

БЕРГСТЕН ФРЕД (США)

ГРИГОРЬЕВ В.В.

(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.

(в личном качестве)

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.

*председатель**научно-консультативного**совета*

КАЙЗЕР КАРЛ

(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ ГЕЛЬМУТ

(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.

главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ ТЬЕРРИ

(Франция)

НИКОНОВ В.А.

заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ОЗЕРОВ М.В.

*главный редактор**англоязычного издания*

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.

(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК ХОРСТ

(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС УИЛЬЯМ, лорд

(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ ДЖЕЙМС (США)

ЭЛЛИСОН ГРЭМ (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.

(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.

председатель

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

КАПУСТИН Б.Г.

ЛОМАНОВ А.В.

МИРСКИЙ Г.И.

НУРЕЕВ Р.М.

ШКУНДИН М.З.

ЭНТИН В.Л.

ЮРЬЕВ А.И.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время МН», «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно», «Труд»
- Журнал «Эксперт»
- Информационные агентства «Интерфакс», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»
- Телекомпания «ТВС»

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов «КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

IT-ПОДДЕРЖКА

Корпорация IBS

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

*Главный редактор Федор Лукьянов**Главный редактор англоязычного издания Михаил Озеров**Генеральный директор*

Алексей Васич

Ответственный редактор

Александр Кузьяков

*Завотделом**переводной литературы*

Любовь Рыклина

*Референт председателя**редакционного совета*

Елена Блиникова

Завредакцией

Ксения Михайлова

Автор макета

Константин Радченко

Верстка

Наталья Заблочките

Проверка и корректура

Арнольд Кун

Интернет-редактор

Мария Говорун

govorun@rosbalt.ru

Реклама

Татьяна Плотникова

тел.: (095) 504-9770

E-mail: ad@globalaffairs.ru

Распространение

Аслан Эйюбов

тел.: (095) 201-6753

E-mail: subscribe@globalaf-
fairs.ru

Время делать подарки себе, своим близким...
и природе

Медведь и его детеныш в заповеднике «Восточный Сихотлинь»

Звоните сейчас: (095) 995 00 00

www.
wwf
.ru

Издавна медведь считается символом русской природы. Для жизни этого зверя необходимы заповедники и национальные парки. Создание и поддержка охраняемых природных территорий является одной из основных программ Всемирного фонда дикой природы (WWF). С нашей помощью за 10 лет работы WWF России площадь российских заповедников увеличена на 20%, а в Арктической части - удвоена. Но многие задачи еще предстоит решить. Нужна помощь заповедникам центральной России и Кавказа, где в основном и обитает сегодня медведь.

Вы можете помочь! Станьте частью хорошего общего дела и помогите сохранить для наших детей уникальную природу России!

Старт на длинную дистанцию

Над этим номером журнала «Россия в глобальной политике» — по сути, первым регулярным — мы работали с воодушевлением. Интерес к пилотному выпуску, который мы представили в конце 2002 года, превзошел наши скромные ожидания: пришлось даже выпускать дополнительный тираж. Первые отклики на этот, естественно, еще далекий от совершенства продукт доказали: идея, положенная в основу журнала, — правильная. Велика потребность в солидном общественно-научном издании, на страницах которого российские и иностранные ученые, эксперты, бизнесмены и журналисты могли бы обсуждать перспективы России в современном мире, возможные стратегии по встраиванию в глобальные процессы, наконец, шансы нашей страны занять в них подобающее место. С авторами журнала согласились не все, но это нас не смущает: ведь наша задача — инициировать дискуссию по важнейшим вопросам мирового развития, преодолеть определенную изоляцию, в которой в силу разных причин оказались в последние годы российское общество и его элита. Зависимость России от внешних факторов растет, и только ясное осознание мировых реалий XXI века позволит дать ответ на вечный вопрос: в чем заключаются наши национальные интересы и как добиться их соблюдения? О том, насколько важна и полезна подобная дискуссия, свидетельствует, в частности, ход

обсуждений, организованных в последние месяцы под эгидой журнала.

Мы обращаемся и к тем, кому предстоит определять пути развития страны через 5–10 лет, — журнал бесплатно рассылается по вузам и библиотекам. А на бесплатном сайте www.globalaffairs.ru можно найти не только содержание текущего номера, но и отражение полемики, ведущейся вокруг глобализации и других актуальных международных вопросов.

Надеемся, что старт «России в глобальной политике» не разочаровал и наших американских коллег из журнала *Foreign Affairs* (предоставивших нам право использовать свою торговую марку и перепечатывать материалы), а также частных лиц и корпорации, которые согласились финансировать проект на долговременной основе из соображений общественного блага. Помимо тех, кто представлен в попечительском совете («Интеррос», «Транснефть», АФК «Система», «Новые программы и концепции», «Аэрофлот»), это «СУАЛ-Холдинг», «НИКойл» и Центр исследований постиндустриального общества. Мы рассчитываем, что, благодаря их помощи, сможем поддерживать взятый после удачного старта темп, чтобы добиться главной цели — просвещения россиян о реальном мире, в котором им жить.

Сергей Караганов,
председатель редакционного совета

Внешняя политика и внутреннее содержание

Когда все только и говорят что о предстоящей войне, проблем с выбором темы журнала, подобного нашему, не возникает. Очередной кризис вокруг Персидского залива вновь ставит вопросы, ответы на которые мировое общество пытается найти на протяжении последнего десятилетия. Может ли глобальная опасность, наличие которой очевидно сегодня для всех, служить оправданием для односторонних «превентивных» действий самой сильной державы планеты? Стоит ли руководствоваться нормами международного права, сформулированными в совершенно другую эпоху? Что делать, если борьба с терроризмом не объединяет мир, а, напротив, углубляет пропасть непонимания между все более враждебными друг другу цивилизациями? «Соблазн односторонних действий» обещает «краткосрочную выгоду, но ущерб будет долгосрочным», предупреждает на страницах нашего журнала министр иностранных дел России Игорь Иванов. По его убеждению, путь к безопасности лежит через создание «глобальной системы противодействия», координирующим центром которой является ООН. «Единственная страна, способная вести войну с терроризмом во всем мире» — это США, возражает известный американский политолог Стэнли Хоффман. Однако и он признает: «Для “гипердержавы” нет ничего опаснее, чем искушение поли-

тикой односторонних действий». «Безопасность и развитие идут рука об руку. Мир не может получить одно, не имея другого», — подчеркивает Сэм Нанн, один из самых уважаемых политиков планеты. Практически все согласны с тем, что питательной средой для терроризма являются неравенство, отсталость одних регионов, особенно бросающаяся в глаза на фоне прогресса других. Вот только корни этого неравенства, а значит, и пути его преодоления видятся по-разному. «Перенаселенный, слаборазвитый, еще не примирившийся с современностью мир входит, подталкиваемый Западом, в постсовременную эпоху», — пишет историк Майкл Ховард. Пропасть между Востоком и Западом возникла по вине последнего, потому что он всегда проводил эгоистичную политику, основанную на силе, эмоционально доказывает бывший саудовский министр Мухаммед Аба аль-Хейль. «Обвинять других в своих бедах всегда приятнее и проще, — отвечает Бернард Льюис, ведущий западный эксперт по исламу. — Но прежде стоит спросить самих себя: что мы сделали не так?»

За западный мир вступается и Владислав Иноземцев. Не оправдывая колониализм, он обращает внимание на то, что именно после распада европейских колониальных империй «разрыв в благосостоянии граждан “первого” и Третьего мира стал рас-

ти особенно быстрыми темпами». Впрочем, споры об исторической ответственности могут продолжаться бесконечно, а вопрос, что будет с Ираком, главным на сегодняшний день яблоком раздора на международной арене, требует немедленного ответа. Устранение репрессивного режима Саддама Хусейна чревато непредсказуемыми последствиями, предостерегает Георгий Мирский, внутренние противоречия, зажатые в условиях диктатуры, могут стремительно вырваться наружу, как только «пресс» будет снят. При этом возможности управления Ираком «извне», похоже, еще более ограничены, чем в случае с Афганистаном. А ведь и там антитеррористическая коалиция достигла далеко не всех целей, которые ставила, напоминает Евгений Васильев.

Чем острее мировые проблемы, тем актуальнее вопрос о том, какое место в их решении принадлежит нашей стране. Роль России по-прежнему велика в том, что касается снижения уровня ядерной угрозы, — в этом уверен, в частности, Нанн. Однако наши возможности в разрешении конкретных международных коллизий, будь то проблемы, связанные с Ираком, Афганистаном, Ближним Востоком или даже Северной Кореей, где Москва вроде бы обладает уникальными инструментами воздействия, увы, оставляют желать лучшего. Потому что, как отмечается в одном из материалов номера, международное положение страны «определяется не только реально существующими

геополитическими факторами, но и внутренней политикой». Иными словами, до тех пор пока все усилия не будут нацелены на модернизацию и создание эффективного — в экономическом, административном, военном плане — государства, трудно рассчитывать на крупные внешнеполитические успехи. Пути преобразований анализируют предприниматель Владимир Евтушенков, призывающий сделать ставку на высокие технологии, и депутат Алексей Арбатов, который пишет о неизбежности серьезной реформы российских Вооруженных сил. О необходимости поиска надежных партнеров на международной арене, которые могли бы внести вклад в модернизацию России, рассуждает Дмитрий Тренин.

Сделав принципиальный выбор в пользу сотрудничества с развитым миром, Россия в целом определила направление своего дальнейшего движения. Сколь быстро мы сможем продвигаться по избранному маршруту, зависит от нас самих. Следующий, весенний номер журнала «Россия в глобальной политике» будет в основном посвящен отношениям с Европейским союзом, нашим крупнейшим соседом и главным экономическим партнером. Тем более что грядущее 300-летие Санкт-Петербурга, российского «окна в Европу», — хороший повод поговорить о том, что за перспективы просматриваются через это окно.

*Федор Лукьянов,
главный редактор*

Комментарии

“ *«Властелином природы» человек стал именно благодаря своему господству над огненной стихией, понятие «энергия» испокон века определяет его бытие, как таковое. Без поиска новых источников энергии, совершенствования технологий ее производства и доставки не создать условий для нормальной жизни* ”

Что значит «бороться с терроризмом» *Майкл Ховард*

10

Энергия без границ *Жорес Алфёров, Евгений Велихов*

17

Евро-тихоокеанская держава *Дмитрий Тренин*

26

Что значит «бороться с терроризмом»

Майкл Ховард

После того как 11 сентября 2001 года во Всемирном торговом центре и Пентагоне произошли чудовищные теракты, государственный секретарь США Колин Пауэлл сразу же заявил, что США «находятся в состоянии войны» с терроризмом. В этот момент он допустил вполне естественную, но вместе с тем ужасную и непоправимую ошибку. С тех пор руководство американской администрации пытается ее исправить.

Дело в том, что выражение «война с терроризмом» имеет смысл только в том случае, если его использовать так же, как и словосочетание «война с организованной преступностью или с контрабандой наркотиков», подразумевая мобилизацию всех возможных ресурсов для борьбы с опасной, антисоциальной деятельностью. Причем с такой деятельностью, которую никогда не удастся свести на нет, но которую можно ограничить и удерживать на уровне, не угрожа-

ющем стабильности общества.

В свое время британцы вели много подобных «войн», в том числе в Палестине, в Ирландии, на Кипре и в Малайе (современная Малайзия). Однако они никогда не называли их войнами, предпочитая говорить о «чрезвычайном положении». Этот термин означал, что полиция и специальные службы наделяются особыми полномочиями и в случае необходимости усиливаются вооруженными силами, однако продолжают действовать в рамках гражданской администрации мирного времени. Если приходилось применять силу, то она использовалась в минимальном объеме и по возможности не нарушала нормального течения мирной жизни.

Целью такой деятельности было добиться изоляции террористов от общества и отрезать их от внешних источников снабжения. Террористам не присваивался статус воюющей стороны: они были просто преступниками.

Майкл Ховард преподавал военную историю в Оксфорде, военную и военно-морскую историю в Йельском университете. Данная статья основывается на материалах лекции, прочитанной в Лондоне 30 октября 2001 года. Опубликована в журнале *Foreign Affairs* № 1 (январь/февраль) за 2002 год.

Именно так к ним относились и власти, и общественность.

Объявлять войну террористам или, что еще более ошибочно, объявлять войну терроризму — значит немедленно присвоить террористам статус и звание, которых они добиваются, но которых не заслуживают. Этот статус наделяет их неким подобием легитимности. Они считаются воюющей стороной? А не находятся ли они в таком случае под защитой законов военного времени? Именно на такой защите всегда настаивали ирландские террористы, и хотя их требования были справедливо отклонены, они приобрели множество сторонников в США.

Ошибочное употребление термина «война» не является предметом юриспруденции или педантичного семантического разбора. Оно имеет глубокие и опасные последствия. Объявление состояния войны немедленно вызывает военный психоз, а он, в свою очередь, может помешать достижению поставленных целей. После такого объявления общество начинает ожидать и требовать немедленных впечатляющих и победоносных военных действий против некоего легко узнаваемого противника — желательного враждебного государства.

При этом использование силы больше не рассматривается как последнее средство, которого следует по возможности избегать. Оно становится основным способом решения проблемы, и чем раньше к нему прибегнуть, тем лучше. Средства массовой ин-

формации охотятся за историями об отчаянных храбрецах и заполняют свои страницы изображениями оружия, хитроумными графиками и мнениями отставных офицеров. Любые соображения о том, что наилучшей стратегией являются отказ от применения военной силы и использование более тонких, не подразумевающих проявлений героизма подходов, сразу же клеймятся как «попустительство врагу» и отвергаются политиками, которые знакомы с историей примерно так же, как и с искусством политического управления.

Лидеры правого крыла видят, что в Афганистане их лишили того, что немцы называли *frischer, froehlicher Krieg* (быстрая, веселая война). Поэтому они требуют веселой войны против другого, более стоворчивого противника — Ирака. Это напоминает пьяного, который, потеряв часы в темной аллее, ищет их под фонарем, потому что там светлее. Что же касается их левых коллег, то достаточно одного слова «война», чтобы они просто из принципа вышли на улицы с демонстрациями протеста. То, что необходимо для серьезной кампании против террористов: секретность, разведка, политическая дальновидность, непреклонная беспощадность, акции, которые никогда не становятся достоянием гласности, и прежде всего безграничное терпение, — все это позабыто или попорно в пылу безумной погони за немедленными результатами или, если результатов нет, потонуло в плаксивых жалобах.

Призыв к оружию

Можно ли было этого избежать? Разумеется, военной кампании, которую альянс проводит под руководством США и которую президент Буш столь неудачно окрестил «крестовым походом против зла», многие предпочли бы полицейскую операцию, осуществляемую под контролем ООН от имени международного сообщества в целом. Речь могла бы идти об операции против преступного сговора, участников которого необходимо выследить и предать справедливому международному суду, чтобы они — в случае признания их вины — понесли соответствующее наказание.

Нет никаких сомнений, что в идеальном мире события развивались бы именно по такому сценарию, но мы живем отнюдь не в идеальном мире. Терракты, в результате которых погибли несколько тысяч невинных офисных работников в Нью-Йорке, почти двести военнослужащих в Вашингтоне и несколько сот пассажиров четырех угнанных самолетов, в Белом доме не были расценены как преступления против «международного сообщества». Такие преступления в компетенции ООН — организации, не пользующейся особым уважением в США. Американцы сочли, что именно их нация являлась целью атаки, более коварной, чем нападение японцев на Пёрл-Харбор. Ответом на подобное оскорбление должно было стать не просто длительное и тщательное полицейское

расследование, проводимое международной администрацией. Оно наверняка закончилось бы еще более длительным судебным процессом в какой-нибудь зарубежной столице, а исполнение приговора было бы, без всяких сомнений, приостановлено вследствие подачи апелляции. Нет, унижение, которое испытали США, взывало об акте возмездия, совершаемом вооруженными силами самих Соединенных Штатов.

И кто может обвинять американцев? Британцы на их месте чувствовали бы себя точно так же. Спротивляясь призывам начать вендетту, Буш проявил отвагу и мудрость, и им нельзя не восхищаться. Однако президент по-прежнему испытывает серьезное давление, и не только со стороны своей администрации. От него ожидают таких результатов, каких можно добиться только быстрыми и эффективными военными действиями. Необходим своего рода катарсис — этого требует кровь пяти тысяч невинных жертв.

Между тем Буш — честь ему и хвала! — попытался привести в действие альтернативную парадигму: он отказался от односторонних действий. Президент запросил и получил мандат ООН. Он выстроил поразительно широкую коалицию, которая действительно воплощает «международное сообщество», насколько оно вообще существует. За несколько дней США отказались от политики изоляционизма и односторонних

действий, к которой они, казалось бы, склонялись, и вновь заняли позицию лидера мирового сообщества, значительно более многочисленного, чем то, которое они возглавляли во времена холодной войны.

Кроме того, президент и его коллеги попытались объяснить американскому народу, что эта война отличается от других и надо набраться терпения. Однако речь все еще идет о войне. Однажды произнесенное, это слово повлекло за собой неизбежный и непреодолимый натиск требований использовать военную силу так быстро и так решительно, как только возможно.

Состязание в сообразительности

Война с терроризмом, как обнаружили за минувший век британцы в Северной Ирландии, не похожа на войну с наркотиками и преступностью прежде всего в одном отношении. Она является «войной за сердца и умы». Стоит напомнить, что эта фраза впервые прозвучала в контексте режима чрезвычайного положения, введенного британцами в Малайе в 1950-х. Не овладев сердцами и умами местного населения, невозможно получить необходимые сведения, а без них с террористами не справиться. Как правило, преступники или торговцы наркотиками не получают широкой поддержки, поэтому правительство, ведя борьбу с ними, может быть уверено, что

большая часть общества будет на его стороне. Однако хорошо известно, что тот, кто для одних является террористом, для других не кто иной, как борец за свободу. Террористов удастся уничтожить только в том случае, если общественное мнение и в стране, и за ее пределами считает их преступниками, а не героями и выступает на стороне государства. Британский опыт и в Палестине, и в Ирландии показывает: если террористам удастся спровоцировать правительство на использование против них военной силы, то, значит, они уже добились успеха. В этом случае они так или иначе в выигрыше: либо им удастся избежать разгрома и возобновить сражение в другой раз, либо они терпят поражение, и тогда их прославляют как мучеников.

В борьбе с террористами наверняка пострадает множество гражданских лиц, что вновь подорвет авторитет правительства. Кто в Соединенном Королевстве сможет когда-нибудь забыть Кровавое воскресенье в Северной Ирландии? Тогда, в 1972 году, британские войска расстреляли мирную демонстрацию и тем самым предоставили Ирландской республиканской армии настолько сильный пропагандистский козырь, что британское правительство не может оправиться до сих пор. И если такое случается, когда пускают в ход винтовки, то что же говорить о бомбардировках? Это все равно что выжигать раковые клетки паяльной лам-

пой. Бомбардировки Афганистана, повлекшие за собой неизбежный «сопутствующий ущерб», свели на нет колоссальное моральное превосходство США, достигнутое в результате терактов в Америке.

Пройдет немного времени, и события 11 сентября если и не будут забыты, то станут частью истории.

Вместе с тем каждый новый кадр с изображением уничтоженной бомбами больницы, или детей, подорвавшихся на пехотных минах, или беженцев, спасающихся от начатой Западом войны, будет усиливать ненависть и привлекать новых бойцов в ряды террористов. Одновременно все больше сомнений будет посеяно в душах сторонников Америки.

Нет никаких сомнений в том, что афганскую кампанию начали после длительных консультаций, целиком осознавая все возможные проблемы и риски в военной и политической сферах, веря, что альтернативы нет. Американцы изящно прозвали ситуацию, при которой принималось решение, «AOS», то есть «all options stink» (один вариант хуже другого).

И вынудив союзников все же начать кампанию, террористы добились первой, важнейшей победы.

Вполне понятная аргументация в пользу военных действий была основана на политической посылке о том, что террористическую сеть необходимо уничтожить как можно быстрее, чтобы она не успела причинить еще больший вред. Кроме того, было вы-

сказано предположение, что террористической сетью руководит единственный злой гений — Усама бен Ладен, устранение которого если и не уничтожит всю организацию, то, по крайней мере, лишит ее боевого духа. Бен Ладен действовал с территории страны, лидеры которой отказывались выдавать его международному правосудию, и надо было сделать так, чтобы они поменяли свою точку зрения. Казалось, что бомбовые удары — самый надежный способ сломить их волю, так как наземное вторжение на территорию страны привело бы к гигантским, а может быть, и непреодолимым трудностям в тылу. Принимая во внимание все эти соображения, можно ли говорить об альтернативах?

Неверные постулаты

Но самые веские аргументы и безупречная логика бесполезны, если они строятся на ошибочных предположениях. Нет сомнений, что и в Вашингтоне, и в Уайтхолле звучали голоса тех, кто сомневался в необходимости проведения немедленной военной операции и считал ее опасной. Но их не было слышно из-за оглушительного политического императива: «Надо что-то сделать». Очевидно, те же люди полагали, что неразумно и неправильно провозглашать бен Ладена ключевой и незаменимой фигурой в террористической сети. Ведь становясь для некоторых исчадием ада, он для других превращается в ге-

роя. Именно так относятся к «борцам за свободу» во все времена. Теперь перед союзниками стоит сложнейшая дилемма. «Призвав бен Ладена к ответу» и начав над ним суд, они предоставят ему трибуну для глобальной пропаганды. Если он будет убит — например, «застрелен при попытке к бегству», — он станет мучеником. Если же ему удастся бежать, то он превратится в Робина Гуда. Бен Ладен просто не может проиграть. И даже если его устроят, трудно поверить, что его международная сеть, состоящая, судя по всему, из людей столь же умных и образованных, сколь безжалостных и целеустремленных, прекратит функционировать. Террористы бен Ладена остановят свою смертоносную деятельность только тогда, когда их всех выследят и выдворят из их убежищ, а для этого понадобятся длительные и упорные операции полиции и сил безопасности. Этот процесс, как справедливо указал начальник штаба вооруженных сил Великобритании адмирал сэр Майкл Бойс, может занять десятилетия — возможно, столько же, сколько длилась холодная война. Теперь, раз операция началась, надо добиваться успеха. Успех должен быть достаточно ощутимым, чтобы союзники могли с честью завершить кампанию, а таблоиды — провозгласить победу (хотя требование победы и риторика в стиле Черчилля, сопровождающая этот боевой клич, показывают, насколько глубоко заблуждаются пресса и политики в оценке

проблемы терроризма). Только добившись почетного прекращения операции, можно будет продолжить войну — побороться за умы и сердца. А уж в этой войне не будет ни эффектных сражений, ни громкой победы. Приведенное Бойсом сравнение антитеррористической кампании с холодной войной ценно и с другой точки зрения. Холодная война должна была все время оставаться «холодной»: постоянно существовала опасность, что она превратится в «горячую» ядерную войну, в которой катастрофическое поражение потерпят все ее участники. Опасность ядерной войны, по крайней мере в глобальном масштабе, сейчас отступила, однако ее сменила другая угроза, ничуть не менее суровая, — вероятность длительного противостояния культур, что не только разделит мир, но и подорвет внутреннее единство наших все более мультикультурных обществ. И чем дольше продолжится открытая война с терроризмом в Афганистане или где-либо еще, тем ближе человечество подойдет к подобной конфронтации. Нет никаких причин полагать, что христианский мир меньше симпатизирует, к примеру, Иану Пейсли из Северной Ирландии, чем мусульманское сообщество — Усаме бен Ладену. Последний принадлежит к тому типу людей, который хорошо знаком британской истории: харизматический религиозный лидер, фанатически ненавидящий Запад и проповедующий

идеи, которые иногда подхватывает целый народ. Таковы были Махди в Судане в конце XIX века и человек по прозвищу Бешеный Мулла в Сомалиленде в начале XX столетия. Эти деятели, по всеобщему признанию, представляли собой чисто локальную проблему, хотя для того чтобы справиться с Махди и его последователями, понадобилось привлечь значительные силы британской армии.

Культурная подоплека

Между тем сегодняшняя ситуация отличается тем, что подобные лидеры могут вербовать сторонников во всем мире и нанести удар в любом районе земного шара. Они не являются представителями ислама, и ислам не одобряет их акций, однако притягательность их воззрений коренится в том самом явлении, которое во второй половине XX века стало представлять собой серьезную проблему для ислама. Имеется в виду вызов, брошенный исламской культуре и ценностям со стороны западной — светской, материалистической — культуры, с которой ислам не способен ужиться. Это большая и важная проблема. В ней необходимо разобраться, если мы хотим сохранить для себя возможность надеяться на победу в новой холодной войне или хотя бы на то, что она не станет «горячей». Удивительно, насколько Запад безучастен в отношении Востока, как плохо он осведомлен о глубочайшем кризисе, поразившем эту обширную

территорию, протянувшуюся от государств Магриба до Филиппин: перенаселенный, слаборазвитый, еще не примирившийся с современностью мир входит, подталкиваемый Западом, в постсовременную эпоху. Речь идет не о противопоставлении бедных и богатых, а о значительно более глубоком и трудноразрешимом противостоянии: теистическая, традиционная, основанная на земледелии культура, кое-где недалеко ушедшая от культуры европейского Средневековья, сопротивляется влиянию светских ценностей периода Просвещения. Британцы и французы, благодаря своему имперскому опыту, должны понимать эти проблемы. Но для большинства американцев ислам все еще остается *terra incognita* — белым пятном на карте, неизвестной землей, где обитают в основном драконы. Вот каков этот регион, где надо биться за сердца и умы и выиграть сражение, — если только борьбе с терроризмом суждено закончиться победой. На переднем крае этой схватки, однако, не Афганистан, а те исламские государства, где правительствам, модернизирующим жизнь в своих странах, угрожают традиционалисты. Это, в частности, Турция, Египет и Пакистан. Передовая линия проходит также по улицам западных городов, где живут представители множества наций. У мусульман Анкары и Каира, Парижа и Берлина события 11 сентября 2001 года вызвали ощущение ужаса, но они

произошли очень далеко и в другом мире. В то же время мусульмане всего земного шара отождествляют себя с теми, кто страдает в результате военных операций Запада или Израиля, — ведь о мучениях своих собратьев по вере они узнают благодаря телевидению каждый день.

Именно поэтому затягивание войны может повлечь за собой тяжелые потери. А уж если во имя искоренения терроризма и установления мира во

всем мире война распространится на другие «государства-изгои», начиная с Ирака, то это и вовсе приведет к катастрофе. Расширение театра военных действий, как никакая иная стратегия, продлит войну на неопределенный срок, и ее никогда не удастся выиграть.

Британский премьер-министр и американский президент призывали своих граждан сохранять мужество. Не менее важно не потерять голову.

Энергия без границ

«Российский Нобель» ищет достойных

Жорес Алфёров, Евгений Велихов

С тех пор как человек научился добывать огонь, он постоянно овладевает все новыми видами энергии, включая и ту, что рождается в недрах звезд. «Властелином природы» человек стал именно благодаря своему господству над огненной стихией, понятие «энергия» испокон века определяет его бытие, как таковое.

А сегодня уровень развития цивилизации определяется уровнем потребления энергии на душу населения. Без поиска новых источников энергии, совершенствования технологий ее производства и доставки не создать условий для нормальной жизни. Иными словами, качество жизни напрямую зависит от разви-

Ж.И. Алфёров — вице-президент РАН, академик РАН, лауреат Нобелевской премии, председатель Международного комитета по присуждению премии «Глобальная энергия». **Е.П. Велихов** — президент Российского научного центра «Курчатовский институт», академик РАН, член Международного комитета по присуждению премии «Глобальная энергия»

тия энергетики, а оно невозможно без активного вклада ученых.

Особенно остро энергетическая проблема встанет через пару десятилетий, когда спрос на энергию увеличится на две трети по сравнению с нынешним. Получение электроэнергии потребует огромных капиталовложений. По подсчетам Международного энергетического агентства (IEA), в ближайшие 30 лет только электроэнергия обойдется населению планеты в 4 биллиона 200 миллиардов долларов. Причем половина производимого объема будет потреблена в развивающихся странах, что в два раза больше, чем за последние 30 лет.

До 90 % получаемой энергии придется на органические носители (нефть и особенно природный газ, спрос на который вырастет вдвое). В то же время загрязнение воздуха продуктами сжигания органических веществ вызывает немалое беспокойство в связи с угрозой окружающей среде и перспективой изменения климата на планете. Согласно прогнозам упомянутого агентства, выброс углерода, как ни парадоксально, все время будет опережать рост потребления энергии. Продолжая сжигать органическое топливо, мы накапливаем углерод в атмосфере, забывая о том, что требуется не менее ста лет, чтобы его концентрация в атмосфере сократилась. Глобальное потепление, к сожалению, уже нельзя объяснить

только циклическими процессами потепления и охлаждения, присущими развитию планеты. Уже нет сомнения, что нынешняя фаза потепления — результат деятельности человека. Углекислый газ, метан, некоторые другие продукты жизнедеятельности поглощают тепловое излучение Земли, и когда их концентрация увеличивается, происходит сначала незначительное, а затем все более заметное изменение температуры поверхности планеты. Разрушая тепловой баланс, мы, по сути, без всяких войн ведем человечество к гибели.

Солнце, ветер и вода

Одним из настоятельных требований времени являются поиск новых источников энергии, разработка методов ее преобразования. Эта задача определяет направления работы ученых, инженеров, изобретателей в России и за рубежом. Однако новые источники энергии — это чаще всего не те, которые нам неизвестны, а те, которые пока не нашли своего применения. Важнейшим условием современного применения новых источников энергии являются их экологическая чистота, особые методы преобразования одного вида энергии в другой. При этом акцент делается на энергосберегающих технологиях, возобновляемых источниках, таких, как солнце, ветер, водная стихия. Например, в Европейском союзе поставлена цель: к 2010

году получать 22 % электроэнергии с помощью новых источников. Не случайно ветряная энергия – надежная, экологичная, а в ряде случаев и экономически весьма рентабельная – играет все более значительную роль в жизни многих регионов мира. Так, по данным на конец 2001-го, в Германии с помощью ветровой энергии было получено 8 000 МВт, или 3,5 % всей электроэнергии; в Испании – 3 000 МВт; в США – 1 700 МВт. Впечатляют многокилометровые сооружения из ветряков в районе Сан-Франциско. Очевидные успехи в развитии такого вида энергии достигнуты в Дании. Эта страна, где энергетическая политика традиционно направлена на сохранение окружающей среды, стала одной из первых, в которой реализованы программы использования новых источников энергии. Энергия ветра составляет там прямую конкуренцию природному газу. Уже в 2000 году 12,6 % электроэнергии Дания получала с помощью ветряных турбин – больше, чем любая другая страна.

России предстоит многое сделать в этой области, чтобы создать экономически приемлемые системы и найти способы их применения. Действие ветра распределено по планете очень неравномерно, и там, где его скорость незначительна, ветровые станции вообще нет смысла строить. Материковые стан-

ции способны обеспечить очень скромный запас ветровой энергии. Зато, скажем, Курильские острова представляют собой, что называется, природную «ветряную ферму», и там есть возможность получать значительное количество электроэнергии.

Водная стихия так же с давних пор привлекает внимание ученых. Вода становится одним из источников энергии. Через какие-то десятилетия в связи с нехваткой нефти и проблемами загрязнения окружающей среды возникнет вопрос об источниках горючего для автомобилей. Сейчас ученые озаботились этой проблемой и думают о воде как источнике получения водорода, размышляют над тем, как в соответствии с требованиями, которые предъявляет водородное топливо, создать более эффективную концепцию двигателя. Существует совместный российско-японский проект, в основе которого лежит идея превращения воды в водород путем электролиза. Получаемый таким образом водород уже как моторное топливо будет перекачиваться по трубопроводам и доставляться на рынок непосредственно потребителю.

Совместные усилия мировой науки стимулировали прогресс и на других важных направлениях. Например, применение международного опыта позволило российским ученым повысить КПД и одновременно удешевить способы получения электро-

энергии из природного газа с помощью газотурбинного цикла. Это один из наиболее эффективных способов использования природного газа. Достаточно сказать, что в мире работа в этом направлении позволила повысить коэффициент полезного действия до 50 %. С другой стороны, предстоит изучить другие аналогичные природному газу ископаемые источники, например гидраты, запасы которых превышают объем месторождений природного газа, но надо научиться их добывать, перерабатывать и использовать.

Остров в океане

Несмотря на поиски новых источников энергии, на «издержки», связанные с угрозой изменения климата на Земле, в обозримой перспективе нет равноценной альтернативы такому жидкому топливу, как нефть. Согласно прогнозам ИЕА, потребление нефти не снизится, а только возрастет (транспортные нужды почти целиком будут удовлетворяться за счет нефти, расход которой будет расти в среднем на 2,1 % в год). Это заставляет правительства разных стран широко использовать достижения науки и технологии, чтобы освоить получение нефти не только путем ее непосредственной добычи, но и также из угля, битумных сланцев, нефтеносных песков и даже из растений. Тем не менее цивилизация продол-

жает зависеть от дешевых источников природных ресурсов. А это грозит кризисами, связанными с нехваткой нефти, продолжением борьбы за энергоресурсы, время от времени переходящей в политическую плоскость и нередко приводящей к военным конфликтам. Поэтому только развитие науки, технологии, предсказание энергетических кризисов и нахождение технологических способов их предотвращения обеспечат нормальное, самоподдерживающееся развитие экономики. Важно также научиться использовать сочетание различных источников энергии, что позволит избежать зависимости от импорта нефти.

При всем при том на сегодняшний день основными источниками электроэнергии остаются тепловые электростанции, которые работают за счет использования все того же естественного топлива: нефти, газа, угля. В связи с этим полезно вспомнить предупреждение Дмитрия Менделеева о том, что нефть не топливо, топить можно ассигнациями. Нешадно эксплуатируя природные виды топлива, мы, словно доисторические люди, разводим костры на нашей Земле — с той лишь разницей, что теперь они стали гигантскими, в них сгорает все наше достояние.

Есть ли необходимость столь варварски относиться к ресурсам планеты? Ведь мы говорим, что воз-

возможности человеческого разума безграничны. Человечеству по силам генерировать поистине особую энергию — интеллектуальную. Совершенно очевидно, что неуклонный рост потребления энергии требует вложения не только капиталов, но и интеллекта. У нас буквально из-под ног бьют разнообразные источники энергии, которые человек способен поставить себе на службу. Как выразился американский ученый Джон Уилер, мы живем на острове знания, окруженном океаном нашей неосведомленности. Так давайте предоставим науке возможность использовать богатства, хранящиеся в недрах этого «острова». Задача, которую предстоит решать международному научному сообществу, под силу только одержимым, целеустремленным, обладающим четким видением проблемы ученым, знающим, как ее решать. Требуется мощный интеллектуальный прорыв, постоянный поиск алгоритмов, применимых в каждом конкретном случае, правильно отражающих пространственную и временную локализацию поставленной проблемы. От этого зависит, насколько эффективным будет вклад науки в развитие цивилизации.

Энергия интеллекта

Энергетика — это сфера, в которой Россия располагает огромным потенциалом. И дело не только в бо-

гатстве природных ресурсов, но и в мощной научной базе. Сохранить наше научное лидерство чрезвычайно важно и в экономическом плане. Вклад России признан международным сообществом, наша страна всегда была пионером в области энергетических исследований. Сегодня это и термоядерные реакторы, и система ТОКАМАК, и единственный в мире коммерческий реактор ВФ-600 на быстрых нейтронах с натриевым охлаждением, и решение такой задачи поистине космических масштабов, какую представляет собой создание Единой энергетической системы. В России сейчас насчитывается 98 крупных ГЭС, есть возможности для строительства еще нескольких станций суммарной мощностью 12—14 млн кВт. Но эффективность использования наших природных ресурсов на самом деле зависит от того, насколько мы сможем связать их с наукой и производством.

Известный американский ученый Томас Кун писал об относительном недостатке конкурирующих школ в развитых науках, об уникальной в своем роде аудитории научного общества, об узком круге их идей. История науки свидетельствует о том, что ее необходимо стимулировать, и исследования в области энергетики — как фундаментальные, так и прикладные — не исключение. Наиболее престижными стимуляторами науки всегда явля-

лись международные премии, такие, как, например, Нобелевская, присуждаемая Шведской академией наук, и ряд других. Достойное место в этом ряду должна занять новая международная энергетическая премия «Глобальная энергия», которая начиная с этого года будет ежегодно вручаться в Санкт-Петербурге. В выдвижении первых номинантов примут участие около 300 крупнейших специалистов всего мира. Учрежден Международный комитет из ведущих российских и зарубежных ученых, в состав которого включены пять нобелевских лауреатов. Выбор энергетики не случаен: ведь это локомотив истории, мотор прогресса, та сфера деятельности, которая приводит к серьезным изменениям в социальной сфере, к развитию наукоемких технологий, определяет развитие любой отрасли промышленности, мирового хозяйства в целом.

Сам механизм присуждения «Глобальной энергии» напоминает механизм отбора и рассмотрения работ Нобелевскими комитетами — простой и открытый. Ведь что определяет престижность Нобелевской премии? Конечно, то, что каждое ее присуждение — это веха, фиксирующая действительно самые выдающиеся достижения. Нобель точно выбрал те области фундаментальных исследований, которые по сей день определяют развитие мировой науки: это физика, химия,

физиология и медицина. Известно, что XX век стал веком физики, потому что квантовая физика сформировала современную философию познания. Энергетика вполне может претендовать на звание науки XXI века, так что учреждение международной энергетической премии в дополнение к Нобелевской вполне закономерно. Эта награда будет не только способствовать международному признанию деятельности отдельных ученых и научных коллективов, но и станет «катализатором» процесса превращения исследований в разных странах в единый поток знаний. Наука интернациональна по своей природе, сама жизнь давно раздвинула в ней национальные границы, тем более когда речь идет о такой всеобъемлющей проблеме, как энергетическая. Знаменательно, что идея «Глобальной энергии» возникла именно в России. Отечественная наука занимает прочные позиции на всех основных направлениях энергетики, однако для ее плодотворного развития необходим постоянный обмен идеями с зарубежными коллегами. Премия даст новый импульс развитию энергетики в нашей стране, а это, в свою очередь, позволит приблизиться к решению проблем, с которыми мы сталкиваемся в последние годы, удовлетворить растущий спрос на энергию, от чего напрямую зависит осуществление экономической реформы.

**От энергии звезд —
к квантовым компьютерам**

В середине прошлого века американский физик-теоретик, нобелевский лауреат Ханс Бете высказал гипотезу о том, что источником энергии, которую излучают Солнце и звезды, является термоядерный синтез. А совсем недавно Нобелевской премии были удостоены физики, экспериментально подтвердившие протекание термоядерной реакции в недрах Солнца. По сути, наше светило — это колоссальный термоядерный реактор. Строго говоря, жизнь на планете существует за счет одного главного источника — термоядерной реакции Солнца. Дальше продукты этой реакции поступают на Землю в виде световой энергии, которая нас согревает, преобразуется в электричество либо аккумулируется в виде нефти, газа, угля. Именно благодаря такому огромному потоку энергии, в той или иной форме поступающей от Солнца, можно вообще говорить о таком сложном явлении, как жизнь. Человечество нуждается в этом непрерывном потоке энергии, можно сказать, живет в нем, как рыба в потоке воды. Одним из направлений энергетики будущего является солнечная энергетика. На сегодняшний день наиболее эффективным способом преобразования солнечной энергии является полупроводниковый фотоэффект. С 1876 года, когда в Великобритании был создан первый фото-

элемент, до наших дней ученые работают над совершенствованием этой технологии, повышением ее эффективности. Однако подлинная история использования полупроводниковых преобразователей началась в 1958-м, когда на третьем советском спутнике и американском спутнике «Авангард» в качестве источника энергии были установлены солнечные кремниевые батареи, с тех пор основной источник энергии в космосе. В 1974 году наши ученые приступили к промышленному производству солнечных батарей на гетероструктурах, тогда же этими батареями стали оснащаться искусственные спутники. Гетероструктуры позволили создать фотоэлементы с КПД 30—35 %. Сейчас в мире идет работа над удвоением мощности солнечных фотоэлектрических установок. Это наиболее перспективный способ получения и использования энергии на Земле. Пока, правда, это самый дорогой вид энергии, но в перспективе ее стоимость будет сравнима с той, что вырабатывается на атомных станциях. Тем более что такая энергия экологически безупречна и запасы ее практически неисчерпаемы.

Уже сейчас много направлений, на которых солнечная энергия может найти широкое применение. Например, развитие мобильной телефонной связи потребует создания автономных станций для питания антенн, а в нашей огромной стране

это также будет способствовать налаживанию широкого производства солнечных батарей. Однако следует признать, что на данный момент результаты наших научных разработок востребованы за рубежом, а не в России. В ближайшем будущем можно ожидать достижения КПД солнечных батарей на гетероструктурах в 40—45 %. По оценкам специалистов, в 2030 году до 10 % мировой электроэнергии будет производиться за счет фотоэлектрического преобразования солнечной энергии.

Наше термоядерное будущее

Усилиями международного коллектива ученых, в том числе россиянина Игоря Курчатова, загадка получения энергии с помощью термоядерной реакции была успешно разрешена. Однако использование термоядерной энергии оказалось задачей необычайно сложной. Много лет назад на одной из первых конференций по термоядерной энергетике руководителю британской программы, лауреату Нобелевской премии Джону Кокрофту, одному из создателей первого ускорителя протонов, был задан вопрос: когда начнется промышленное использование термоядерной энергии? Кокрофт ответил: через 20 лет. Спустя семь лет на аналогичной конференции журналисты задали тот же вопрос, и профессор Кокрофт слово в слово воспроизвел свой прежний

ответ. Тогда его упрекнули в том, что он повторяется. На что Джон Кокрофт невозмутимо возразил: «Вот видите, я не меняю свою точку зрения». Сегодня специалисты-термоядерщики оценивают перспективы начала промышленного использования этой технологии как 30—50 лет.

Но уже сейчас те сдвиги, которые происходят в науке, позволили поставить беспрецедентную задачу — создание международного проекта атомной термоядерной электростанции. Одной из глобальных задач, которые будут способствовать выполнению этого проекта, является создание более безопасных реакторов — на быстрых нейтронах (с энергиями свыше 100 кэВ), которые сжигают весь уран без остатка. Не просто в земных условиях получить температуру 150 миллионов градусов, а чтобы ее изолировать, требуются особые магнитные ловушки — тотальные камеры с магнитным полем (ТОКАМАКи). Образуемое магнитное поле необходимо для равновесия и термоизоляции плазмы. Идея крупного международного проекта по созданию реактора с магнитной ловушкой впервые была высказана советскими академиками Игорем Таммом и Андреем Сахаровым. На сегодняшний день проделана большая работа, чтобы продемонстрировать надежность этой технологии, умение управлять термоядерной реакцией. Те-

перь важно научиться технологически использовать продукт этой реакции — нейтроны, превращать их, к примеру, в электроэнергию, пресную воду, моторное топливо, углеводород. Сейчас закончился этап проектирования первого экспериментального термоядерного реактора (проект стоил около 2 млрд долларов), в котором приняли участие США, Япония, Европа, Канада и Россия. Идут переговоры о его строительстве. После завершения строительства и освоения реактора можно будет приступить к созданию первой в мире атомной термоядерной электростанции. Современная наука постоянно обогащается. Чем больше решений вы находите, тем больше возникает проблем, потому что жизнь не останавливается. Энергия нужна везде: в компьютере, в биодатчике, в кардиостимуляторе, а в недалеком будущем — и в церебростимуляторе. Потребности растут быстрее, чем наука может их обеспечивать. Пока у нас нет четкого понимания того, как подойти к кардинальным проблемам наподобие аккумулирования электрической энергии, сверхпроводимости. Есть задачи, которые мно-

гие годы ждут своего решения. Например, в свое время академик Герш Будкер высказал идею о возможности передавать энергию на большие расстояния без потерь посредством электронного пучка. Сейчас мы стоим накануне решения этой проблемы, что позволит с помощью алюминиевой трубки диаметром в несколько сантиметров передавать гигаватты электрической энергии.

Итак, в распоряжении человечества уже имеются многие новые способы получения и передачи энергии. Это прежде всего управляемый термоядерный синтез, высокотемпературная сверхпроводимость и фотоэлектрическое преобразование солнечной энергии. Осталось только не покладая рук работать в этом направлении. Цель международного научного сообщества — превратить безопасную и доступную энергию в основу стабильности мира и достойного будущего для людей нашей планеты. Для России же это будет означать решение основной задачи развития — используя средства, получаемые от природных ресурсов, возродить промышленность, и прежде всего ее наукоемкие отрасли.

Евро-тихоокеанская держава

Москве необходимо партнерство с Токио

Дмитрий Тренин

За последние два года российское руководство отказалось от бесперспективного «остаточного» соперничества с США и предприняло усилия по выстраиванию партнерства с глобальной сверхдержавой. Одновременно Москва обозначила стремление к сближению с Европейским союзом (ЕС) в рамках общего экономического и правового поля, основанного — другого варианта нет — на нормах и принципах ЕС. Главным содержанием того, что уже именуют «доктриной Путина», является приведение целей внешней политики в соответствие с ресурсами и внутренними потребностями страны.

Новый уровень отношений с Западом создает благоприятные внешние условия для модернизации самой России — объективно главной общенациональной задачи начала XXI века. Все более полноценное членство в «восьмерке», предстоящее вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО), продук-

тивная работа Совета Россия — НАТО и, наконец, перспектива постепенного восприятия Россией положений европейского свода законов (*acquis communautaire*) создают мощные стимулы для продвижения российских реформ.

Переосмыслив отношения с Америкой и Европой с точки зрения внутренних потребностей России, Кремль пока не нашел адекватного места для Азии, политика в отношении которой остается «рассыпчатой». Российская Федерация развивает стратегическое партнерство с Китаем, укрепляет военно-техническое сотрудничество с Индией, стремится восстановить политическое влияние на севере Корейского полуострова — отчасти для расширения экономического сотрудничества с его югом — и обменивается планами сотрудничества с Японией, отношения с которой не могут развиваться в полном объеме из-за нерешенной территориальной проблемы.

Д.В. Тренин — заместитель директора Московского центра Карнеги

Азиатская политика начинается за Уралом

В то же время очевидно — и Кремль это признает, — что ситуация, складывающаяся на Дальнем Востоке и в Забайкалье, превратилась в одну из самых острых и масштабных проблем всей страны. Разумеется, поиск и реализация формулы развития Дальнего Востока — задача прежде всего внутренняя. Тем не менее, учитывая географическое положение региона, роль внешних ресурсов в ее решении может быть очень заметной. Именно под этим углом зрения есть смысл проанализировать азиатскую политику Москвы.

Отношения с Индией имеют хорошую перспективу, но покоятся пока на довольно узкой базе военно-технического сотрудничества, несколько расширившейся в последнее время благодаря совпадению интересов в борьбе с исламскими экстремистами. Использовать «беспроблемный» характер российско-индийских отношений для развития экономических связей — очевидная потребность. Участие индийского капитала в энергетических проектах на Сахалине — многообещающий шаг вперед. Есть возможности и для более тесного научно-технического взаимодействия. В то же время приходится признать, что влияние индийского фактора на развитие российского Дальнего Востока в обозримой перспективе будет довольно ограничено.

В начале 1990-х, когда Москва взяла курс на ускоренное развитие отношений с Сеулом, многие россияне надеялись на быстрый рост южнокорейских инвестиций в экономику дальневосточных регионов. Однако инвестиционная непривлекательность России и отсутствие у нее «политической валюты» в виде эффективного влияния на Пхеньян жестко ограничили масштабы сотрудничества. С конца прошлого десятилетия Москва, вновь скорректировав свой курс на Корейском полуострове, пытается «сочетать экономику с политикой» — в частности, для реализации грандиозного проекта железнодорожной магистрали, которая связала бы Восточную Азию с Западной Европой — через территорию России. Тем не менее перманентно кризисная ситуация вокруг и внутри КНДР делает осуществление данных планов делом рискованным.

В этих условиях приоритетом для России остается расширение партнерства с Китаем. Аргументы в пользу такого партнерства очевидны. Хотя отношения между Москвой и Пекином были нормализованы еще в 1989 году, нельзя забывать, что на протяжении трех предшествовавших десятилетий советско-китайская граница являлась фронтом противостояния. На укрепление границы с КНР Советский Союз истратил, по свидетельству бывшего министра иностранных дел Шеварднадзе, 300 млрд рублей — сумму, вдвое превы-

шавшую среднегодовой союзный бюджет начала 1980-х. В этой связи значение добрососедских отношений с КНР, с которой у России имеется почти 4 300 км общей границы, невозможно переоценить. Пекин, кроме того, в последние годы стал незаменимым партнером Москвы в деле укрепления международной стабильности в таких сопредельных регионах, как Корейский полуостров и Центральная Азия.

Соображения безопасности подкрепляются экономическими доводами. Стабильно быстро растущий и бурно развивающийся Китай является одним из самых перспективных новых рынков в мире. Крупные российские компании — нефтяные, газовые, энергетические, авиастроительные — стремятся пробиться на китайский рынок и закрепиться на нем. Заказы китайских вооруженных сил во многом «поддерживают на плаву» российскую оборонную промышленность. Дешевые китайские товары массового спроса прочно заняли нишу на небогатом рынке российского Дальнего Востока. Наконец, Китай — перспективный источник рабочей силы для обеспеченных природными ресурсами, но малонаселенных районов к востоку от Байкала.

Китай – проблемный партнер

Надо прямо сказать, что большинство расхожих спекуляций на тему китайской угрозы, нависшей над Россией, сегодня лишены оснований.

Современный Китай — держава не агрессивная. Пекинское руководство, следуя курсу Дэн Сяопина, демонстрирует умеренность и предсказуемость своей внешней политики. Официальный лозунг китайской дипломатии — мир и развитие — соответствует действительным потребностям Китая. В определении национальной стратегии примат экономики сохраняется. Вооруженные силы КНР ориентированы не на север (Россия), а на юго-восток (Тайвань) и юг (Южно-Китайское море). А китайская демографическая агрессия против России — демагогический образ, созданный российскими политиками, эксплуатирующими чувства разочарования и национального унижения, которые испытывает часть избирателей.

В то же время, размышляя о перспективах партнерства с КНР в аспекте потребностей российской модернизации, необходимо учитывать ряд существенных ограничений.

Современный Китай превосходит Россию по ряду важнейших показателей — в частности, по объему ВВП в пять раз, по людским ресурсам — в девять раз. Традиционное преимущество России в уровне жизни, образования, даже в военной мощи (включая ракетно-ядерный потенциал) постепенно, но ощутимо сокращается или нивелируется. Для России, таким образом, отношения с Китаем уже сегодня — это партнерство неравных величин.

В этой асимметрии, как таковой, нет ничего угрожающего, но ее необходимо учитывать, выстраивая стратегию на будущее.

Между тем будущее самого Китая остается неясным. Проведение структурных преобразований, неотвратимых в свете вступления КНР в ВТО, может отразиться на темпах роста экономики. Это, в свою очередь, чревато серьезными социальными, политическими последствиями. Вопрос о власти становится все более актуальным. Даже с марксистской точки зрения противоречие между развивающимся экономическим базисом и архаичной политической надстройкой в КНР обостряется. Смена поколений в руководстве компартии Китая (хотя она и проходит сравнительно гладко) отнюдь не тождественна политической реформе. Механизм перехода от авторитарного правления к китайской модели демократии пока отсутствует — как и сама эта модель. Ясно одно: КПК — династия, которая уже вышла на финишную прямую. Кто и при каких обстоятельствах ее сменит — вопрос, на который пока нет ответа.

При всей умеренности нынешней политики Пекина нельзя исключать возможность прихода к власти в условиях кризиса великодержавных сил. Военное решение тайваньского вопроса — если допустить такой вариант развития событий — приведет КНР на грань конфликта с США. С другой стороны, мирное воссоедине-

ние Тайваня с материком поставит вопрос о том, исчерпана ли национальная повестка дня и, если нет, где пролегает ее следующий рубеж. Невозможно исключать в этой связи вероятности обострения китайско-индийских и китайско-японских отношений. Это не только поставит Россию в сложное положение «выбора» между КНР и США, КНР и Индией, КНР и Японией. Необходимо помнить о том, что российско-китайская граница до сих пор зафиксирована не на всем ее протяжении и существует гипотетическая возможность возобновления территориальных претензий к России.

Китай может рассматриваться в качестве источника инвестиций. Проблема, однако, в том, что значительная часть китайских компаний и банков являются государственными или контролируются государством. Это, естественно, вызывает опасения у тех, кто видит в экспансии китайского капитала перспективу расширения политического влияния китайского государства. Показательна недавняя история с участием Китайской национальной нефтяной компании в аукционе по продаже «Славнефти». Силы, заинтересованные в устранении китайских конкурентов, успешно воспользовались этим «политэкономическим» аргументом.

К самому Китаю можно относиться как к сфере приложения российского капитала. Тем не менее, как об-

наружили российские компании, стратегическое партнерство Москвы и Пекина не создает им конкурентных преимуществ перед другими игроками на китайском рынке. Место, которое россияне смогут отвоевать для себя на этой огромной площадке, будет, вероятно, скромным. Выход на рынки других стран Азиатско-Тихоокеанского региона через Китай вполне возможен для предприятий ТЭКа, но вряд ли реален для компаний, работающих в других областях.

В обозримой перспективе Китай не может рассматриваться как потенциальный источник передовых технологий, в которых нуждается Россия. Хотя в КНР ходят самые быстрые в мире поезда и строятся самые высокие плотины, большинство технологий, используемых при этом, иностранного происхождения. По развитию инженерной мысли Россия пока еще сохраняет преимущество перед соседом. Более реальна и привлекательна продажа российских технологий Китаю. Нужно, однако, учитывать специфический характер этих технологий: в основном они применяются в военной промышленности или ядерной энергетике. Наконец, хотя развитие дальневосточных регионов неизбежно потребует привлечения трудовых ресурсов в масштабах, превосходящих возможности России, даже с учетом стран СНГ, для импорта китайской рабочей силы на Дальний Восток

будут существовать жесткие ограничения. Соотношение 5 миллионов проживающих в регионе россиян к 130 миллионам их соседей в Северо-Восточном Китае при 4 300 км общей границы не нуждается в комментариях.

Сотрудничество с Японией: перспективы и препятствия

Итак, сотрудничество с Китаем чрезвычайно полезно для развития российского Дальнего Востока и Сибири. В то же время ведущим партнером России в области модернизации страны Китай объективно быть не может. Между тем потребность в таком партнере на востоке очевидна. В этой связи внимание естественным образом привлекает Япония. В пользу приоритетного взаимодействия с Японией говорят прежде всего ее экономический потенциал — по-прежнему третий в мире, после США и ЕС, а также передовой технологический уровень и существенные финансовые возможности. Идея экономически «опереться на Японию» не нова. Впервые она была выдвинута еще в начале 1960-х годов, когда Токио посетил Анастас Микоян — первый советский политик высокого уровня. Более масштабная попытка реализации этой идеи была предпринята в 1970-е, после первого официального визита в СССР главы японского правительства Какуэя Танаки. Эти усилия принесли зримые, но ограниченные результаты. СССР

продавал сырье и ввозил японские промышленные товары и оборудование. Японская технология применялась в лесной и рыбной промышленности СССР и т. д. Более тесного взаимодействия не получалось. Автаркическая советская модель не поддавалась интеграции.

Кроме того, вплоть до окончания холодной войны (фактически до распада СССР) Москва и Токио воспринимали друг друга как потенциальных противников. Советский Генштаб видел в Японии главную военную базу США на восточных рубежах СССР, а американо-японский Договор безопасности вкупе с американо-южнокорейским союзом считался восточным аналогом НАТО.

Ситуация резко изменилась на рубеже 1990-х. Москва и Токио стояли тогда на пороге качественного прорыва во взаимоотношениях. Открывалась перспектива подписания мирного договора, решения в его рамках территориальной проблемы и затем — на этой основе — развития масштабного экономического сотрудничества между обеими странами.

Эти возможности не были использованы по ряду причин. И Токио, и Москва были «заиклены» на территориальном вопросе. Встроить решение данного вопроса в более широкий контекст они тогда не смогли. Кроме того, японские правящие круги слишком долго проявляли скептицизм в отношении перспектив горбачевской перестройки, вследст-

вие чего визит советского президента в Японию состоялся очень поздно, в период (апрель 1991 года), когда влияние Горбачева внутри страны стало стремительно убывать. Впрочем, если бы Горбачеву и удалось «в последний час» достичь договоренности с японским руководством, вряд ли она была бы реализована. А случись такое, сомнительно, чтобы от этого существенно выиграли реформы. Гораздо вероятнее предполагать появление в России ирредентизма, который стал бы не только сильным долговременным раздражителем двусторонних отношений, но и дестабилизирующим фактором внутривнутриполитической обстановки в России.

Последующие усилия Бориса Ельцина на японском направлении не увенчались успехом из-за политической слабости первого российского президента и невозможности для него в тех условиях аргументировать необходимость кардинального поворота в отношениях с Японией. В период президентства Ельцина утвердилась парадоксальная формула: слабая Россия не может позволить себе пойти на уступки.

В начале нового столетия сложились более благоприятные, чем когда бы то ни было, условия для российско-японского сближения. Внутривнутриполитические позиции Владимира Путина гораздо сильнее, нежели у его предшественников. Репутация защитника национальных интересов,

устойчиво высокий рейтинг личной популярности, контроль Кремля над парламентом и СМИ, лояльность (пусть вынужденная) региональных элит позволяют второму президенту действовать гораздо увереннее в области международных отношений. Что, кстати говоря, продемонстрировал стратегический поворот российской внешней политики в сторону Запада после 11 сентября 2001 года. Со своей стороны Япония стала проявлять интерес не только к проблеме островов, но и к отношениям с Россией в целом. Это объясняется совокупностью геополитических, стратегических и экономических факторов. Продолжающееся усиление Китая ставит перед Токио проблему баланса сил в регионе. Сохранение и укрепление отношений с США остается условием абсолютно необходимым, но недостаточным. Японское правительство вынуждено искать партнеров на континенте, и Россия — естественный кандидат. Ситуация вокруг и внутри Северной Кореи выводит на первый план проблему национальной безопасности Японии. Токио, конечно, беспокоят ядерная и ракетная программы КНДР, но его также страшит перспектива силовой конфронтации между Вашингтоном и Пхеньяном. В этом контексте Москва тоже видится ценным партнером. В связи с иракской проблемой и на общем фоне долговременной нестабильности на Ближнем и Среднем

Востоке перед японским правительством встает задача диверсификации нефтяного импорта и повышения энергетической безопасности страны. Ее можно существенно укрепить благодаря поставкам нефти и газа с Сахалина и из Сибири.

Преодоление препятствий

Благоприятные новые условия не снимают, однако, серьезных препятствий на пути российско-японского партнерства. Хотя в ходе визита премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми в Москву в январе 2003-го территориальный вопрос не был в центре внимания, совершенно ясно, что полная нормализация отношений и перевод их в состояние партнерства потребуют решения вопроса о принадлежности спорных островов.

В обеих странах имеются влиятельные группы, для которых возвращение (или, наоборот, удержание) всех четырех островов стало символом веры. Японские правые и российские национал-патриоты будут активно противодействовать любому компромиссу, апеллируя к тяжелому прошлому отношений между этими государствами и к глубоко укоренившимся взаимным предрассудкам. Несмотря на то, что российско-японское сближение отвечает национальным интересам двух стран, ни в России, ни в Японии пока не сложились коалиции групповых и секторальных интересов, готовые отстаивать необходимость сближения. К

этому нужно добавить общую слабость государства в России (при за- силье чиновничества) и традицион- ную слабость политического лидер- ства в Японии (там чиновники тоже играют ключевую роль).

Еще большие проблемы создают медленное реформирование России, высокий уровень криминализации ее политической и деловой среды. Рос- сийский Дальний Восток остается крайне непривлекательным для японского бизнеса, как, впрочем, и для южнокорейского, американского и пр.

Японская экономика, несмотря на ее мощь и ресурсы, продолжает пребы- вать в состоянии застоя. Проведение реформ, необходимых для ее оздоро- вления, может потребовать такой концентрации политического капи- тала в руках реформаторов, что для «российского направления» просто не останется ресурсов.

Перечисленные препятствия являют- ся серьезными, но их можно пре- одолеть — в средне- и долгосрочной перспективе. Одного совместного «Плана действий» здесь явно недос- таточно. Необходимо четкое пони- мание целей, которые преследует ка- ждая из сторон. Для Москвы это — взаимодействие с японской эконо- микой ради модернизации страны и развития Дальнего Востока и Сиби- ри. Для Токио — приобретение по- литической поддержки и источника энергоресурсов в регионе, где у Япо- нии не много надежных друзей.

Требуется также понимание того, что решение территориального воп- роса может быть только компро- миссным, в духе формулы «два плюс альфа». Оба лидера, которым пред- стоит скрепить своими подписями мирный договор, должны при этом выглядеть победителями. К тому времени России следует сформули- ровать реалистичную программу раз- вития Сибири и Дальнего Востока, быть готовой к освоению инвести- ций и технологий из Японии.

Надо, чтобы были составлены кон- конкретные проекты сотрудничества — энергетические, транспортные, инф- раструктурные. Инвестиции пойдут только при наличии надлежащих ус- ловий на местах, а также соответст- вующих гарантий со стороны России и Японии.

Разумеется, японский бизнес должен увидеть, что его участие в развитии регионов Восточной России выгодно с коммерческой точки зрения. Как и в российском случае, здесь требуется стратегическое, перспективное мыш- ление. Нужна поддержка нормализа- ции российско-японских отношений со стороны широких общественных кругов в обеих странах. Достигнутая келейным путем сделка будет, ско- рее всего, отвергнута избирателями — с тяжелыми последствиями для двусторонних отношений. Поэтому требуется открытое серьезное обсуж- дение в России и в Японии всего комплекса отношений.

Из внешних факторов наибольшее

значение имеет благожелательная позиция Вашингтона. Укрепление стабильности и безопасности в чрезвычайно важном регионе Северо-Восточной Азии является одной из главных целей американской внешней политики. Нормализация российско-японских отношений существенно способствует достижению этой цели.

Деликатную проблему представляет собой минимизация ущерба российско-китайским отношениям. Москве следует терпеливо объяснять Пекину мотивы своей политики и ее цели, состоящие не в создании геополитической комбинации, а в стимулировании модернизации собственной страны, и в особенности ее отсталых восточных провинций. Степень экономического взаимодействия Китая и Японии уже сегодня в 20 раз (!) превосходит объем российско-японского сотрудничества. Японские компании в массовом порядке переносят производство в Китай, передают китайцам свои технологии и т. п. Речь фактически идет об интеграции двух экономик. Россия, таким образом, пойдет вслед за Китаем, но никак не впереди него.

В зависимости от того, как будут решаться (или не решаться) упомянутые выше проблемы, московский

саммит Путина и Коидзуми может стать поворотным пунктом в деле нормализации российско-японских отношений.

Большая часть ушедшего столетия была отмечена в российско-японских отношениях войнами, противостоянием и враждебностью. Начавшийся век открывает иные, лучшие перспективы. Чтобы ими воспользоваться, нужно заново сориентироваться во времени и пространстве. Царская Россия и СССР были двумя вариантами евразийской империи, замкнутой в себе самой и опиравшейся преимущественно на военную силу. Нынешняя — и тем более будущая — Россия уже не «Евразия» и тем более не «Евро-Азия». Точнее всего ее можно описать как страну евро-тихоокеанскую, открытую внешнему миру и стремящуюся к «особым отношениям» с глобальным лидером — США. На западе главным региональным партнером России уже выступает Европейский союз, а на востоке таковым может и должна стать Япония. Это — две необходимые опоры в решении единой задачи модернизации. В 1990-е годы Россия «приобрела» Европу; на повестке дня первого десятилетия XXI века — Япония.

НОВЫЕ УГРОЗЫ

“Оборотной стороной глобализации оказалось предоставление фанатикам свободы действий для совершения зловещих актов насилия. Терроризм воздвиг кровавый барьер во взаимоотношениях между отдельными государствами и мировым сообществом”

Международная безопасность в эпоху глобализации *Игорь Иванов*

36

Восемь шагов к выживанию *Сэм Нанн*

48

Какая армия нам нужна? *Алексей Арбатов*

60

Столкновение глобализаций *Стэнли Хоффман*

78

Международная безопасность в эпоху глобализации

Игорь Иванов

Уже более десятилетия прошло с тех пор, как человечество освободилось от пресса идеологической, политической и военной конфронтации времен холодной войны. Сообщество государств далеко отошло от смертельной пропасти ядерной войны, у края которой оно стояло сорок лет назад, в дни Карибского кризиса.

Вместе с тем приходится признать, что надежды на решительный рывок к новой, более безопасной системе мироустройства, столь большие в начале 1990-х годов, пока не оправдались. На смену угрозе тотального ядерного уничтожения цивилизации пришли новые опасности и вызовы. Это — терроризм и сепаратизм, национальный, религиозный и другие формы экстремизма, наркоторговля и организованная преступность, региональные конфликты и угроза распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), финансово-экономические кризисы, экологические катастрофы и эпидемии. Все эти проблемы существовали и раньше, но в эпоху глобализации, когда мир стал намного более взаимосвязанным и взаимозависимым, они стали быстро приобретать универсальный характер, реально угрожая региональной, а нередко и международной безопасности и стабильности. Одновременно — и это следует подчеркнуть особо — они в гораздо большей степени затрагивают повседневную жизнь миллиардов людей. Доказательство тому — волна беспрецедентных по масштабам и жестокости террористических актов, прокатившаяся от Нью-Йорка до острова Бали и Москвы.

Почему же создание новой системы международной безопасности, жизненно важной не только для государств, но и для их граждан, идет столь медленно и трудно? Каковы главные факторы, опре-

И.С. Иванов — министр иностранных дел Российской Федерации.

деляющие динамику и существо новых опасностей и вызовов, с которыми сталкивается человечество в начале XXI века? А главное — что должно предпринять мировое сообщество для того, чтобы действительно надежно защитить себя от этой новой волны угроз?

СВЕТ И ТЕНИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Все более влиятельным «архитектором» новой повестки дня международной безопасности становится глобализация. Она оказывает противоречивое воздействие на эволюцию отношений государств в этой ключевой сфере.

С одной стороны, глобализация содействует ускоренному развитию производительных сил, научно-техническому прогрессу, все более интенсивному общению государств и народов. Таким образом она объективно способствует созданию человечеством ресурсной базы и интеллектуального потенциала для обеспечения международной безопасности на качественно новом уровне. Рост взаимозависимости стран и народов во всех сферах бытия помогает и формированию новых политических подходов, нацеленных на создание демократических многосторонних механизмов управления международной системой, а значит, и надежного решения проблем безопасности.

И в то же время процессы глобализации, в основном развивающиеся стихийно, без коллективного направляющего воздействия мирового сообщества, усугубляют целый ряд застарелых проблем международной безопасности, порождают новые риски и вызовы.

Резко повышается роль внешних факторов в развитии государств. При этом из-за различий в финансово-экономической мощи взаимозависимость между странами приобретает все более асимметричный характер. Если узкая группа ведущих индустриальных государств играет в основном роль субъектов глобализации, то огромное большинство остальных превращается в ее объекты, «дрейфующие» на волнах финансово-экономической конъюнктуры. В результате усугубляется неравномерность социально-экономического развития мира. Очевидно расслоение мировой экономики на «зоны роста» и «зоны застоя». Так, в 1998 году на десять ведущих государств-получателей иностранных инвестиций приходилось 70 % их общего объема, а для стран с низким уровнем развития этот показатель составлял менее 7 %. Если в 1960 году доходы богатейших 20 % населения мира в 30 раз превышали доходы 20 % беднейших, то к 2002-му этот разрыв увеличился еще в три раза. В настоящее время доход половины населения Земли

меньше двух долларов в день. Около миллиарда человек не имеет работы, а среди работающих почти 89 % лишены социальных гарантий.

Нарастающая неравномерность развития различных стран и регионов способствует усугублению неустойчивости мирового экономического роста, накоплению кризисного потенциала в международной финансовой и торгово-экономической системе. Как отмечают авторитетные западные специалисты, пока мировому сообществу не удалось решить коренные проблемы в этой сфере: создать надежные страховочные механизмы для предотвращения, локализации или тушения финансовых кризисов, преодолеть «раздробленность институциональной архитектуры международной экономической системы, которая, по сути, делает невозможным решение проблемы взаимозависимости эффективным и последовательным путем».

Замедление темпов мирового экономического роста в последние годы привело и к торможению темпов глобализационных процессов.

Процесс формирования новой системы международных отношений после окончания холодной войны приобрел затяжной и во многом неуправляемый характер.

Потоки инвестиций, товаров, ресурсов, научных инноваций «локализуются» в узком кругу наиболее развитых стран. Это уменьшает и без того скромные экономические выгоды, которые получала от глобализации большая часть человечества. В то же время социальные, культурные, морально-психологические последствия глобализации уже приобрели собственную инерцию и все глубже воздействуют на многие страны и общества. Происходит массивный «экспорт» негативных последствий глобализации в Третий мир. Также, как эпидемия ударяет прежде всего по ослабленным людям, слабейшие члены мирового сообщества несут больший ущерб от роста негативных последствий глобализации, чем страны, защищенные своей финансово-экономической мощью. Таким образом, спад динамики глобализации ведет к тому, что разрывы в темпах и направленности социально-экономического развития целых регионов мира не только не сокращаются, но и увеличиваются.

Закономерным результатом такой «модели» глобализации является усугубление ее негативных социальных и политических последствий для большей части человечества. Рост ксенофобии на одном, относительно благополучном, «полюсе» человеческого общества сопровождается радикализацией требований более справедливого мироу-

ройства на другом, бедствующем. Возрождается — уже на новой основе — тенденция к глубокой идеологизации международных отношений, казалось бы отошедшая в прошлое вместе с холодной войной.

Усиливая взаимозависимость государств в сфере безопасности и экономики, глобализация ведет к глубоким изменениям приоритетов их курса на мировой арене, заставляет по-новому взглянуть на арсенал внешнеполитических средств, способствует быстрым изменениям повестки дня мировой политики.

Меняется содержание понятия «мощь государства». При сохранении значительной роли военно-силового компонента на первый план все больше выдвигаются экономические, финансовые, интеллектуальные и информационные ресурсы влияния на партнеров и оппонентов.

Факторы, облегчающие или, напротив, затрудняющие доступ государств к благам глобализации, все активнее включаются в арсенал стратегий обеспечения национальной безопасности. Глобализация и манипулирование ее ходом все чаще используются в качестве орудия политического давления. На эту особенность нынешнего этапа развития международных отношений указывается в подготовленном в ООН докладе «Влияние глобализации на социальное развитие». В документе, в частности, отмечается, что «обеспокоенность по поводу глобализации отчасти объясняется тем, что на национальную политику того или иного государства все чаще сильное влияние оказывает политика, проводимая за его пределами». Инструменты такого воздействия многообразны. Это и «инвестиционно-кредитная дипломатия», использующая острую потребность большинства стран мира в зарубежных капиталовложениях и займах. И информационная дипломатия, нацеленная на доминирование в глобальном информационном пространстве. И «политическая инженерия» — комбинированное использование экономических, информационных и военно-политических рычагов для «конструирования» нужных «партнеров» — правительств, готовых принять навязываемые им извне условия решения международных и внутренних проблем.

В целом процесс формирования новой системы международных отношений после окончания холодной войны приобрел затяжной и во многом неуправляемый характер. Создалась ситуация, несущая в себе большой кризисный потенциал и одновременно мало приспособленная к предотвращению и урегулированию глобальных проблем безопасности на коллективной основе. Отсутствие эффективных механизмов координации действий и учета интересов широко-

го круга государств может быть использовано как повод или оправдание тезиса о том, что обзаведение оружием массового уничтожения, пусть даже в ограниченном количестве, становится чуть ли не единственным способом гарантировать свою безопасность в нестабильном и труднопредсказуемом мире. Опасность положения состоит в том, что, если не предпринять срочных мер, угрозы международному миру и безопасности могут разрастись до таких масштабов, когда мировое сообщество будет не в состоянии не только справиться с ними, но и удержать ситуацию под контролем.

УГРОЗЫ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

Каковы наиболее острые проблемы международной безопасности на нынешнем этапе развития глобализации? Насколько эффективны усилия мирового сообщества по их решению?

Международный терроризм вырастает в стратегическую угрозу безопасности человечества. Грозным симптомом этой болезни стали чудовищные по жестокости и количеству жертв теракты, прокатившиеся по миру в последние месяцы.

Террористы различных мастей непрерывно меняют методы, средства и тактику борьбы, отыскивают новые цели для своих действий. Население крупнейших мегаполисов планеты и стратегически важные морские перевозки энергоресурсов, компьютерные системы жизнеобеспечения современного государства, транспортная, туристическая, банковская инфраструктура мира — это далеко не полный перечень целей уже состоявшихся и возможных в будущем атак. Главное же — лидеры экстремистских группировок все активнее стремятся посеять рознь, играя на застарелых стереотипах насчет «плохих» и «хороших» террористов. Они дестабилизируют обстановку в отдельных странах через разжигание религиозной и национальной вражды и сепаратизма, ищут — и порой находят — слабые звенья в глобальной цепи — правительства, которые по причине внутренней слабости или из-за близоруких внешнеполитических расчетов склонны заигрывать с международным терроризмом.

Реагируя на брошенный террористами вызов, мировое сообщество смогло сплотиться, чтобы сообща противостоять этой новой глобальной угрозе. Впервые со времен Второй мировой войны создано столь широкое объединение государств — антитеррористическая коалиция, которая уже продемонстрировала свою эффективность в Афганистане, где был нанесен мощный удар по логову международ-

ного терроризма. Принципиально важно, что координирующую роль в этих усилиях играет Организация Объединенных Наций.

Набирают силу региональные механизмы антитеррористического взаимодействия, в том числе в рамках Содружества Независимых Государств и Шанхайской организации сотрудничества, призванные поставить серьезный заслон распространению терроризма в Центральной Азии. Важный потенциал противодействия террору заложен в новом качестве партнерства России со странами НАТО и Евросоюзом. Общая задача мирового сообщества — сохранить и развить обретенный опыт взаимодействия в рамках коалиции, избегая таких односторонних действий, которые могли бы ее подорвать.

Именно ООН призвана и дальше гарантировать, чтобы усилия в борьбе с новыми угрозами и вызовами опирались на прочную основу международного права.

Защита прав и свобод своих граждан — обязанность любого государства. Право на жизнь — главное из них. Но именно жизни простого человека угрожают террористы. Мировое сообщество обязано обеспечить гражданам право на надежную защиту от терроризма.

Решение данной задачи возможно, если под эгидой ООН удастся выработать действенный кодекс защиты прав человека от терроризма, направленный на:

- предупреждение и пресечение актов терроризма;
- противодействие финансированию терроризма;
- уголовное преследование лиц, совершивших акты терроризма или иным образом причастных к ним;
- обеспечение неотвратимой ответственности и наказания таких лиц;
- предоставление помощи лицам, пострадавшим от терроризма, в том числе путем финансового содействия, их социально-психологической реабилитации и реинтеграции в общество;
- эффективное международное сотрудничество для достижения перечисленных целей.

В условиях глобализации новое звучание приобретают многие «классические» проблемы международной безопасности.

Устойчивость и надежность формирующейся международной системы XXI века напрямую зависят от поддержания и укрепления стратегической стабильности. В условиях глобализации роль этого фактора не только не уменьшается, но и, напротив, по многим параметрам возрастает.

С одной стороны, поддержание стабильных партнерских отношений между ядерными державами, недопущение возрождения гонки стратегических вооружений приобретают особое значение для укрепления атмосферы взаимного доверия и предсказуемости на мировой арене — ключевых предпосылок развития широкого международного экономического сотрудничества, основы процесса глобализации. В то же время ускорение научно-технического развития, стимулируемое глобализационными процессами, объективно формирует предпосылки для создания все более мощных систем оружия. Реализация этих возможностей обернулась бы для человечества возобновлением гонки самых разрушительных видов оружия, отвлечением все более значительных средств на непроизводительные цели. Разрастание стратегических арсеналов, весьма вероятно, спровоцировало бы новый раунд распространения оружия массового уничтожения и средств его достав-

Лидеры экстремистских группировок все активнее стремятся посеять рознь, играя на застарелых стереотипах насчет «плохих» и «хороших» террористов.

тавки. Излишне говорить, какие последствия будет иметь эта «цепная реакция» для обстановки во многих районах мира и для перспектив международной безопасности в целом.

В этой связи особое значение — причем не только с военной, но и с политической точки зрения — имел Договор о сокращении стратегических

наступательных потенциалов, подписанный президентами России и США в ходе их встречи в Москве в мае 2002 года. Принципиально важно, что в данном документе подтверждена объективно существующая взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. Таким образом, этот договор призван существенно восполнить правовой вакуум в сфере стратегической стабильности, образовавшийся в результате одностороннего выхода США из Договора по ПРО. Московский договор, заключенный в пакете с другими документами по стратегическим вопросам отношений России и США, нацелен на закрепление новых взаимоотношений между обеими странами, радикально изменившихся со времен холодной войны. Он обеспечивает необходимый уровень контроля, транспарентности и предсказуемости в развитии крупнейших стратегических арсеналов планеты, что исключительно важно для поддержания атмосферы доверия на глобальном уровне.

В то же время в сфере стратегической стабильности остается не-

мало нерешенных вопросов, часть из которых, увы, усложняется вследствие односторонних действий Вашингтона. Речь идет в первую очередь о планах создания национальной системы противоракетной обороны США. Они способны спровоцировать ответные шаги со стороны ряда ядерных держав, вызвать «региональную» гонку ракетных и противоракетных вооружений.

Гораздо большую, чем прежде, остроту приобретает в условиях глобализации проблема нераспространения оружия массового уничтожения. Сама опасность попадания ядерных, химических, биологических вооружений или их компонентов в руки террористических или экстремистских группировок многократно повышает разрушительный потенциал международного терроризма. Отсюда — особая важность наращивания усилий по укреплению режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки.

При этом создание новых режимов в области нераспространения ОМУ и контроля над вооружениями отнюдь не означает отказа от действующих режимов и соглашений. Они — общий защитный механизм всех государств мира, причем весьма надежный и проверенный временем. Неоправданное разрушение ключевых элементов международно-правовой структуры нераспространения способно усугубить военно-стратегическую ситуацию в мире, подорвать глобальную безопасность.

Напротив, первоочередная задача сейчас — добиться «универсализации» важнейших договоров о нераспространении ядерного оружия и о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. В ракетной сфере необходимо развертывание устойчивого переговорного процесса, нацеленного на заключение международной договоренности о глобальном режиме нераспространения ракет и ракетных технологий.

Неотъемлемая часть процесса нераспространения — предотвращение вывода оружия в космическое пространство. Назрела необходимость разработки всеобъемлющей договоренности, цель которой — сохранить космос в качестве зоны, свободной от оружия любого рода.

Еще одна извечная угроза международному миру, по-новому раскрывающаяся в условиях глобализации, — региональные и глобальные конфликты. Болезненная реакция значительной части общества в развивающихся странах на перекосы глобализационных процессов сказывается на динамике многих конфликтов. Подъем политического и религиозного экстремизма во многих «горячих точках» многократно затрудняет поиск компромиссов, ожесточает

всех участников конфронтации, способствует формированию своего рода пояса нестабильности от Косово до Индонезии.

Мировое сообщество смогло в последние годы добиться прогресса в восстановлении мира и согласия в отдельных регионах мира. В первую очередь следует указать на осязаемое продвижение, достигнутое при весомом участии ООН в постталибском обустройстве Афганистана, а также на принятие Советом Безопасности ООН важнейших практических решений в поддержку всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке, на преодоление кризисов в ряде стран Африки.

И все же до радикального снижения числа и интенсивности вооруженных конфликтов пока далеко. Прежде всего это относится к ситуациям на Ближнем Востоке и вокруг Ирака. Этот комплекс связанных между собой конфликтов все явственнее превращается в невралгический центр не только глобальной безопасности, но и глобальной экономики — и из-за дестабилизирующего воздействия на международный рынок энергоносителей, и из-за негативного влияния на мировую экономическую конъюнктуру в целом. Перевод обоих конфликтов из сферы силовой конфронтации в плоскость политических переговоров на основе международного права — насущная задача укрепления уже не только региональной, но и глобальной безопасности.

Во все времена и по всему миру терроризм и экстремизм пытались искать себе оправдание в сохраняющейся социально-экономической нестабильности и бедности. Признавая наличие этих серьезных проблем, следует самым решительным образом подчеркнуть, что терроризму нет и не будет никаких оправданий. Вместе с тем построение устойчивой и справедливой мировой финансово-экономической структуры, несомненно, помогло бы в борьбе со многими опасными вызовами человечеству. В ходе недавней серии крупных международных форумов — Международной конференции по финансированию развития в Монтеррее, Всемирного продовольственного саммита в Риме, Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге — были приняты решения, призванные подрубить корни наиболее угрожающим диспропорциям в мире. Дело теперь за реализацией достигнутых договоренностей.

Не менее масштабные задачи стоят перед мировым сообществом в области охраны окружающей среды. Стихийные бедствия, обрушившиеся летом 2002 года на многие регионы нашей планеты, еще раз наглядно подтвердили, что решение экологических проблем нельзя откладывать, иначе под угрозой окажется само выживание

грядущих поколений. И в сфере экологии будущее за многосторонними шагами, исключающими эгоизм отдельных государств. Скоординировать международные усилия в этой области призвана инициатива президента России о проведении в Москве осенью 2003-го Всемирной конференции по изменению климата.

Подытоживая этот краткий анализ современных угроз и вызовов международной безопасности, можно сказать: человеческое общество заметно активизировало поиск новых, более эффективных ответов на проблемы, которые глобализация ставит перед ним в сфере безопасности. Однако усилия эти пока во многом разрозненны, не сведены в единый комплекс мер, не покрывают весь спектр угроз и рисков. Что следует предпринять в этих условиях?

СОЛИДАРНЫЙ ОТВЕТ НА УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ

В принципиальном плане возможны два пути решения проблем безопасности в эпоху глобализации.

Первый – путь односторонних действий. Сторонники такого выбора отражают, как правило, мнения, бытующие в ведущих государствах Запада. Суть их рассуждений: масштаб проблем, рождаемых глобализацией, таков, что даже совокупных ресурсов развитых стран недостаточно для их решения. А раз так, то целесообразнее «выплывать в одиночку», создавая с помощью протекционистских мер и односторонних, часто силовых, решений некие «островки экономической и политической стабильности».

Как представляется, подобный вариант ответа на вызовы современности неприемлем ни по этическим, ни по чисто прагматическим соображениям. Соблазн односторонних действий для получения максимальных выгод от глобализации и для защиты от ее негативных последствий провоцирует рост соперничества, пренебрежение международным правом и многосторонними институтами. Такой путь может дать краткосрочную выгоду, но ущерб будет долгосрочным: возрастет опасность расшатывания основ международного правопорядка, падения управляемости развития мировой политики, «расползания» гонки вооружений.

Другой путь – коллективный поиск решения двух взаимосвязанных задач. Первая, неотложная – обезопасить себя от множащихся угроз и рисков политического, экономического, криминально-террористического характера. Вторая, на длительную перспективу – разработка стратегии управления глобализацией, с тем чтобы рас-

ширить ее позитивное воздействие на все народы, а не только на ограниченный круг «избранных».

Ключ к поиску эффективных решений проблем безопасности видится в создании Глобальной системы противодействия современным угрозам и вызовам. Такая система должна быть предназначена для решения реальных проблем в сфере безопасности, отвечать жизненным интересам каждого государства, обеспечивать международную стабильность и устойчивое развитие на длительную перспективу.

Для эффективного функционирования подобной системы необходим общепризнанный координирующий центр, способный сплотить вокруг себя мировое сообщество. Такой центр уже есть — Ор-

ганизация Объединенных Наций с ее уникальной легитимностью, универсальностью и опытом.

Ключ к поиску эффективных решений проблем безопасности видится в создании Глобальной системы противодействия современным угрозам и вызовам.

Сегодня можно констатировать, что процесс формирования Глобальной системы начался, и начался успешно. Ее прообразом и одновременно важной несущей конструкцией является между-

народная антитеррористическая коалиция, сеть механизмов и соглашений, созданных ее участниками. Опыт создания и функционирования данной коалиции позволяет сформулировать ключевые параметры системы сотрудничества, которая призвана обезопасить человечество от гораздо более широкого спектра вызовов и рисков.

Совершенно очевидно, что создаваемая система должна быть:

— глобальной, так как современные вызовы представляют собой планетарную опасность, и ответы на них необходимо давать на общемировом уровне;

— всеобъемлющей по охвату, так как каждая из современных угроз несет в себе колоссальный разрушительный потенциал, поэтому все эти проблемы без исключений должны находиться в сфере деятельности системы;

— обеспечивающей принятие комплексных решений, так как между новыми угрозами и вызовами зачастую имеется прямая взаимосвязь;

— универсальной по составу участников, поскольку современные угрозы направлены против безопасности и благополучия всех членов мирового сообщества в целом и каждого в отдельности.

Наконец, создаваемая система должна стать эталоном международной законности, так как ее сила — в опоре на принципы и нор-

мы международного права, прежде всего Устава ООН.

Опыт, накопленный при решении первой, неотложной задачи, даст возможность надежно решить вторую, перспективную: разработать международную стратегию управления глобализацией.

Президент России В.В. Путин определил суть российского подхода к проблеме создания такой стратегии в приветствии участникам международной конференции «Форум-2000», проходившей в сентябре 2000 года в Нью-Йорке. Российский лидер подчеркнул: «На рубеже веков человечество нуждается в серьезном осмыслении мощных глобальных тенденций, проявляющихся в экономике, в сфере культуры и информации. Будущее за теми, кто научится управлять этими процессами, заставит их работать на благо людей. Мы должны позаботиться о том, чтобы глобализация стала социально ориентированной, чтобы народы мира в равной мере могли пользоваться плодами научно-технического и интеллектуального прогресса».

Общей целью такой стратегии должно быть придание глобализации социально ответственного характера, обеспечение всем народам доступа к ее преимуществам. Человечеству вполне под силу создать или укрепить механизмы, способные поддерживать стратегическую стабильность, предотвращать крупные региональные конфликты, ограничивать перерастание обычных колебаний финансовой и экономической конъюнктуры в катастрофические кризисы, предсказывать возможные «шоки», быстро мобилизовывать ресурсы для ликвидации их последствий.

Принципиально важно заложить в основу такой стратегии морально-этические принципы, разделяемые всеми членами мирового сообщества, и в первую очередь идею социальной солидарности человечества. Сам процесс выработки такой стратегии должен носить широкопредставительный, коллективный характер, учитывать подходы и позиции как отдельных государств, так и ведущих региональных объединений при главенствующей роли Организации Объединенных Наций.

Без преувеличения можно сказать: от того, какой путь обеспечения своей безопасности изберет мировое сообщество в условиях глобализации, будет зависеть облик нашей планеты в грядущие десятилетия. Надеюсь, что императив солидарных действий перед лицом общих опасностей возобладает над рефлексом «спасения в одиночку» и человечество сделает выбор в пользу демократического многополюсного миропорядка, гарантирующего поступательное развитие и равную безопасность для всех государств.

Восемь шагов к выживанию

Бизнес и государство
должны сделать их вместе

Сэм Нанн

С наступлением XXI века обнаружилось, что международная безопасность подвержена влиянию трех факторов, сочетание которых создает мировому сообществу целый комплекс неотложных проблем.

Прежде всего — это неравенство между развитыми и развивающимися странами. Неравномерный ход интеграции развивающихся стран в глобальную экономику, различные темпы роста населения в богатых и бедных государствах, глубокая экологическая

Период упадка переживает целый ряд государств, центральные власти которых утратили контроль над собственной территорией или не способны обеспечивать нужды населения.

деградация, неудовлетворительное состояние систем здравоохранения, дефицит рабочих мест и скудость возможностей для получения образования — все это аспекты сохраняющегося неравенства.

В то же время по всей планете продолжают тлеть очаги конфликтов, вызывая взаимную неприязнь между народами, а иногда и прямое сочувствие террористам. Кроме того, ядерное, биологическое и химическое оружие, а также необходимые для их создания материалы и ноу-хау все более доступны для негосударственных структур.

Эти три фактора значительно повышают вероятность терактов или вооруженных столкновений с применением оружия массового поражения, катастрофические последствия которых способны затмить кровавую драму 11 сентября 2001 года.

Сэм Нанн — сопредседатель и главный исполнительный директор «Инициативы по сокращению ядерной угрозы» (*Nuclear Threat Initiative, NTI*), экс-сенатор (демократ) от штата Джорджия.

Атаки на Всемирный торговый центр и Пентагон убеждают нас в том, что современные технологии сами по себе напоминают обоюдоострый меч. Научно-технические достижения и инновации, ускорившие глобализацию, а также рост производительности и благосостояния в мире могут быть использованы отдельными лицами или небольшими группами как средство террора. Компьютерный терроризм способен стать действенным орудием массовой дезорганизации.

Чтобы повысить уровень безопасности и выявить точки уязвимости, потребуется срочный пересмотр задач, приоритетов и стратегий в области безопасности. Мировое сообщество сегодня полагается на организации, созданные непосредственно во время и после Второй мировой войны (ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд). Между тем при их учреждении невозможно было предвидеть весь круг проблем, с которыми придется столкнуться спустя полвека. Кроме того, в основу функционирования большинства национальных правительств положен принцип обособленности министерств и бюрократий, поэтому дополнительным препятствием в решении этих проблем служат ведомственные барьеры и национальные границы.

Несомненно, потребуется и новый уровень партнерства между государственным и частным секторами. Усилий одних лишь правительств недостаточно, чтобы решить любую из стоящих перед нами кардинальных проблем. Частный сектор незаменим в деле защиты от терактов собственных активов и бесперебойного функционирования бизнеса. Теракты нацелены на источник нашей силы — экономику, ключевые инфраструктуры и информационные технологии, на которых она держится. Сегодня корпорации несут ответственность за глобальную безопасность, и решать вытекающие отсюда задачи они способны лишь в тесном сотрудничестве с госсектором. Привлечение частного сектора и налаживание новых партнерских связей между ним и государством жизненно необходимы для достижения успеха.

УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В течение предстоящего десятилетия мир должен быть готов к отражению широкого спектра уже знакомых и совсем новых угроз. Перед лицом набирающего силу терроризма нельзя сбрасывать со счетов и традиционные опасности, такие, как межгосударственные и пограничные конфликты. В любой момент между Индией и Па-

кистаном может вспыхнуть война за Кашмир. Эскалация боевых действий в этом регионе грозит применением ядерного оружия. Разногласия между Китаем и Тайванем, как и напряженность на Ближнем Востоке или Корейском полуострове, способны вылиться в полномасштабные боевые действия. В средне- и долгосрочной перспективе возможны конфликты из-за нехватки жизненно важных ресурсов, например воды.

Одновременно во многих точках планеты — от Судана и Нигерии до Кавказа и Шри-Ланки — годами тянутся этнические и иные внутренние конфликты. Период упадка переживает целый ряд государств, центральные власти которых утратили контроль над собственной территорией или не способны обеспечивать нужды насе-

Безопасность и развитие идут рука об руку. Мир не может получить одно, не имея другого.

ления. Такие государства рискуют стать рассадниками терроризма, международной организованной преступности, центрами контрабанды наркотиков и оружия — деятельности, подрывающей безопасность населения и

угрожающей спокойствию других регионов. Один из бесспорных уроков 11 сентября состоит в том, что забывать о государствах-неудачниках нельзя.

Сегодня, однако, к уже знакомым угрозам добавляются новые. Так называемые асимметричные угрозы — теракты, применение ядерного, биологического или химического оружия, компьютерные диверсии — позволяют относительно слабым странам подрывать мощь или использовать уязвимость более сильных. Компьютерные атаки на основные инфраструктуры позволят не только нанести урон экономике США, но и ввергнуть в хаос международную торговлю, причинить серьезный ущерб целым отраслям мирового хозяйства. Точно так же применение ядерного, биологического или химического оружия повлечет за собой сотни тысяч или даже миллионы жертв и породит массовую панику, способную подорвать основы демократии.

Холодная война давно позади, но риск развязывания ядерного конфликта между США и Россией сохраняется. Тысячи единиц межконтинентального ядерного оружия готовы к немедленному запуску, российская система раннего оповещения деградирует, поступают сообщения об ослаблении отдельных звеньев российских систем управления и контроля — все это означает, что малейшая ошиб-

ка по-прежнему грозит катастрофическими последствиями. Этот риск необходимо устранить.

Вместе с тем мы можем смотреть в будущее с оптимизмом: наступающее десятилетие дает шанс существенно укрепить международную безопасность. Сегодня мы располагаем новыми возможностями для сотрудничества и стратегической переориентации некоторых стран. Вопросы международной безопасности снова на повестке дня, и вновь чувствуется наличие политической воли к тому, чтобы взяться за решение самых трудных проблем. При этом мы должны стремиться не просто свести на нет непосредственный риск терроризма, а добраться до его основ — выявить условия, порождающие сочувствие мировому терроризму и его поддержку. Исследуя корни терроризма, лишая его привлекательности и опоры, мы избавляемся от риска. Однако глобальный терроризм — не единственная проблема, создающая препятствие на пути укрепления международной безопасности.

СТРАТЕГИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Чтобы эффективно решать возникающие проблемы, международное сообщество должно следовать многоплановой стратегии, объединяющей краткосрочные и долгосрочные программы действий. В ее основу необходимо положить совместное многостороннее взаимодействие, предусматривающее сотрудничество между государственным и частным секторами. Односторонние действия не могут быть адекватным ответом на многосторонние угрозы. Ни одна отдельно взятая угроза не определяет повестку дня. Отсюда — многоплановый подход, отвечающий всему спектру задач, превентивные действия, т. е. попытка заблаговременно решить малые проблемы, прежде чем они стали огромными.

Конкретные пункты стратегии таковы: предотвращение распространения ядерного, биологического и химического оружия и связанных с его изготовлением материалов и ноу-хау среди как государств, так и террористических организаций; разрушение глобальных террористических сетей и блокирование их деятельности; склонение ядерных государств к дальнейшему сокращению оперативных ядерных сил, снижение риска случайного и непреднамеренного развязывания ядерной войны; укрепление безопасности (особенно с учетом возможных нападений на ключевые инфраструктуры) и способность устранения катастрофических последствий возможных

атак; разрешение долговременных конфликтов; повышение способности международного сообщества предотвращать вспышки насилия; совершенствование способов оказания международной помощи государствам, находящимся на грани распада или возникшим в результате конфликта; ликвидация условий, создающих плодородную почву для терроризма, таких, как нищета, огромные различия в уровне жизни бедных и богатых, отсутствие правового государства и эффективных способов мирного участия в политической жизни. Выполнить последнюю задачу особенно важно, тем более что безопасность и развитие идут рука об руку. Мир не может получить одно, не имея другого.

Первая задача, которую предстоит решить, связана с устранением угрозы ядерного, биологического и химического оружия. Вопрос не в том, к чему мы должны готовиться — к терактам или к нападению с применением оружия массового поражения. Речь не идет о двух разных угрозах — это две стороны одной проблемы, и в сочетании они представляют собой самый страшный из современных кошмаров. Поэтому требуется совершенно новый уровень сотрудничества по вопросам международной безопасности, формированию глобальной коалиции против терроризма.

Принципиально важно, чтобы США и Россия объединились как ведущие партнеры в многоуровневой коалиции такого типа. Никакие

Целесообразны совместные военные акции для разрушения убежищ и центров подготовки террористов. Но для этого надо дать определение, кого следует считать глобальным террористом.

действия в глобальном масштабе невозможны без участия России и США, но усилий только этих двух стран недостаточно. До сих пор их сотрудничество в сфере безопасности касалось исключительно двусторонних отношений, но арсеналы, ноу-хау и материалы, которыми владеют обе державы, — не единственный источник угрозы.

Индия и Пакистан уже проводили ядерные испытания. Сорок три страны располагают лабораторными реакторами, работающими на оружейном уране. Как ведущие державы, США и Россия должны договориться о внедрении стандартов мирового класса в области ядерной безопасности. В разработке подобных стандартов необходимо предусмотреть учет и охрану расщепляющихся материалов, пограничный контроль, обеспечение «прозрачности» системы в целом. При этом каждый участник должен само-

стоятельно разработать план введения в действие этих стандартов в своей стране. Стандартизация подразумевает ужесточение контроля над экспортом и международное взаимодействие в целях предотвращения попадания оружия и материалов на черный рынок и ликвидации последствий аварий на ядерных и радиологических объектах.

США и Россия должны активнее сотрудничать в области защиты от биологического оружия. Благодаря опыту, накопленному в СССР в ходе создания биологического оружия, Россия располагает особыми возможностями для глобальной защиты от биотерроризма. США и России пора объединить знания о природе биологических угроз и разработать более эффективные средства борьбы с ними, в частности профилактические меры, системы раннего обнаружения и оповещения. Важнейшей задачей является усовершенствование методик, связанных с выявлением, диагностикой и лечением инфекционных заболеваний. Объединив усилия, различные государства могли бы способствовать прогрессу в области создания новых лекарств, вакцин и антидотов. В их силах выработать более эффективные подходы к акциям по ликвидации последствий применения биологического оружия, в частности расширить возможности функционирования систем здравоохранения в условиях массового заражения, определить меры по дезинфекции среды и усовершенствовать средства распространения информации в целях предотвращения паники среди населения.

Подобная программа действий не просто защищает от биотерроризма — она призвана укрепить систему здравоохранения в целом. Инфекционные болезни сами по себе составляют проблему для международной безопасности, поскольку угрожают стабильности правительств, экономическому росту и людским ресурсам. Программа, которая поможет одновременно укрепить международную безопасность, совершенствовать систему здравоохранения и развивать партнерские отношения в мировом масштабе, стоит того, чтобы инвестировать в нее.

Терроризм и применение оружия массового поражения — угроза глобальная. США и Россия не смогут противостоять ей в одиночку. Но они обязаны возглавить процесс устранения нависшей угрозы в интересах человечества.

Вторая задача касается борьбы с глобальным терроризмом. Чтобы предотвратить теракты с применением ядерного, биологического или химического оружия, необходимы контроль над поставками

оружия, а также снижение спроса на него. Страны мира должны действовать сообща, добиваясь ликвидации глобальных террористических сетей, лишая их возможности создавать свои формирования и заниматься подготовкой терактов. На практике это потребует длительного международного сотрудничества по целому ряду направлений, включая обмен разведанными, взаимодействие правоохранительных структур для пресечения деятельности террористических ячеек в разных странах и ареста конкретных подозреваемых, финансовые меры для отслеживания денежных потоков и их блокирования. Целесообразны также совместные военные акции для разрушения убежищ и центров подготовки террористов. Но для этого надо дать определение, кого следует считать глобальным террористом; затем надо совместно выработать конкретные меры в отношении государств, поддерживающих глобальные террористические организации.

Решение третьей задачи связано с необходимостью склонить ядерные державы, и в первую очередь США и Россию, к сокраще-

Если мы хотим лишить потенциальных террористов и агрессоров сочувствия и поддержки со стороны обездоленных и униженных народов, то действовать нужно немедленно.

нию ядерных вооружений, находящихся в состоянии полной боеготовности. Требуется взаимное консультирование и сотрудничество обеих стран в плане сокращения ядерных сил, насколько это отвечает интересам их национальной безопасности. Еще важнее, чем сокращение ядерных вооружений, избежание риска развязывания

ядерной войны по случайности или по недосмотру. Все это касается и других стран, обладающих ядерным оружием, но инициатива должна исходить от двух ведущих держав.

Четвертая задача — глобальное усиление защиты ключевых инфраструктур. Многие страны в прошлом уже оказывались под прицелом террористов или компьютерных диверсантов, многих это ждет и в будущем. Сегодня теракт, объектом которого является жизненно важная инфраструктура в одной части света, может вызвать тяжелейшие экономические последствия где-нибудь за океаном. Биржевая лихорадка во всем мире после 11 сентября покажется легким бризом в сравнении со смерчем, который вызовет подрыв в результате теракта какой-либо из ключевых инфраструктур. Поэтому утверждение о том, что нападение на одного касается

всех, следует воспринимать как реальность, а не как риторическую фигуру.

Нужна глобальная инициатива по усилению защиты ключевых инфраструктур во всем мире. К ключевым инфраструктурам относятся системы, обеспечивающие необходимый уровень жизнедеятельности экономики и правительственных учреждений, — например, телекоммуникации, энергетическая инфраструктура, банковские и финансовые инфраструктуры, транспорт, водоснабжение, чрезвычайные службы. Во многих странах значительная часть таких инфраструктур находится в собственности или управлении частных фирм. В результате появления новых информационных технологий многие инфраструктуры стали все чаще переводиться на автоматический режим, что вывело на новый уровень их эффективность. Вместе с тем они стали уязвимее, в частности, для компьютерных атак. Укрепление безопасности ключевых инфраструктур в мировом масштабе потребует скоординированных усилий национальных правительств и частного сектора.

Пятая задача — разрешение конфликтных ситуаций — предусматривает усиление активности международного сообщества по урегулированию тех конфликтов, которые подпитывают глобальный терроризм и/или в наибольшей степени чреваты полномасштабной войной или дестабилизацией обстановки в целых регионах. Возглавляет список палестино-израильский конфликт. Международное сообщество должно сделать все возможное, чтобы принудить израильтян и палестинцев к прекращению огня и возобновлению переговоров о создании двух государств. Трудно представить себе, что спокойствие и стабильность в регионе восторжествуют, пока продолжается этот конфликт.

Требуется также широкомасштабная инициатива мирового сообщества по политическому решению конфликта вокруг Кашмира. Нельзя не учитывать наличие ядерного оружия у Индии и Пакистана, историю прежних войн между этими странами, высокую вероятность неконтролируемой эскалации боевых действий в регионе. Риск выхода конфликта из-под контроля и возникновения ядерной войны вполне реален.

Шестая задача — необходимость предотвращения конфликтов. В последние годы в сфере превентивных действий кое-что достигнуто, но предстоит сделать еще очень многое. На практике это означает усовершенствование методов сбора разведанных, средств раннего предупреждения и оценки, а также увеличение потенциала

гражданских и военных сил с целью их быстрого развертывания в районе кризиса. Необходимы широкий политический консенсус по вопросу своевременного международного вмешательства в кризисные ситуации, а также принятие согласованных мер по укреплению гражданского общества в странах группы риска.

Седьмая задача предполагает создание условий для быстрой и эффективной помощи государствам, находящимся в состоянии упадка или возникшим в результате конфликта, особенно тем, в которых обосновались центры международного терроризма, организованной преступности, контрабанды наркотиков и оружия. Часто международное сообщество предоставляет странам, выходящим из полосы хаоса и войн, слишком незначительную помощь, да и та приходит с большим опозданием. Бывает и так, что способы предоставления конкретной неотложной помощи (например, в области безопасности, подъема экономического и социального благосостояния, правосудия, примирения враждующих сторон, администрирования) просто еще не отработаны.

Наконец, последняя задача — согласованная работа по выявлению причин и условий возникновения и функционирования террористических организаций. Лишение терроризма условий для возникновения и благодатной почвы для развития должно стать неотъемлемой частью любой стратегии, направленной на укрепление международной безопасности в долгосрочной перспективе. На достижение наших целей, несомненно, потребуются десятилетия, но если мы хотим лишить потенциальных террористов и агрессоров сочувствия и поддержки со стороны обездоленных и униженных народов, то действовать нужно немедленно.

Международное сообщество не должно взваливать на себя бремя поддержки наций, не способных помочь самим себе. К таким странам надо подходить с максимальной жесткостью.

Мировое сообщество должно активизировать усилия по борьбе с бедностью, неравенством, способствовать устойчивости роста, эффективности правительств, проявлению уважения к власти закона, расширению возможностей получения образования, предупреждению болезней и приостановлению деградации окружающей среды во всем мире. Инвестиции в экономическое и политическое развитие особенно тех стран, где имеется благодатная почва для конфли-

ктов или международного терроризма, должны рассматриваться как инвестиции в безопасность.

Это потребует не просто увеличения объемов помощи развивающемуся миру. Адекватны ли нынешние международные механизмы предоставления помощи, в большинстве своем основанные на проведении финансов через местные правительства? Не требуется ли тут широкая институциональная реформа? И не нужны ли нам принципиально новые подходы к предоставлению помощи развивающимся обществам?

Любые меры, содействующие развитию стран, должны сопровождаться увеличением торговых и инвестиционных потоков, направленных на существенное повышение уровня благосостояния развивающихся наций. Но обязательства в этой области не могут быть односторонними. Любому государству, желающему получить международную помощь, необходимо серьезно поработать над искоренением коррупции и утверждением господства права. Таковы минимальные требования для получения помощи. Международное сообщество не должно взваливать на себя бремя поддержки наций, не способных помочь самим себе. К таким странам надо подходить с максимальной жесткостью. Здесь опять-таки потребуются совместные усилия правительств и частных компаний.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЧАСТНОГО СЕКТОРА

При решении ключевых проблем международного уровня следует мыслить шире, чем это позволяют рамки единой, монолитной «коалиции добровольцев», и способствовать созданию более гибкой и жизнеспособной «коалиции коалиций». Более полувека назад наша планета вышла из войны, исполненная нового понимания того, насколько высока цена мира. Чтобы лучше справляться с мировыми проблемами, которые ни одна нация не способна решить в одиночку, были созданы новые институты — ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд. Сферой их ответственности стала вся планета.

Как же в таком случае правильно подойти к международному разделению труда? В компетенции национальных правительств — определение общих задач, утверждение стандартов, создание механизмов, обеспечивающих учет и контроль, предоставление ресурсов, необходимых, чтобы помочь другим субъектам решать задачи национального уровня. Напротив, органы местного самоуправления

— как в государственном, так и частном секторе — применяют знания и опыт для выработки конкретных решений. Во избежание чрезмерного регулирования со стороны государства частный сектор берет на себя инициативу в деле обеспечения безопасности на местах. Так, в случае биотерроризма представители частных предприятий должны определить требования и стандарты для безопасной перевозки и обращения с болезнетворными микроорганизмами. В распоряжении частных предприятий в избытке находятся материалы, которые могут применяться в качестве химического и биологического оружия.

Во избежание чрезмерного регулирования со стороны государства частный сектор берет на себя инициативу в деле обеспечения безопасности на местах.

Поэтому им следует выработать способы, которые делают такие материалы недосыгаемыми для преступников. В противном случае однажды предприниматели обнаружат, что решения по этим вопросам навязаны им властями, — такое регулирование режима безопасности сверху особенно вероятно в ситуациях,

схожих с чернобыльской катастрофой и аварией на острове Три-Майл Айленд.

Работа должна вестись параллельно на многих уровнях. Например, необходимо, чтобы конкретные фирмы отнесли вопросы безопасности и кризисного управления к области своей компетенции. Это подразумевает составление и реализацию комплексного плана по трем аспектам: безопасность и предотвращение кризисов, реагирование на чрезвычайные ситуации, непрерывность функционирования в критической обстановке.

На межотраслевом уровне компании должны обмениваться информацией о подходах к планированию, о рекомендуемой практике, а также об уроках, извлеченных из реальных и смоделированных ситуаций. Не исключено, что для этого потребуются создание специального учреждения.

Взаимосвязь и взаимозависимость различных секторов экономики диктуют необходимость обмена информацией и согласования действий в области безопасности. Так, финансовый сектор может счесть целесообразным согласовать свои планы по управлению кризисными ситуациями, например, с энергетиками и операторами дальней связи. В подобных случаях правительства сыграют полезную роль, способствуя и придавая легитимную форму межотраслевому диалогу.

Сотрудничество в интересах безопасности частных корпораций может потребовать ревизии действующего законодательства. В США, например, может встать вопрос об изменении существующего антитрестовского законодательства, а некоторые формы взаимодействия между государственными и частными организациями, вероятно, повлекут за собой изменение законов, охраняющих свободу информации. И в этом случае государство должно создавать стимулы к работе во имя общей безопасности, инициируя необходимые изменения.

Нынешняя международная ситуация таит опасности, но предоставляет и широкие возможности. Как мы пройдем этот период, отчасти зависит от нашей способности адаптироваться к новым реалиям и создавать позитивные тенденции. Чтобы достичь успеха, нам потребуются огромные ресурсы, а также действенные инициативы со стороны как правительств, так и частных компаний всего мира. Ставки высоки, настало время действовать.

Справочники ПОЛПРЕД. Страны, отрасли, персоналии.
Бумажные и электронные книги, интернет и CD-Rom

Ⓣ. **Страновые издания.** По каждой из 120 стран: госструктуры, макроэкономика, банки, налоги, промышленность, энергетика, нефтегазпром, металлургия, горнодобыча, агропром, транспорт, СМИ и ИТ, армия и вооружение, федерализм и регионы, образование и наука, миграция, внешняя торговля, таможня, ВТО и ЕС, МВФ и ВБ, туризм, связи с СНГ, торговые и инвестиционные сделки с Россией, представительства, статистика. Информация за 2001-03гг. от российских официальных экспертов за границей. Все книги – в мягкой обложке. Текст дан в две колонки на 8000 стр. формата А4, без иллюстраций. Ряд книг исполнены в двух томах – 2002-03 гг. издания.

Ⓣ. **Персоналии.** 90 тыс. фамилий чиновников и предпринимателей – их должности, адреса, дни рождений, телефоны, E-mail, веб-сайты. Ежеквартальное обновление. **Инофирмы в России; Структуры государственной власти РФ.**

Ⓣ. **CD-Rom.** Копия сайта www.polpred.com. Экономика 120 стран, их связи с Россией и СНГ в 1998-2003гг. Инофирмы в России. 24 тыс. стр., 70 мб. Поиск по словосочетанию. **79997 руб.**

Ⓣ. **Интернет-доступ.** Полные тексты сотен справочников ПОЛПРЕД за четыре года. Поиск по словосочетанию. **59997 руб.** на 12 месяцев.

www.polpred.com

Новости для экспортеров

Совет по внешней политике при Комитете Госдумы по международным делам
с участием МИД РФ, журнала «Коринф» Минэкономразвития РФ

Агентство «Бизнес-Пресс».

119049 Москва, Бол. Якиманка 35, стр. 1, (095) 238-2798, -6458, -9587, info@polpred.com

Какая армия нам нужна?

Контурь российской военной реформы

Алексей Арбатов

На величайшей сложности вопрос, поставленный в заголовке, можно дать или очень короткий, или очень длинный ответ. Короткий ответ состоит в том, что России нужна армия, которая была бы антиподом той, что имеется сейчас. А именно: менее многочисленная, но гораздо лучше подготовленная и технически оснащенная, обладающая высоким моральным духом, обеспечивающая достойный материальный уровень и социальный статус военнослужащих, способная эффективно выполнить разумно и четко поставленные военные задачи как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу.

Как никогда ранее, потребность в принципиально другой военной организации государства стала очевидна после трагедии «Норд-Оста». Российский президент в этой связи заявил о необходимости глубокого реформирования военной доктрины, материальной части армии и других «силовых» структур для борьбы с международным терроризмом и сопутствующими ему угрозами.

Впрочем, любые рассуждения на эту тему останутся чистой схоластикой, если не учитывать, с одной стороны, реальные военные потребности, а с другой — необходимые для их удовлетворения доступные материальные ресурсы (прежде всего финансовые и людские). Собственно говоря, военная доктрина, стратегия, план развития Вооруженных сил (ВС) и программа вооружения суть, по логике вещей, не что иное, как связующие звенья между потребностями и ресурсами, или разумный компромисс между желаемым и достижимым.

А.Г. Арбатов — д. и. н., заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по обороне, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

КАКАЯ АРМИЯ НАМ ПО КАРМАНУ?

В условиях всеобъемлющего режима секретности, распространенного на достоверную военную и военно-экономическую информацию, в публичных дебатах высказываются самые разные оценки военных потребностей России на перспективу 10 лет – минимальный срок для существенного реформирования крупных ВС. Весьма широк и диапазон представлений относительно того, что формирует эти потребности. Попробуем подойти к проблеме с другого конца, взяв в качестве отправных точек два положения, с которыми согласятся большинство специалистов независимо от их идеологических убеждений и военно-политических оценок.

В последние годы в стране сложился довольно устойчивый консенсус стратегического сообщества (включая специалистов как на государственной службе, так и вне ее) относительно того, что усредненный по российским и мировым стандартам приемлемый уровень расходов на оборону составляет примерно 3,5 % ВВП. Этот уровень был определен как оптимальный в нескольких указах президента Ельцина и подтвержден президентом Путиным. Тем не менее он ни разу не был реализован в предлагавшихся правительством федеральных бюджетах 1998–2003 годов (колебался в пределах 2,4–2,7 % ВВП).

В проекте федерального бюджета на 2003-й правительством по разделу «Национальная оборона» предусматривается выделить около 350 млрд рублей, или 2,7 % ВВП (не включая затрат на другие войска и военные органы, имеющие отношение к внутренней и внешней безопасности и финансируемые по разделу «Правоохранительная деятельность» в объеме примерно 1,5 % ВВП, а на 2003 год – 1,9 % ВВП). Судя по всему, максимально достижимый в нормальных условиях предел финансирования обороны составляет теперь не 3,5 %, а примерно 3 % ВВП. Если бы в бюджете-2003 на оборону было отпущено 3 % ВВП, это означало бы прибавку в 40 с лишним млрд рублей – до общего объема в 390 млрд. Это первая точка отсчета для последующего анализа.

Вторая бесспорная предпосылка состоит в том, что военнослужащие Российской армии должны иметь достойный хотя бы по меркам своей страны уровень жизни. Представляется, что по состоянию цен на сегодняшний день совокупное месячное денежное довольствие младшего офицера должно быть порядка, как минимум, 10 тыс. рублей при отмене жилищно-коммунальных и иных льгот

(на деле сейчас денежное довольствие младших офицеров составляет около 5 тыс.). Такой уровень тоже весьма скромный, но позволил бы офицеру и его молодой семье по приезду в первый гарнизон обеспечить минимальный достаток и мотивацию к хорошей службе.

В этом случае, как показывают расчеты, при пропорциональном изменении размеров довольствия всему офицерству и с учетом других расходов на содержание Вооруженных сил России в упомянутых бюджетных рамках (3 % ВВП) могла бы позволить себе иметь армию общей численностью 800–850 тыс. военнослужащих. И это при условии, что комплектование рядового состава по-прежнему будет осуществляться преимущественно на основе призыва, а на инвестиционные статьи – НИОКР, закупки и ремонт вооружений и военной техники (ВиВТ), капитальное строительство – останется хотя бы 30 % бюджета, как это было в конце 1990-х годов и в начале этого десятилетия.

Размер денежного довольствия – не единственный фактор, влияющий на качество личного состава. Важную роль здесь играет пре-

Контрактная армия при грамотном применении имеет огромные преимущества перед призывной, воюет с минимальными собственными потерями и ограниченным ущербом для местного населения.

жде всего обеспечение жильем (сейчас около 160 тыс. офицеров только в ВС нуждаются в жилье или его улучшении), а также боевая подготовка, уровень профессионализма, условия жизни и службы рядового состава. В этой связи, опять-таки независимо от различия в оценках угроз и военных потребностей, необходимо увеличить асигнования на жилищное строитель-

во и совершенствование боевой подготовки. Последнее предполагает главным образом дополнительные расходы на горюче-смазочные материалы (ГСМ), ремонт, запчасти (ЗИП) и боеприпасы.

Но этим вопрос не исчерпывается. В российском стратегическом сообществе общепризнано, что выделяемых на техническое оснащение ВС 30 % бюджетных средств недопустимо мало. Это ведет к детехнизации армии, сокращению доли новых вооружений и техники, окончательному развалу оборонно-промышленного комплекса (или его переориентации на экспорт). В результате Россия перестает существовать как передовая военная держава. Провозглашена цель: довести финансирование инвестиционных статей, как минимум, до 40 % военного бюджета. В этом случае в 2003-м при прочих названных предпосылках численность Российской армии составила бы по-

рядка 700–750 тыс. человек. Таковы выводы из двух общепринятых предпосылок. Третья является предметом острейших разногласий как среди экспертов, так и в обществе в целом.

Для освоения новой техники и новых методов ведения боевых действий, для искоренения дедовщины и других социальных пороков армии требуется качественное улучшение рядового состава. По мнению автора и многих его единомышленников, это недостижимо без перехода комплектования рядового и сержантского состава ВС на контрактную основу. С учетом приведенных выше расчетов (принимая минимально привлекательный для рядового состава уровень месячного денежного довольствия в 5 тыс. рублей) Россия могла бы иметь армию общей численностью 550–600 тыс. военнослужащих¹.

Контрактная армия при грамотном использовании имеет огромные преимущества перед призывной, воюет с минимальными собственными потерями и ограниченным ущербом для местного населения. Достоинства контрактных ВС продемонстрировали операции США в Персидском заливе и Афганистане, действия НАТО в Югославии. В свою очередь, недостатки призывной армии наглядно подтверждает американский опыт во Вьетнаме, советский – в Афганистане и российский – в двух чеченских кампаниях последнего десятилетия. Тем более что на профессионализм и качественные параметры – взамен массовости личного состава и вооружений – должны ориентировать стратегов доктринальные нововведения после трагедии «Норд-Оста».

Таким образом, в практически заданных финансовых параметрах численность Российской армии колеблется в пределах 550–700 тыс. военнослужащих – в зависимости от принципа комплектования рядового состава.

Полагая, что это недопустимо мало, кое-кто выступает против перехода на контракт и за всемерное ужесточение условий призыва (отмена отсрочек, усиление уголовной ответственности, драконовский закон «Об альтернативной гражданской службе» и пр.). Но такой подход сколь архаичен, столь и непрактичен. Дело в том, что уже в ближайшие годы демографический «провал» сократит призывной контингент более чем на 60 %. Сохранение призыва как основного принципа комплектования рядового состава приведет лишь к незначительной прибавке в численности ВС и мизерной экономии по статье «Содержание Вооруженных сил». Ведь большая чис-

ленность рядового состава предполагает увеличение и офицерских кадров, а значит, и затрат на их денежное довольствие и жилье. Нездаром все передовые армии мира, включая континентальные европейские, одна за другой — вслед за США и Великобританией — переходят на контракт. По существу, контрактная армия становится неотъемлемым, знаковым атрибутом передовых в военном отношении государств (исключением является Израиль с его совершенно особым геостратегическим положением).

Вместе с тем при сохранении призыва выигрыш в численности порядка 150 тыс. человек не окупается потерей в качестве личного состава. И он в любом случае не принципиален по сравнению с другими факторами безопасности (степень защищенности границ, острота национальных конфликтов внутри и по периферии, характер отношений с соседними странами, состояние режимов разоружения и нераспространения в мире и пр.).

Невозможность поддерживать достаточный по численности боеготовый резерв (контингент запаса) на случай всеобщей мобилизации — это еще один довод против контрактной армии. Данная концепция, в традициях царской российской и Советской армий, глубоко укоренилась в сознании офицерского корпуса. Для анализа этого вопроса недостаточно только бюджетно-технических оценок. Дополнительно нужны некоторые оперативно-стратегические соображения.

МОБИЛИЗАЦИЯ ДЛЯ «БОЛЬШОЙ» ВОЙНЫ?

Понятно, что в обозримый период «большая» война по типу Второй мировой или той, к которой готовились в 60–80-е годы прошлого века, у России гипотетически могла бы возникнуть только с НАТО или Китаем. В обоих случаях, вероятнее всего, имела бы место быстрая эскалация военных действий — вплоть до применения оружия массового уничтожения (ОМУ), что и предусматривает российская военная доктрина. Она недвусмысленно предполагает применение ядерного оружия первыми «в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности РФ ситуациях». Понятно, что мобилизация в этом случае была бы невозможна и бессмысленна.

Но даже некоторая отсрочка применения ядерного оружия в такой войне за счет ведения обычных боевых действий все равно не оставляет шансов всеобщей мобилизации. Опыт недавних конфликтов показал, что в войне с НАТО не существовало бы непоража-

емого тыла, как в Первую или Вторую мировые войны. Современные ракетные и авиационные высокоточные неядерные средства большой дальности способны быстро разрушить военную промышленность, инфраструктуру складских хранилищ, транспорта и тылового обеспечения на всей территории, прежде чем удастся мобилизовать, вооружить, обучить и переправить на фронт миллионы военнослужащих запаса. Впрочем, для них у России нет и не предвидится достаточных запасов исправных ВиВТ, разве что легкого оружия, не много значащего в «большой» войне.

Даже при полной предвоенной мобилизации промышленности производство современного тяжелого оружия — это слишком длительный и сложный процесс, чтобы развернуть его в условиях интенсивных и глубоких ракетно-авиационных ударов и постоянной угрозы применения ядерного оружия. Максимум, что могла бы обеспечить промышленность в военное время, — пополнение боеприпасов, ЗИП и ГСМ.

Гипотетическая «большая» война с Китаем имела бы иной характер. В обозримом будущем эта страна вряд ли создаст сопоставимые с натовскими силы общего назначения (СОН), особенно по части высокоточного оружия (ВТО) большой дальности. Но соревноваться с Китаем в деле мобилизации резервистов в предвоенный или военный период — дело совершенно безнадежное, учитывая практически неограниченные людские резервы и геостратегические преимущества КНР в зоне возможного конфликта (Забайкалье и Дальний Восток).

Что касается региональных или локальных конфликтов, миротворческих и антитеррористических операций, то тут всеобщая мобилизация не нужна по определению. Во всяком случае, мобилизация, аналогичная той, что проводилась в Великую Отечественную войну и до сих пор планируется российским Министерством обороны (несколько миллионов человек). Конечно, отказ от традиционной концепции большого воинского запаса — это крайне трудный и болезненный шаг для любой крупной военной организации, тем более российской. Никакие логические доводы на военное ведомство не действуют, тут требуется волевое и недвусмысленное решение высшего политического руководства.

Надо отметить, что в самых крупных локальных конфликтах последнего времени США и некоторые их союзники использовали наряду с контрактной армией и резервистов (национальную гвардию). Но такой ограниченный резерв вполне совместим с контрактной

армией. России также может понадобиться дополнительный контингент для усиления группировки регулярных войск или их замещения при переброске в отдаленные районы. Подобный контингент (дополнительно 50–70 % к личному составу регулярной армии) во все не исключается, а, напротив, предполагается при контрактном комплектовании ВС. В эту категорию военнослужащих могут войти, во-первых, отслужившие контрактники (при этом в контракте должно быть зафиксировано их обязательство оставаться в боеготовом резерве до определенного возраста). Во-вторых, личный состав других войск и военных органов, который по численности сейчас сравним с собственно Вооруженными силами и должен быть соответствующим образом подготовлен для усиления рядов ВС.

Понятно, что в профессиональном отношении эти военнослужащие будут значительно превосходить нынешних запасников, привлекаемых на военные сборы (не случайно их называют в армии «партизанами»). Главное, чтобы для резерва контрактной армии хватило складированных вооружений и боевой техники и чтобы резерв регу-

лярно освежал навыки обращения с ними. Наконец, следует напомнить и про то обстоятельство, что отслуживших по призыву до 2003 года военнослужащих запаса 1-го разряда будет порядка 4 млн через пять лет и около 2 млн через десять лет, что достаточно для отлаживания всех вопросов резерва при наличии контрактной армии.

Итак, с точки зрения ресурсной базы именно контрактная армия численностью 550–600 тыс. человек могла бы обеспечить на ближайшие 10–15 лет самое высокое качество Вооруженных сил России. Но будет ли такая армия отвечать интересам безопасности РФ?

С точки зрения ресурсной базы именно контрактная армия численностью 550–600 тыс. человек могла бы обеспечить на ближайшие 10–15 лет самое высокое качество Вооруженных сил России.

ВЕКТОРЫ УГРОЗ И КОНФЛИКТОВ

После трагедии «черного сентября» руководство России взяло курс на всемерное политическое и экономическое сближение с США и их союзниками в Европе и на Дальнем Востоке. После трагедии «Норд-Оста» Российская армия и другие силовые структуры переориентируются на задачи нового типа. Но внешняя политика страны и новые доктринальные воззрения оказались в разительном не-

соответствии с ее военной политикой и военным строительством. Можно без преувеличения сказать, что Российская армия с планируемой численностью свыше 1 млн военнослужащих (на 2004 год) и системой всеобщей мобилизации, так же как и долгосрочная программа вооружения, условно говоря, на 70–80 % ориентированы на войну с Западом (включая Турцию и Японию).

Справедливости ради следует отметить, что курс США и НАТО в сфере военного строительства, разоружения и применения силы не способствует глубокому пересмотру военной политики России, а, наоборот, существенно его затрудняет. Но это отдельная тема. А поскольку здесь речь идет именно о российской военной политике и военной реформе и для России эта проблема стоит намного острее, чем для всех других стран, преодоление названной инерции является непреложным условием создания современной и сильной армии Российской Федерации.

По существу, разрубить гордиев узел бед российской военной политики и проблем военной реформы невозможно, если на уровне высшего политического руководства не принять исторического по своим масштабам решения и не добиться проведения его в жизнь. Суть таких действий – твердо и недвусмысленно дать руководящее указание военным исключить из военной доктрины, стратегии и оперативного планирования, системы дислокации и боевой подготовки, программы оснащения ВС РФ все сценарии широкомасштабной обычной войны с НАТО в Европе, а также с США и Японией на Дальнем Востоке. Европейские военные округа и флоты, опирающиеся на развитую тыловую инфраструктуру, должны рассматриваться в основном как зона базирования войск и сил, предназначенных для использования на других театрах военных действий, для миротворческих операций в СНГ и иных регионах мира, для антитеррористических функций и акций где бы то ни было.

Вероятность войны с НАТО на все обозримое будущее исчезающе мала как в свете объективных интересов сторон, так и ввиду катастрофических последствий такого конфликта. Но пока НАТО функционирует как военно-политический союз, имеет мощные коллективные вооруженные силы, расширяется на Восток и не приглашает Россию в свои ряды, прагматичный военный взгляд на вещи не позволяет просто сделать вид, что НАТО не существует, или слепо положиться лишь на декларативные заверения нынешних западных лидеров в дружелюбии. До тех пор пока материальный во-

енный базис альянса качественно не трансформирован (односторонним путем или посредством новых договоров), нужда в некотором военном потенциале России на европейских стратегических направлениях будет сохраняться даже при последовательном экономическом и политическом сближении с Западом.

Допустимая ничтожная вероятность конфликта РФ – НАТО вполне может быть блокирована за счет оптимального потенциала ядерного сдерживания на стратегическом и оперативно-тактическом уровне. Силы общего назначения в этом районе нужны лишь постольку, поскольку они обеспечивают и прикрывают стратегические ядерные силы (СЯС), а оперативно-тактические ядерные средства в основном применяют носители двойного назначения из состава Сухопутных войск, ВВС и ВМФ. Кроме того, обладающая высокой боеспособностью и мобильностью группировка СОН, ориентированная на другие театры военных действий, физически будет размещаться главным образом в европейской части страны. Само собой разумеется, что системы ПВО, ПРО театра

В российском стратегическом сообществе практически единодушно признано, что главная прямая угроза безопасности страны сегодня исходит с южных направлений по протяженной дуге нестабильности от Приднестровья и Крыма до Памира и Тянь-Шаня.

военных действий, а впоследствии, возможно, и дополнительные элементы стратегической ПРО будут развернуты в названной зоне, защищая ее от ударов с южных и восточных азимутов.

В российском стратегическом сообществе практически единодушно признано, что главная прямая угроза безопасности страны сегодня исходит с южных направлений по протяженной дуге нестабильности от Приднестровья и Крыма до Памира и Тянь-Шаня. Однако эта угроза не выражается в традиционной форме агрессии организованных вооруженных сил. Она имеет характер экстремистских националистических и религиозных движений, использующих партизанские методы ведения войны трансграничного типа (т. е. со слиянием внутреннего и внешнего конфликта) в отношении самой России на Кавказе и ее союзников в Центральной Азии. Речь также идет об угрозах нового типа, как о следствии или причине конфликтов: терроризм, торговля оружием и наркотиками, незаконная миграция и организованная трансграничная преступность, браконьерство и контрабанда.

Перед лицом таких угроз вооруженным силам приходится выступать в необычной для них роли и действовать совместно с внутренними и пограничными войсками, правоохранительными органами и спецслужбами. Именно в расчете на эти операции России необходима новая, не слишком многочисленная, но высококомбинильная, хорошо подготовленная и оснащенная профессиональная армия. В самой успешной и крупномасштабной региональной операции такого типа — «Буре в пустыне» 1991 года — действовала полумиллионная группировка войск США при поддержке около тысячи боевых самолетов и порядка 5 тыс. единиц бронетехники. Сопоставимой же по размеру российской группировки — при должном качественном уровне войск и сил — было бы достаточно для защиты интересов РФ от самой крупной мыслимой угрозы на Кавказе и в Центральной Азии. Примерно такую по величине группировку смогла бы развернуть Российская армия общей численностью 550–600 тыс. человек при условии мобилизации резервистов из числа бывших контрактников и из состава других войск.

Те или иные элементы такой армии будут способны эффективно действовать в условиях локальных конфликтов низкой интенсивности, поддерживать внутренние войска и пограничников, участвовать в миротворческих и антитеррористических операциях, в том числе коллективных. Группировка подобного масштаба может в перспективе понадобиться на другом театре военных действий — на восточных рубежах страны.

В настоящее время трудно представить себе реалистический сценарий угрозы прямой агрессии Китая против России даже в долгосрочной перспективе (10–15 лет). Экономические, политические и военные отношения между обеими державами сейчас развиваются весьма успешно. КНР является главным покупателем самых современных обычных вооружений России (в которых крайне нуждается даже собственно Российская армия) и лицензий на их производство. Но некоторые общеизвестные факторы и тенденции на Дальнем Востоке могут в будущем создать предпосылки для конфликта интересов этих двух держав.

Воссоздать на востоке мощную войсковую группировку, как в 1970–80-е годы, Россия не готова по экономическим, политическим и договорно-правовым причинам. Рассчитывать на усиление восточной группировки путем передислокации войск из Европейского региона тоже не приходится. Для транспортировки одной мото-

стрелковой или бронетанковой дивизии потребовалось бы полтысячи железнодорожных эшелонов и два месяца сроку ².

Единственный выход — в случае неблагоприятных тенденций на восточных рубежах заблаговременно создавать там хорошо охраняемые и прикрытые зенитными средствами и средствами ВВС военные припасы и хранилища тяжелого оружия в пределах договорных ограничений. В условиях военной угрозы личный состав можно будет перебросить туда по воздуху и по суше (в том числе с использованием гражданского транспорта), чтобы за несколько месяцев удвоить или утроить численность группировки и выдвинуть ее на угрожаемые направления. Имея армию общей численностью 550–600 тыс. человек, можно быстро создать на востоке хорошо подготовленную и оснащенную 200–250-тысячную группу войск, а в европейской части этих военнослужащих заместили бы резервисты.

Учитывая геостратегические проблемы России на данном театре военных действий, тем более необходимо бесспорное ядерное превосходство на стратегическом и оперативно-тактическом уровне. Это позволит силам общего назначения — при условии превосходства в воздухе — защищать интересы страны в течение, как минимум, нескольких недель, пока не будет восстановлен мир или принято решение о применении ядерного оружия.

С учетом ограничений, которые ресурсная база накладывает на численность СОН при значительном повышении их качественного уровня, оптимальный потенциал ядерного сдерживания в перспективе приобретает особую важность. Безусловно, и на глобальном, и на региональном уровне ядерное оружие — самое действенное средство сдерживания от нападения с применением аналогичного оружия и, возможно, других видов ОМУ. Что касается сдерживающего эффекта ядерных средств против сил общего назначения, то это вопрос спорный и неоднозначный, особенно если противник в дополнение к превосходству по СОН будет иметь собственные стратегические силы и тактическое ядерное оружие (ТЯО).

С уверенностью можно говорить только об одном: в названных условиях сами по себе оперативно-тактические средства даже в большом количестве будут немногого стоить без «прикрытия» в виде неуязвимых, эффективных и мощных стратегических ядерных сил. Без них ТЯО станет играть скорее провокационную роль, побуждая противника к нанесению упреждающего удара по тактическим и стратегическим силам России.

При численности 550–600 тыс. человек около 200 тысяч приходилось бы на рода войск с наивысшим уровнем технизации, наибольшей пропорцией офицеров и рядовых-контрактников и (или) на войска, находящиеся в повышенной боевой готовности: Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) и другие составляющие СЯС, Военно-космические силы (ВКС), Ракетно-космическую оборону (РКО), части ПВО в составе ВВС, Ядерно-технические и Воздушно-десантные войска (ВДВ). Эти рода войск следует первыми и полностью переводить на контракт, что было бы относительно недорого: дополнительно 3 % к военному бюджету 2003 года.

Остальные 350–400 тыс. военнослужащих распределялись бы между СОН Сухопутных войск, ВВС и ВМФ, а также централизованными военными структурами. Их перевод на контрактную основу с увеличением денежного довольствия обошелся бы примерно в 10 % сверх военного бюджета 2003-го. Примерно столько же стоило бы в сумме соответствующее сокращение численности ВС, увеличение военных пенсий и переход на контракт других войск. Если решительно и последовательно осуществить всю эту реформу за три года, то расходы на нее не превысят 10–15 % ежегодных дополнительных ассигнований на «национальную оборону» и «правоохранительную деятельность» (по объему финансирования-2003).

Нынешний официальный план Министерства обороны по переводу на контракт половины войск к 2011 году является типично бюрократическим затягиванием процесса (видимо, в расчете на его «естественное умирание»), что не даст ни положительного военного эффекта, ни экономии средств, ни решения насущных проблем армии и оборонного комплекса. Усилиями Генштаба и командования видов ВС сокращение численности войск практически сошло на нет и остановилось на уровне 1,1–1,2 млн человек. Тем самым аннулируется потенциальная внутренняя экономия по статье «Содержание», необходимая для существенного улучшения качества личного состава, оснащения и боевой подготовки. Все это теперь планируется только за счет дополнительных ассигнований, которые не превысят уровня инфляции более чем на 5–10 %, а возможно (при падении мировых цен на нефть), и сравняются с ним.

Другие выдвигаемые «непротеченные» идеи вроде перехода на 6-месячный срок службы по призыву только запутывают вопрос и отвлекают рассмотрение проблем на побочные темы. Такой срок службы не позволяет подготовить рядовой состав на должном уровне

не, а для поддержания разумно необходимого боеготового запаса есть более эффективные пути, отмеченные выше.

«Эксперимент» Минобороны с переводом на контракт одной линейной дивизии (вернее, еще одной, наряду с 201-й дивизией, дислоцированной в Таджикистане) имеет мало смысла и в военном отношении, и как «опытный образец». Весьма произвольна и необоснованна практика Генштаба по выделению во всех видах ВС отдельных частей и соединений постоянной боевой готовности. Эта практика не более чем дань традициям холодной войны, поскольку, помимо упомянутых выше родов войск (РВСН, РКО, ПВО и пр.), полки и дивизии общего назначения из состава Сухопутных войск, ВВС и ВМФ больше нет нужды держать в повышенной готовности в расчете на «внезапное нападение» Запада.

ПРИОРИТЕТЫ ПРОГРАММЫ ВООРУЖЕНИЙ

Принятая на настоящий момент и тщательно скрываемая под завесой секретности российская программа вооружений предполагает, по сути, «размазывание» ресурсов тонким слоем, чтобы удовлетворить ведомственные интересы видов ВС и поддерживать максимальное число военно-промышленных предприятий на минимальном уровне госзаказа (в «коматозном состоянии»). Инвестиционные статьи военного бюджета, в которых отсутствуют ясные и обоснованные приоритеты, подавляются статьями «содержания» (более 70 % бюджета). Более или менее уверенно чувствуют себя только фирмы, работающие на экспорт, то есть вооружающие чужие армии.

Исправить положение помогло бы не только изменение в соотношении «содержание-инвестиции» с 70 : 30 на 60 : 40 (за счет сокращения численности ВС), но и четкое определение приоритетов в свете новых потребностей безопасности. Прежде всего необходимо круто изменить программу в сфере стратегических вооружений. В частности, для обеспечения стратегической достаточности и стабильности необходимо пересмотреть принятые российским руководством в середине 2000 года и начале 2001-го решения по развитию СЯС. Следовало бы сосредоточить ресурсы на ракетных силах наземного базирования. Расширение производства ракет «Тополь-М» дало бы через 10–15 лет группировку в составе 300–400 межконтинентальных баллистических ракет шахтного и мобильного базирования.

При оснащении системами разделяющихся головных частей (РГЧ) такая группировка способна нести 1 000–2 000 боеголовок и,

в отличие от морских и авиационных средств, обеспечить потенциал стабильного сдерживания по всем азимутам. Это нужно в свете прогнозируемого распространения ОМУ и его носителей по южному поясу Евразии. Морскую и авиационную составляющие СЯС надо поддерживать, по возможности продлевая срок службы существующих систем и постепенно переключая ВМФ и ВВС на выполнение региональных задач. В условиях острого дефицита ресурсов целесообразно возобновить политику интегрирования отдельных составляющих СЯС, а также СЯС с Военно-космическими силами и Ракетно-космической обороной.

Нужно особо подчеркнуть, что речь не идет о наращивании российского ядерного потенциала. В обозримый период стратегические силы РФ в любом случае будут сокращаться. Но их оптимальная структура обеспечит военную стабильность при любых условиях развития отношений с США вокруг проблем ПРО и СНВ. Стратегическая заинтересованность Вашингтона в решении этих вопросов на договорной основе, скорее всего, осязательно возрастет.

Как показывают оценки, это наименее затратное направление обеспечения достаточных СЯС позволяет ориентировать остальные средства на повышение боеспособности ослабленных сил общего назначения или на системы стратегической обороны. Напротив, намеченный сейчас курс на «сбалансированную модернизацию» всех составляющих триады при жестком дефиците финансирования развалит все компоненты СЯС или повлечет за собой огромный перерасход средств, но с весьма низкой отдачей. Отказ от наследия холодной войны в виде концепции «паритета» — это в первую очередь отказ не от сопоставимости по числу носителей и боезарядов, а от крайне дорогостоящей концепции триады, которая впредь и не нужна, и не по средствам Российской Федерации.

Благодаря такому ядерному потенциалу (вместе с ограниченными, но гибкими в применении, высокоживучими и сохранными средствами ТЯО), России будет легче обеспечивать безопасность на западе в условиях продвижения НАТО на Восток и выстраивать отношения сотрудничества с альянсом, не опасаясь его превосходства в СОН и их наступательного потенциала вне зоны ответственности блока. Тем более это важно на азиатских направлениях, поскольку там ни одна из держав в обозримом будущем не сможет сравниться с Россией по стратегическому потенциалу, если он будет поддерживаться оптимальным образом.

России также следует уделить гораздо больше внимания развитию нестратегической противоракетной обороны и для Европы, и для Азии. Причем ПРО театра военных действий не обязательно должна быть альтернативой стратегической противоракетной системе. Она может быть первой фазой внедрения эшелонированных антиракетных систем России, США и их союзников и опытным полигоном взаимодействия держав на этом поприще. Кроме того, нужно поддерживать передовой уровень систем предупреждения, управления, разведки для СЯС и СОН, включая их космическую составляющую, без чего немыслима современная армия.

Если условно взять за ориентир 2003 год, то при военном бюджете в 390 млрд рублей (3 % ВВП) и при выделении на содержание ВС 60 % этих средств на инвестиционные статьи приходилось бы более 150 млрд рублей (сейчас около 100 млрд). Порядка 35–40 % этих ресурсов обеспечили бы эффективный потенциал ядерного сдерживания на стратегическом и тактическом уровне, совершенную систему предупреждения и боевого управления, а также постепенное наращивание современных систем ПВО и ПРО театра военных действий. Это позволило бы одновременно разрабатывать новейшие системы стратегической ПРО и космических систем.

Остальное можно было бы использовать для оснащения качественно новых СОН. Главным приоритетом для них должны быть не танки, пушки, самолеты и корабли, а резкое повышение уровня информационного обеспечения, управления и связи (включая, например, разветвленную наземную сеть приемников для уже развернутой космической навигационной системы ГЛОНАСС). Без этого нет современной армии и современных способов ведения военных действий, сколь велика ни была бы ее совокупная огневая мощь. От результатов деятельности в этом направлении зависят перспективы массового развертывания и применения высокоточного оружия большой дальности, пример эффективности которого был наглядно продемонстрирован в операции НАТО против Югославии в 1999 году и в Афганистане в 2001–2002 годах. Этого требует и отработка взаимодействия армии с другими войсками и частями спецназначения, которая должна стать одним из главных направлений боевой подготовки после трагедии «Норд-Оста».

Ежегодные инвестиции в СОН в указанном объеме помогут в течение 10–15 лет обеспечить Российскую армию (в зависимости от выбора типов и роста стоимости ВиВТ) средствами для закупки примерно

3 000 единиц бронетехники, 2 000 единиц артиллерии разных систем, 1 000 пусковых установок зенитных управляемых ракет войсковой ПВО, 100 военно-транспортных и 1 000 боевых самолетов и вертолетов. Такие вливания позволят также ремонтировать самые современные корабли и подводные лодки, обновлять их ракетно-торпедное вооружение и радиоэлектронные системы. Удельный вес новейшей техники при оптимально сокращенной численности ВС достигнет 30–40 %, что соответствует мировым стандартам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разумеется, даже самые эффективные Вооруженные силы в новых условиях не обеспечат безопасность и политические интересы страны без взаимодействия с другими войсками, военными и правоохранительными органами и службами. Кроме того, разумная военная политика должна согласовываться с правильной внешней политикой и надлежащими дипломатическими усилиями. В настоящее время у России нет такого взаимодействия и согласования. Взяв курс на свертывание главного и лучшего компонента СЯС — наземно-мобильных ракетных сил, Москва «вышибла стул» из-под своих дипломатов на переговорах с Вашингтоном по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям. А значит, она не только потеряла Договор по ПРО и новое полномасштабное соглашение по СНВ, но и лишилась важнейшего рычага влияния на американскую политику в целом (в том числе по расширению НАТО, силовому воздействию на Ирак и пр.).

Вяло сопротивляясь продвижению НАТО на Восток, Россия ничего не сделала для нейтрализации негативных последствий этого процесса, а именно: для включения стран Балтии в Договор об обычных вооруженных силах в Европе, для нового радикального сокращения сил общего назначения, для запрещения ядерного оружия в Центральной и Восточной Европе. Тут сочетание «сонной» дипломатии и несуразной военной политики и военной реформы дало хрестоматийно жалкие результаты.

В не меньшей степени это относится к восточному региону, где обеспечение безопасности России зависит не только от достаточной обороны, но и еще более от развития сбалансированных экономических и политических отношений с двумя главными соседями — Китаем и Японией. Между тем за прошедшее десятилетие российская дипломатия не сумела найти взаимоприемлемый выход из ту-

пика территориального спора с Токио, что делает российские позиции в отношениях с КНР все более слабыми.

Все это, однако, тема для отдельного разговора. Суммируя вышесказанные выше соображения, можно обозначить основные параметры армии, военной политики и военной реформы, которые нужны на ближайшую перспективу:

- максимальная открытость военного бюджета, включая программу вооружения, широкое обсуждение его обоснованности и отраженной в нем военной политики, расширение роли и участия в этом процессе парламента, независимых научных и общественных организаций;

- увеличение военных расходов до 3 % ВВП;

- сокращение численности Вооруженных сил за 2–3 года до 800 тыс., а за 5–6 лет до 550–600 тыс. военнослужащих;

- за этот период перевод комплектования ВС и других войск полностью на добровольно-контрактную основу;

- параллельное повышение денежного довольствия военнослужащих в 2003–2004 годах примерно вдвое по сравнению с нынешним (помимо инфляции);

- увеличение инвестиционной составляющей военного бюджета до 40 %;

- пересмотр программы СЯС с приданием приоритета ракетным силам наземно-мобильного базирования и совершенствованию систем управления, системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), а также развитию новых систем ПРО и ПВО театра военных действий, космических систем;

- создание компактных, мобильных и технически хорошо оснащенных сил общего назначения с акцентом на резкое улучшение их систем управления и связи, информационного обеспечения, на массовое оснащение высокоточным оружием большой дальности;

- переориентация СОН на локальные конфликты и региональные войны, а также операции нового типа на юго-западных, южных и восточных стратегических направлениях и создание складов ВиВТ и запасов материального обеспечения вблизи районов, находящихся под угрозой.

¹ Автор благодарен эксперту П.Б. Ромашкину за помощь в произведенных расчетах.

² О. Одноколенко. Десант генерала Шпака. Итоги. № 26. 2002. 2 июля. С. 20–21.

WE DO NOT REACT

TO WORLD EVENTS.

WE ANTICIPATE THEM.

KNOWLEDGE IS POWER. And in this age of expanding global interplay and commerce, knowledge has never been more powerful. FOREIGN AFFAIRS is smart. Hard headed. Far-sighted. Thought-provoking. We take on big ideas that have big implications for anyone with a vested interest in the shape of the world: financial analysts and corporate marketers, bankers and bondholders, statesmen and scholars, lawyers and legislators.

FOREIGN AFFAIRS TACKLES QUESTIONS that demand broad vision and deep insight. We're a forum where knowledgeable and powerful voices in foreign policy and events have their say. Most important, at FOREIGN AFFAIRS, we aren't devoted to *conservative* thinking. We aren't devoted to *liberal* thinking. We're devoted to *thinking*. That's why we're read right across the political spectrum, from boardroom to classroom, from the Kremlin to the Oval Office.

SOUND LIKE A PRIVILEGED DIALOGUE? It is. But to join in, you don't have to be a foreign affairs expert. You just have to be willing to become one by subscribing to **FOREIGN AFFAIRS**. At half price. Do it now.

We are happy to offer you, a reader of *Russia in Global Affairs*, a special 1-year subscription rate of US\$57.00*!

Simply contact us (and mention keycode A02RGA) to receive this special rate:

FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,

P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 USA

Tel: (386) 445-4662, Fax: (386) 446-5005, or Email: ForAff@palmcoastd.com

***(This rate includes 6-bimonthly issues (\$22), air-delivery (\$35) and a full refund on all unmailed issues if at any time you are not satisfied with your subscription. If you are in the US, a 1-year subscription is \$22.00.)**

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept Mastercard, Visa and American Express as payment. Please allow 6-8 weeks for the delivery of your first issue.

Столкновение глобализаций

Как сделать мир более пригодным для жизни

Стэнли Хоффман

НОВАЯ ПАРАДИГМА?

В каком состоянии находятся сегодня международные отношения? В 1990-х годах специалисты обратили внимание на частичную дезинтеграцию государства – традиционной основы миропорядка. В это время стало очевидным, что многие государства, возникшие в результате освобождения от колониальной зависимости, являются, по сути, псевдогосударствами, у которых отсутствуют устоявшиеся институциональные структуры, внутреннее единство и, наконец, национальное самосознание. С падением коммунистических режимов в Советском Союзе и Югославии вскрылись давно назревавшие межэтнические конфликты. Национальные меньшинства, которые подвергались притеснениям или считали себя угнетенными, потребовали независимости. Правители Ирака, Судана, Афганистана и Гаити развязали открытые военные действия против населения собственных стран. Внутренние войны продемонстрировали важность гуманитарного вмешательства, которое осуществлялось вопреки принципам невмешательства и национального суверенитета. Таким образом, основным конфликтом десятилетия стало столкновение между дезинтеграцией государств (и всей системы государств) и растущей экономической, культурной и политической интеграцией, то есть глобализацией.

События 11 сентября были восприняты как начало новой эры, но в чем их значение? В традиционно сложившейся системе международных отношений войны велись между государствами, но на сей раз группа практически небооруженных индивидуумов бросила вызов застигнутой врасплох мировой сверхдержаве. Эти события пока-

Стэнли Хоффман – преподаватель Гарвардского университета. Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs* № 4 (июль/август) за 2002 год.

зали, что оборотной стороной глобализации оказалось предоставление фанатикам свободы действий для совершения зловещих актов насилия. Терроризм представляет собой кровавое звено во взаимоотношениях между отдельными государствами и мировым сообществом. В то время как многочисленные одиночки и целые группы людей выступают на мировом уровне в качестве действующих лиц наряду с государствами, последние пребывают в обстановке все большей незащищенности и уязвимости. Чтобы проанализировать столь мрачное состояние дел, необходимо ответить на несколько вопросов: с помощью каких концепций можно объяснить существование нового миропорядка? В каком состоянии пребывает межгосударственная часть международных отношений? Каков вклад возникающего глобального гражданского общества в существующий миропорядок?

ШУМ И ЯРОСТЬ

В 1990-х годах много шума произвело создание двух моделей миропорядка. Первая предлагалась в сочинении Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории», но впоследствии не получила подтверждения в международной практике. Фукуяма предсказывал, разумеется, не конец самой истории, а прекращение идеологических конфликтов и триумф политического и экономического либерализма. Это соответствует действительности, но в широком смысле: «светские религии», которые вели между собой столь кровавые битвы в прошлом веке, сегодня мертвы. Однако Фукуяма не учитывал того факта, что живет всех живых остается национализм. Более того, он проигнорировал наличие взрывоопасного потенциала религиозных войн, которым чревата значительная часть мусульманского мира.

Спустя несколько лет академический наставник Фукуямы политолог Самьюэл Хантингтон представил более мрачную модель, в которой мир выглядел совсем иначе. Хантингтон предсказывал, что угроза насилия как результат международной анархии и отсутствия общих ценностей и установлений скорее проявит себя между цивилизациями, нежели между отдельными государствами или идеологиями. Однако взгляды Хантингтона на то, что такое цивилизация, были весьма туманны. Он недостаточно учитывал значение конфликтов, существующих внутри так называемых цивилизаций, зато переоценил значение религии в поведении элит незападных государств, которые часто являются вполне светскими и вестернизиро-

ванными. В результате ему не удалось достаточно четко установить характер связей, существующих между цивилизацией и международной политикой составляющих ее государств.

Другие модели, менее сенсационные, также все еще имеют своих приверженцев. Так, исповедующие ортодоксальный «политический реализм» настаивают, что со времен Фукидида и Макиавелли в международных отношениях ровным счетом ничего не изменилось: судьбу государства определяет его военная и экономическая мощь, тогда как роль взаимозависимости и международных организаций вторична и эфемерна, а цели государств определяются угрозами извне. Таков мир в описании Генри Киссинджера. К сожалению, эта достойная уважения модель с трудом вмещает в себя происходящие перемены, особенно процесс глобализации и выход на арену негосударственных действующих лиц. Более того, она не замечает необходимости в международном сотрудничестве, которая вызвана появлением новых угроз, связанных с распространением оружия массового уничтожения. Эта модель также не принимает в расчет то, что французский мыслитель Раймон Арон назвал «семейными универсальными сознанием», — либеральные, рыночные нормы, которые все развитые государства считают необходимыми.

Вслед за Ароном многие исследователи сегодня рассматривают мир в терминах триумфального шествия глобализации, которая преодолевает границы при помощи новых средств информации и коммуникации. В таком мире государство, предпочитающее оставаться закрытым обществом, неизбежно приходит к упадку при одновременном росте недовольства среди своих граждан, которые испытывают потребность в материальном прогрессе. Но как только общество становится открытым, оно вынуждено смириться с тем, что роль государства сужается, ограничиваясь социальной сферой, отражением агрессии, предотвращением гражданской войны, а также поддержанием национального самосознания. Самым пылким сторонником этого эпоса без героев является Томас Фридмен, обозреватель газеты *The New York Times*. Он противопоставляет преградам широкие возможности, отсталости — модернизацию, плановой экономике — свободный рынок. В глобализации он видит первый проблеск рассвета, золотую «смирительную рубашку», которая заставит это вздорное общество осознать тот факт, что логика глобализации ведет к миру (поскольку война приостановит процесс глобализации и, следовательно, прогресс) и демократии (поскольку

новые технологии способствуют независимости индивидов и их инициативности).

НАЗАД К «РЕАЛЬНОСТИ»

Все эти модели наталкиваются на три препятствия. Во-первых, соперничество между крупными державами и способность менее значительных государств использовать в своих целях возникающую в результате напряженность, разумеется, нигде не исчезли, хотя до некоторых пор наличие ядерного оружия служило сдерживающим фактором для самих ядерных держав. Разрушительная мощь этого оружия и риск его применения привели к упорядочению правил игры, превратив ядерное оружие в крайний довод. Однако ситуация все еще может накалиться, так как растет число государств, которые пытаются заполучить новые виды оружия массового поражения, сокращая разрыв между «ядерным клубом» и остальными государствами. Превращение ядерного оружия в товар становится предметом острых разногласий, и все усилия прекратить распространение средств массового поражения, особенно опасным «государствам-изгоям», как это ни парадоксально, могут стать причиной нового насилия.

Во-вторых, хотя международные конфликты возникают все реже, все более частыми становятся войны внутри самих государств, как об этом свидетельствуют примеры бывшей Югославии, Ирака, значительной части Африки и Шри-Ланки. Страны, не вовлеченные в эти сложные внутренние конфликты, после некоторых колебаний все же принимают в них участие, чтобы предотвратить опасность региональной катастрофы. Затем они, как правило, обращаются к помощи ООН или региональных организаций для водворения стабильности в таких государствах, для их восстановления и предотвращения распада и деградации в будущем.

В-третьих, курс государств на международной арене определяется не только реально существующими геополитическими факторами, такими, как экономическая и военная мощь, но и внутренней политикой. Даже при недемократических режимах такие факторы, как ксенофобия, экономическое недовольство, межнациональная этническая солидарность, могут значительно усложнить внешнюю политику, сделать ее менее предсказуемой. Перед многими государствами — особенно США — возникает проблема установления баланса сил между соперничающими группировками в правительстве.

Кроме того, при изучении международной политики часто недооценивают влияние отдельных лидеров и свойств их личности.

Международный терроризм создает для сторонников реальной политики трудноразрешимую дилемму. Если государство оказалось жертвой террористов, оно пытается уничтожить их, лишая убежища и одновременно наказывая приютившие их страны. Итак, требует ли защита национальных интересов вооруженных действий против правительств, поддерживающих террористов, или же, для того чтобы призвать террористов к ответу, необходимо осмотрительное и деликатное давление на другие государства? Оба этих варианта ставят под вопрос государственный суверенитет — священную концепцию реальной политики. Поэтому классический реализм Ханса Моргентау и Раймона Арона эффективен для отдельных государств, но его контуры становятся все более расплывчатыми, что ведет к возникновению все более сложных проблем в условиях угрозы терроризма.

В то же время реальный мир глобализации совсем не похож на тот, пришествие которого празднует Фридмен. Фактически существуют три вида глобализации, и перед

Курс государств на международной арене определяется не только реально существующими геополитическими факторами, такими, как экономическая и военная мощь, но и внутренней политикой.

каждым из них стоят свои проблемы. Во-первых, это экономическая глобализация, которая явилась результатом недавних революций в технологии, информации, торговле, иностранных инвестициях и международном бизнесе. Главными действующими лицами здесь, наряду с государствами и международными организациями, стано-

вятся компании, инвесторы, банки и частный сектор сферы услуг. Сегодняшняя форма существования капитализма, по иронии предвиденная Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, выдвигает в качестве основной дилеммы противоречие между эффективностью и справедливостью. Специализация и интеграция фирм делают возможным увеличение совокупного капитала, но логика чистого капитализма не поощряет социальную справедливость. Экономическая глобализация, таким образом, стала причиной неравенства между странами и внутри самих стран, а забота о международной конкурентоспособности ограничивает возможности государств и других участников международной политики заниматься этой проблемой.

Во-вторых, культурная глобализация. Она получает свое развитие из технологической революции и экономической глобализации, которые вместе создают поток культурных благ. Здесь ключевым является выбор между унификацией (которую часто называют «американизацией») и стремлением к многообразию. Результатом становятся одновременно «расколдовывание мира» (по выражению Макса Вебера) и реакция против унификации. Неприятие унификации выступает, с одной стороны, в форме возрождения местных культур и языков, а с другой — направлено против западной культуры, которую обвиняют в навязывании светской, революционной идеологии, служащей прикрытием для американской гегемонии.

Наконец, в-третьих, существует политическая глобализация, как результат двух первых. Для нее характерно главенство США и их политических институтов, а также наличие широкого спектра международных и региональных организаций и систем межправительственных связей, распространяющихся на такие сферы, как обеспечение порядка, миграция и правосудие. Для политической глобализации также характерно существование частных институтов, которые нельзя отнести ни к правительственным, ни к чисто государственным. К таковым, например, относятся «Врачи без границ» или «Международная амнистия». Однако многим из подобного рода организаций недостает демократической прозрачности, твердости в целях и влияния. Более того, перспективы установления американской гегемонии пока далеко не ясны ввиду осязаемого сопротивления извне, а также внутренних колебаний между притязаниями на мировое господство и стремлением к изоляции.

Выгоды глобализации бесспорны, но оптимизм, подобный оптимизму Фридмена, зиждется на очень хрупкой основе. Во-первых, нет оснований считать, что глобализация неизбежна и непреодолима. В значительной мере глобализация — детище Соединенных Штатов. Истоки глобализации восходят к периоду, начавшемуся после Второй мировой войны, а прочным фундаментом для нее служит американская экономическая мощь. Поэтому если в США разразится глубокий и затяжной экономический кризис, то его разрушительное воздействие на глобализацию окажется сравнимым с Великой депрессией.

Во-вторых, радиус действия глобализации строго очерчен, так как в сферу ее влияния не попадают многие бедные страны, а государства, которые испытывают на себе ее воздействие, реагируют на

это по-разному. Это связано с различием в экономических и социальных условиях таких государств, а также с их внутренней политикой. Мир очень далек от идеальной интеграции рынков, услуг и производства. Иногда простое существование границ замедляет и даже парализует интеграцию, тогда как в других случаях интеграция приобретает характерные черты главенствующего государства (как в случае Интернета).

В-третьих, международное гражданское общество пребывает в зачаточном состоянии. Сфера деятельности многих неправительственных организаций охватывает лишь незначительный сегмент населения государств-членов. К таковым относятся главным образом государства, прошедшие стадию модернизации либо не подверженные сильному влиянию государственного сектора. Часто неправительственные организации лишь в малой степени свободны от влияния тех или иных правительств.

В-четвертых, столь милая сердцу Фридмена эмансипация на

Альтруизм никогда не рассматривался в качестве основы международных отношений — во всяком случае, щедрость не предусматривается с точки зрения долгосрочных интересов.

уровне отдельных индивидуумов не приводит к быстрой демократизации режима, как можно заметить на примере Китая. Эмансипация также не препятствует таким институтам публичного права, как Международный валютный фонд, Всемирный банк или Всемирная торговая организация, сохранять непрозрачность в своих дейст-

виях и во многих случаях выносить произвольные и несправедливые решения.

В-пятых, столь привлекательная идея улучшения условий жизни людей путем ликвидации границ на поверку выглядит весьма сомнительной. По сути, глобализация — это лишь набор технических средств (аудио- и видеокассеты, Интернет, сверхскоростные средства коммуникации), предоставленных в распоряжение государств или частных пользователей, которыми движут своекорыстные интересы и идеология, а вовсе не гуманитарные соображения. Их деятельность не имеет ничего общего с представлениями о глобализации как об утопии, основанной на идеалах Просвещения, которая одновременно научна, рациональна и универсальна. По многим причинам существование таких факторов, как бедность, несправедливость, унижение, приверженность традициям, стремле-

ние превзойти жизненные стандарты, приводит к тому, что «просвещенческий» стереотип глобализации вызывает неприятие и приводит к разочарованию.

Существует также противоречие другого рода. С одной стороны, международное и межнациональное сотрудничество призвано гарантировать процесс глобализации от негативных последствий неравенства, возникающего из-за колебаний рынка, слабой системы социальной защиты и неспособности многих государств самостоятельно решать свою судьбу. С другой стороны, такое сотрудничество предполагает разумную долю альтруизма в действиях государств и богатых частных лиц. Однако альтруизм никогда не рассматривался в качестве основы международных отношений — во всяком случае, щедрость не предусматривается с точки зрения долгосрочных интересов. Все дело в том, что большинство богатых государств пока отказываются предоставлять даже необходимо достаточную помощь для развития или вмешиваться в случае кризисных ситуаций, подобных геноциду в Руанде. Это их нежелание весьма плохо увязывается со стремлением Америки довести до конца борьбу с террористической организацией «Аль-Каида» и движением «Талибан». И дело не столько в патриотическом порыве, как таковом, сколько в отсутствии чувства гуманности, когда речь заходит о предоставлении помощи неамериканцам, а национальные интересы Америки не столь очевидны.

ВООБРАЖАЕМЫЕ СООБЩЕСТВА

Среди множества факторов влияния глобализации на международную политику три представляются наиболее важными. Первый из них затрагивает международные институты.

Несмотря на прогнозы приверженцев реальной политики, большинство государств далеки от состояния войны. Во многих регионах и странах сохраняется мир; в других случаях насилие проявляется скорее на внутреннем уровне, чем на межгосударственном. Но поскольку ни одно правительство не в состоянии решить все возникающие проблемы, появились на свет межгосударственные институты. В результате сложилось так называемое глобальное общество, усилия которого направлены на сокращение потенциально деструктивного воздействия государств на процессы интеграции. Наряду с этим его цель — обеспечение открытости мирового рынка, а также принятие международных правил в таких областях, как торговля,

связь, права человека, миграция и проблема беженцев. Главным препятствием здесь является нерасположенность государств выполнять его рекомендации, направленные на сдерживание рынка или дальнейшее ограничение их суверенитета. В результате сфера деятельности ООН сужается или остается чисто теоретической. Идея международного уголовного правосудия – расплывчатая и часто оспариваемая крайняя мера. В мировой экономике, где основные выгоды от сокращения роли государства выпали на долю рынка, а не управления мировыми процессами, сеть международных организаций остается незавершенной и фрагментарной. Иностраные инвестиции осуществляются согласно двусторонним соглашениям. Охрана окружающей среды обеспечена недостаточно, а вопросы ми-

Чем быстрее национальный суверенитет разрушается под напором глобализации, тем сильнее государства цепляются за то, что от него остается. Разрушение суверенитета усугубляется проведением акций гуманитарного вмешательства или борьбой с терроризмом.

грации и роста населения попросту игнорируются. Система международных институтов недостаточно сильна для того, чтобы взять под контроль свободное перемещение краткосрочных капиталовложений, принять отсутствующие ныне международные положения по банкротству и конкуренции и даже просто координировать отношения между богатыми государствами. Существующее мировое «управление» обнаруживает свою эфемер-

ность и слабость, тогда как монетарная и налоговая политика многих государств попадают в зависимость от экономической глобализации, оказываются перед жестким выбором между экономической конкурентоспособностью и сохранением социального обеспечения граждан. В то же время Соединенные Штаты проявляют растущее недовольство деятельностью международных институтов, ограничивающих американскую свободу действий. Продвижение к мировому государству выглядит все менее вероятным. Чем быстрее национальный суверенитет разрушается под напором глобализации, тем сильнее государства цепляются за то, что от него остается. Разрушение суверенитета усугубляется проведением акций гуманитарного вмешательства или борьбой с терроризмом.

Во-вторых, глобализация не внесла серьезных изменений в национальную природу гражданства. Экономическая жизнь идет на глобальном уровне, но люди продолжают идентифицировать себя с

определенной нацией, что серьезно препятствует распространению культурного единообразия. На протяжении веков все более интенсивный процесс централизации государств сопровождался расширением их функций и попытками сформировать у граждан сознание принадлежности к единому целому. Ни одна централизованная структура власти в мире сегодня на это не способна, даже Европейский союз. Единая валюта и успехи в экономической координации до сих пор не привели к объединению экономики и созданию сильных, юридически независимых центров, появлению института «постнационального» гражданства. Переход от однонациональной самоидентификации к ощущению себя гражданином какой-то одной страны и Европы одновременно только начался. Мир, лишь отчасти объединенный на базе технологии, все еще не знаком с коллективным сознанием и коллективной солидарностью. То, к чему не стремятся отдельные государства, мировой рынок не в силах сделать самостоятельно, особенно если это касается обретения чувства мирового гражданства.

В-третьих, между глобализацией и насилием существует определенная взаимосвязь. Войны традиционного типа, даже если они ограничены в своих целях, все еще происходят. Высок риск региональных конфликтов на Ближнем Востоке и в Восточной Азии, а это может серьезно повлиять на взаимоотношения между ведущими державами. Учитывая наличие данной угрозы, а также постоянно растущую дороговизну современных вооружений, «анархичное сообщество» государств испытывает дефицит средств, чтобы исправить самые вопиющие недостатки глобализации. Именно объем этих расходов в сочетании с обычным недоверием, царящим в международных отношениях, действующие лица которых предпочитают обеспечивать безопасность самостоятельно или путем создания традиционных союзов, препятствует более успешной институционализации мировой политики, например расширению прерогатив ООН. Это было бы возможным, будь у глобального сообщества средства, необходимые для предотвращения конфликтов или восстановления мира, но оно таковыми не обладает.

Таким образом, создается впечатление, что вместо того чтобы способствовать укреплению мира, глобализация поощряет конфликты и недовольство. Устранение всевозможных барьеров, воспеваемое Фридменом, и прежде всего распространение глобальных средств массовой коммуникации, позволяет даже самым обездолен-

ным и угнетенным сравнивать условия своей жизни с условиями жизни в наиболее свободных и процветающих странах. Это заставляет обездоленных взывать о помощи к другим, таким же обездоленным, принадлежащим к той же нации или вере. На сегодняшний день глобализация некоторых обогащает, она же приводит многих к потере корней. И пока такое положение сохранится, те, кто и беден и лишен корней, могут начать требовать возмездия и защиты собственного достоинства посредством терроризма.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТЕРРОР

Терроризм – отравленный плод цивилизации, порождение целого ряда обстоятельств. Терроризм может стать орудием слабейшей стороны как в классических конфликтах между государствами, так и на внутривнутриполитическом уровне, как это происходит в Кашмире или на территориях Палестинской автономии. Но его также можно рассмотреть и как продукт глобализации. Международный терроризм оказался возможным благодаря широкому набору средств коммуникации. В качестве базы для исламского терроризма, например, служит не только движение в поддержку палестинской борьбы и против силового американского присутствия. Его подпитывает также сопротивление «несправедливой» экономической глобализации и западной культуре, в которой видят угрозу для местных религий и культур.

При том что глобализация часто расчищает путь террористам для совершения насилия, борьба с этой не знающей границ опасностью может сопровождаться губительными последствиями для экономического развития и самой глобализации. Антитеррористические меры сковывают мобильность и финансовые потоки, тогда как новые террористические атаки могут вызвать антиглобалистскую реакцию, сравнимую с разгулом шовинизма 1930-х годов. Глобальный терроризм – это не просто распространение войны между государствами на негосударственные субъекты. Он ниспровергает традиционные способы ведения войны, так как не заботится ни о суверенитете своих врагов, ни о суверенитете своих союзников, предоставляющих убежище террористам. Глобальный терроризм провоцирует принятие таких мер, в результате которых во имя самообороны открыто нарушается суверенитет государств, обвиняемых в поддержке терроризма. В конце концов, вовсе не нарушение прав человека в Афганистане режимом талибов привело туда США, а та поддержка, которую движение «Талибан» оказало Усаме бен Ладену.

Но когда нарушаются священные принципы суверенитета, не приходится говорить о продвижении к глобальному обществу, которому еще только предстоит выработать общее определение терроризма, а также доктрину совместных действий против него. Вне всякого сомнения, наибольшие выгоды от «войны» с терроризмом получили нелиберальные, более бедные государства, утратившие недавно столь значительную долю суверенитета. Антитеррористический натиск позволяет им усилить контроль над собственным народом, экономикой и финансами. Они способны изобрести новые поводы, для того чтобы нарушать права частных лиц во имя всеобщей безопасности и, это же позволяет, остановить медленное, неуверенное продвижение по пути к международному уголовному правосудию.

Помимо этих государств наиболее существенные выгоды получают Соединенные Штаты, единственная страна, способная вести войну с терроризмом во всем мире. Однако, несмотря на всю свою мощь, Америка не способна полностью защитить себя от возможных случаев террористической агрессии и, с другой стороны, не готова преодолеть свое неоднозначное отношение к межгосударственному сотрудничеству из боязни, что оно ограничит ее свободу действий. Таким образом, терроризм — это глобальное явление. В своем стремлении уничтожить смертельного врага — государство — терроризм в конечном итоге только усиливает его. Государства, являющиеся мишенью террористов, не заинтересованы в том, чтобы вести с ними борьбу по военным законам; наоборот, они всячески заинтересованы в том, чтобы тех воспринимали как людей вне закона, как парий. Защитники глобализации иногда вскользь упоминали о родственных «законам джунглей» аспектах экономической глобализации, но лишь немногим наблюдателям удалось провести аналогию с насилием, характерным для глобальных террористических и антитеррористических акций.

Наконец, уникальное положение Соединенных Штатов вызывает серьезную озабоченность относительно будущего международных отношений. На межправительственном уровне поведение Америки будет определяться тем, насколько страны, не являющиеся сверхдержавами, и просто слабые государства по-прежнему будут рассматривать США в качестве дружественного государства (или, по крайней мере, в качестве гегемона, которого можно терпеть) — или заносчивость Вашингтона провоцирует их на создание коалиции в

борьбе с американским главенством. Америка может быть гегемоном, но сочетание риторических перегибов с плохо продуманными замыслами чревато риском. Вашингтону еще предстоит понять, что для «гипердержавы» нет ничего опаснее искушения политикой односторонних действий. Может показаться, что сдерживающие рамки международных договоров и организаций необязательны, так как для поддержания порядка в мире вполне достаточно американских ценностей и могущества. Однако в действительности международные договоры и организации предоставляют значительно больше возможностей для лидерства, нежели высокомерное пренебрежение мнением остальных. В их арсенале имеются полезные средства, для того чтобы сдерживать односторонние действия других государств. Лидер, стремящийся продлить свою власть, должен быть особенно заинтересован в том, чтобы использовать международные методы и организации, ибо выигрыш, который он получает от роста его влияния, значительно превосходит потери в свободе действий.

В глобальном обществе многое будет зависеть от того, сумеют ли Соединенные Штаты преодолеть свое безразличие к цене, которую менее состоятельные страны могут заплатить за глобализацию. Сейчас Вашингтон слишком несговорчив и не желает предоставить ресурсы для экономического развития, а кроме того, он враждебно настроен по отношению к деятельности посредников, контролирующих и регулирующих глобальный рынок. Слишком часто тенденции к поправлению американской политической системы провоцируют американскую дипломатию чрезмерно полагаться на свой главный аргумент — военную силу, а также слишком доверяться рыночному капитализму и «суверенитизму», который оскорбляет и отпугивает других. Опасения могущественных Соединенных Штатов по поводу того, что мир навязет американцам «низшие» ценности, часто являются предметом насмешек и возмущения за рубежом.

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Несмотря на все эти трудности, остается надежда, что война Америки с терроризмом будет вестись в рамках благоразумия, что прочие государства займутся в первую очередь целым рядом внутривнутриполитических проблем, вызванных межгосударственным соперничеством и несовершенством глобализации. Но мир рискует оказаться в тисках Сциллы и Харибды. Харибда воплощает в себе возможное решение о глобальном вмешательстве, принятое в одностороннем

порядке американской администрацией, убежденной в том, что в этом состоит всемирная миссия США по устранению колоссальной угрозы. Если представить эту миссию в терминах извечного противоборства добра и зла, она становится оптимальным поводом для сплочения населения и преодоления разногласий в обществе. В образе Сциллы выступает смирение перед всемирным хаосом, в котором постоянно присутствуют все новые угрозы со стороны будущих бен Ладенов, новые гуманитарные катастрофы и эскалация региональных конфликтов. Только руководствуясь благоразумием, можно избежать крайностей.

Если настоящее еще как-то поддается анализу, то будущее, как правило, предсказать невозможно. Мы живем в мире, в котором общество неодинаковых по своему развитию, часто виртуальных государств частично пересекается с глобальным сообществом, обремененным малоэффективными институтами и недоразвитым гражданским обществом. Над всеми главенствует одно государство, экономика которого может оказаться неуправляемой или обрушиться под ударами террористических атак. Поэтому уверенно предсказывать будущее было бы крайне неосмотрительно или даже наивно. Пусть мир не впервые переживает кризисы, но высокую цену приходилось платить даже в те времена, когда и в помине не было оружия массового уничтожения.

Именно в силу того что будущее не поддается расшифровке и столь неопределенно, перед исследователями международных отношений стоят две задачи. Попытаться понять, что происходит, занявшись инвентаризацией наличных фактов и распутыванием узлов сложившейся ситуации. При этом страх возникновения путаницы между эмпиризмом и нормативизмом не должен помешать им выступать с философских позиций, в то время когда многие философы распространяют свои концепции справедливого общества на международные отношения. Как можно сделать глобальный мир более пригодным для жизни? Ответ на этот вопрос предполагает существование политической философии, одинаково приемлемой и для людей, придерживающихся иных ценностных ориентиров. Подобно покойному философу Джудит Шклар, за точку отсчета мы можем принять судьбу жертв насилия и угнетения. В качестве цели нам следует добиваться материальной и моральной эмансипации. Сколь бы ни были жестоки законы этой реальности, всегда есть возможность их смягчить.

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ШЕФ-РЕДАКТОР

академик Н. П. ШМЕЛЕВ

**ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ,
КАК И ЧЕМ ЖИВУТ СЕГОДНЯ
СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА**

Широкий круг российских и зарубежных авторов:
государственных и политических деятелей, видных ученых,
дипломатов, военных экспертов, журналистов

становление новой, интегрированной Европы
•
проблемы экономики, политики, безопасности, науки,
культуры и искусства, религиозной жизни
•
европейский опыт развития гражданского правового общества,
создания социальных и духовных условий жизни,
достойных человека
•
Россия и Европейский Союз
•
научная жизнь – разнообразие мнений, дискуссии
•
документы
•
рецензии

ПОДПИСКА

по каталогу «Роспечать», индекс 79701,
по объединенному каталогу «Пресса России», индекс 14492,
по каталогу для библиотек, индекс Б902 и непосредственно в редакции.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОДПИСКА

каталог ЗАО «МК-Периодика»

телефон редакции (095) 201 6703 • факс (095) 200 4298 • E-mail: sov_europe@mail.ru

Восток и Запад

“Если народы Ближнего Востока продолжают движение по своему пути, то «террорист-самоубийца» станет аллегорией для всего региона и не останется шанса выйти из штопора ненависти и презрения, ярости и жалости к себе, бедности и угнетения”

Ислам: что пошло не так? *Бернард Льюис*

94

Эгоизм силы *Мухаммед Аба аль-Хейль*

101

«Живая бомба» Палестины *Гал Люфт*

106

Багдадская головоломка *Георгий Мирский*

114

Центральноазиатский перекресток *Евгений Васильев*

126

Ислам: что пошло не так?

Бернард Льюис

В течение XX века Ближнему Востоку и всем исламским странам стало совершенно ясно: что-то происходит не так. По сравнению со своим вечным соперником, христианским миром, мир ислама стал беднее, слабее и невежественнее. В течение XIX и XX веков преобладание Запада стало очевидным для всех. Запад вторгся во все аспекты жизни мусульманина — общественные и, что еще болезненнее, частные.

Мусульманские модернизаторы — реформаторы или революционеры — сконцентрировали усилия в трех главных областях: военной, экономической и политической. Полученные результаты были, мягко говоря, удручающими. Стремление к победе с помощью обновленных вооруженных сил привело к серии унижительных поражений. Стремление к экономическому процветанию принесло некоторым странам нищету и коррупцию в экономике, постоянную потребность в помощи извне, другим — нездоровую зависимость от

единственного ресурса — нефти. И даже нефть искали, добывали и применяли при посредстве западной изобретательности и предприимчивости. Но хуже всего был политический результат: долгая борьба за свободу оставила цепочку обшарпанных тираний — от традиционной автократии до новомодной диктатуры, современных только

XX век, особенно его вторая половина, принес мусульманам большие унижения — осознание того, что они уже даже не в первых рядах тех, кто следует за Западом.

с точки зрения их аппарата репрессий и индоктринации.

Многие средства были испробованы, но желаемый результат так и не был достигнут. Они не смогли ликвидировать или даже удержать на одном уровне дисбаланс между исламским и западным миром.

Бернард Льюис — один из ведущих мировых исследователей ислама и арабского мира, много лет преподавал в Принстонском университете. Данная статья является главой из книги «Что пошло не так?», которая готовится к публикации в издательстве «Олимп-Бизнес» (www.olbuss.ru) и выйдет в свет в 2003 году. Текст печатается в журнальной редакции.

Худшее было еще впереди. Мусульмане уже вполне довольствовались тем, что чувствовали себя слабыми и бедными после веков богатства и силы, утратили лидерство, которое они считали своим по праву, и плелись за Западом. XX век, особенно его вторая половина, принес еще большие унижения — осознание того, что они уже даже не в первых рядах тех, кто следует за Западом. Оказывается, они отстали и от более удачливых вестернизаторов, особенно в Восточной Азии. Подъем Японии был одновременно и стимулом, и упреком. Последующие успехи новых экономик в Азии были уже только упреком. Гордые наследники древних цивилизаций смирились с необходимостью найма западных фирм для выполнения задач, с которыми собственные специалисты и техники явно не способны справиться. Догонять — это само по себе плохо, а плестись позади всех — гораздо хуже. По всем стандартам современного мира — экономическому развитию и созданию рабочих мест, грамотности и образовательным и научным достижениям, политическим свободам и уважению к правам человека — все то, что когда-то было мощной цивилизацией, пришло в упадок.

«Кто виноват?» — это общечеловеческая реакция на ухудшение ситуации. На Ближнем Востоке давно задаются этим вопросом. Там найдено несколько разных ответов. Обвинять других в своих бедах всегда приятнее и проще. В течение длительного времени главным объектом для обвинений были монголы: монгольские вторжения XIII века считались причиной упадка власти мусульман и исламской цивилизации, продолжающегося ослабления и стагнации. Но через некоторое время историки, мусульманские и не только, указали на недостатки такого подхода. Во-первых, некоторые из величайших культурных достижений мусульманских народов, особенно в Иране, имели место после, а не до монгольских завоеваний. Во-вторых, монголы победили империю, которая уже была критически ослаблена.

Подъем национализма — также позаимствованный из Европы — породил новые представления. Арабы могли обвинять в своих бедствиях турок, которые правили ими в течение многих веков. Турки могли обвинять в застое своей цивилизации тяжелый груз арабского прошлого. Персы могли винить арабов, турок и монголов в утрате своей древней славы.

В период британского и французского господства в арабском мире в XIX–XX веках появился еще один козел отпущения — западный империализм. На Ближнем Востоке были на то веские при-

чины. Политическое господство и политическое проникновение, а также самое длительное, глубокое и коварное культурное влияние Запада изменили лицо региона и трансформировали жизнь его народов, развернув ее в новом направлении, породили новые надежды и опасения, новые беспрецедентные угрозы и ожидания.

Но англо-французская интерлюдия была сравнительно краткой и закончилась примерно полвека назад; изменения к худшему начались задолго до ее начала и продолжались после ее окончания. Неизбежно роль злодея и другие атрибуты лидерства Запада перешли к Соединенным Штатам. Попытка переложить вину на Америку получила значительную поддержку, но по тем же причинам, что и в случае с Британией и Францией, остается неубедительной. Англо-

Англо-французское правление и американское влияние, как и монгольские завоевания, были последствием, а не причиной внутренней слабости ближневосточных государств и обществ.

французское правление и американское влияние, как и монгольские завоевания, были последствием, а не причиной внутренней слабости ближневосточных государств и обществ. Некоторые наблюдатели как в регионе, так и за его пределами указывали на различия в постимперском развитии бывших британских владений — например, между Аденом на Ближнем

Востоке и такими городами, как Сингапур и Гонконг.

Другой европейский «вклад» в эти дебаты — антисемитизм и обвинения евреев во всех грехах. Евреи в традиционном исламском обществе подвергались обычным притеснениям и иногда — опасностям, связанным с их статусом меньшинства. В целом же, до того как возникла и распространилась западная толерантность в XVII и XVIII веках, им жилось лучше под правлением мусульман, чем христиан.

За редкими исключениями, связанными с враждебными стереотипами евреев в исламской традиции, исламские общества были скорее склонны к высокомерию и пренебрежительности, чем к подозрительности и гонениям. Поэтому события 1948 года стали шоком: вооруженные силы пяти арабских государств не смогли предотвратить образование в Палестине Израиля — еврейского государства с полумиллионным населением. Как в то время отмечали некоторые обозреватели, потерпеть поражение от большой европейской державы было бы ужасно, но поражение, нанесенное группой презренных евреев, — непереносимое унижение. Антисемитизм и

демонизированное изображение еврея как плетущего заговоры, злобного монстра стали успокоительным средством.

Первые явно антисемитские заявления прозвучали на Ближнем Востоке среди христианских меньшинств. Их влияние на мусульман было невелико. Но яд продолжал проникать дальше, и с 1933 года нацистская Германия и ее сторонники приложили согласованные усилия к успешному продвижению и распространению в арабском мире антисемитизма в европейском стиле. Борьба за Палестину привела к тому, что все зло на Ближнем Востоке и вообще в мире стали приписывать секретным заговорам евреев. Такие толкования преобладали в общественных высказываниях в регионе и стали обычными для образовательных учреждений, прессы и даже развлекательных мероприятий.

Другое видение еврейского компонента, основывавшееся скорее на реальной действительности, чем на фантазиях, возможно, гораздо влиятельнее. Современное израильское государство и общество были построены евреями, пришедшими из христианского и исламского мира, то есть, с одной стороны, из Европы и Америки, с другой — с Ближнего Востока и из Северной Африки. Евреи, создавшие Израиль, неизбежно принесли с собой многие политические и общественные стандарты и ценности, привычки и мнения из стран, где они жили: с одной стороны, то, что мы обычно называем христианско-иудейской традицией, с другой — то, что мы уверенно можем назвать иудейско-исламской традицией.

В современном Израиле эти две традиции встретились и все чаще сталкиваются. Эти столкновения выражаются по-разному — на общественном, религиозном, этническом и даже партийно-политическом уровне. Но во многих случаях мы видим столкновение между христианством и исламом, странным образом представленными бывшими еврейскими меньшинствами. Для Израиля этот конфликт, сосуществование или комбинация двух традиций внутри одного небольшого государства с единой религией может иметь экзистенциальное значение, поскольку выживание государства, окруженного многочисленными и хорошо вооруженными соседями, которые отвергают его право на существование, может зависеть от его качеств в основном европейского свойства.

Иногда приводится аргумент о том, что причиной изменившегося баланса между Востоком и Западом является не упадок Ближнего Востока, а резкий подъем Запада. Но эти сравнения не дают ответов

на вопросы, они просто переформулируют их: почему масса великих научных открытий была сделана в Европе, а не в более богатом, развитом и во многих отношениях более просвещенном мире ислама?

Более изощренная игра в поиски виноватого нацелена на объекты внутри самого мусульманского общества. Одной из таких целей является религия, и в частности ислам. Но обвинять ислам, как таковой, опасно. Это и не очень убедительно. Большую часть Средневековья ни старые культуры Востока, ни новые культуры Запада не были центрами цивилизации и прогресса, а ислам был посередине. Именно там получили новый импульс и развитие старые науки и

С точки зрения нынешних исламистов или фундаменталистов, неудачи и недостатки современных исламских стран вызваны тем, что последние переняли чуждые понятия и обычаи.

были созданы новые, возникли новые отрасли, а фабрики и торговля перешли на новый, беспрецедентный уровень. Именно там правительства и общества добились определенной степени свободы мысли и выражения, которая привела туда преследуемых евреев и диссидентов-христиан. Средневековый исламский мир предоставлял лишь небольшую степень свободы по

сравнению с современными идеалами и даже с современной практикой в более развитых демократиях, но тем не менее большую, чем предлагали его предшественники, современники и даже многие преемники.

Часто говорят о том, что если ислам является препятствием для свободы, науки и экономического развития, то как же могло мусульманское общество быть в прошлом пионером во всех трех областях, и это когда мусульмане были гораздо ближе по времени, чем сейчас, к источникам и вдохновителям своей веры? Некоторые поставили вопрос по-другому: не «Что ислам сделал с мусульманами?», а «Что мусульмане сделали с исламом?», и они ответили на него, возложив вину на отдельных наставников, доктрины и группы.

С точки зрения нынешних исламистов или фундаменталистов, неудачи и недостатки современных исламских стран вызваны тем, что последние переняли чуждые понятия и обычаи. Они отделились от истинного ислама и таким образом утратили свое былое величие. Те же, кого называют модернистами или реформаторами, придерживаются противоположных взглядов и видят причину этой утраты не в отступлении от прежних обычаев, а в их сохранении и, особенно, в негибко-

сти и огромном влиянии исламского духовенства, ответственного за живучесть убеждений и обычаев, которые могли быть созидательными и прогрессивными тысячу лет назад, но не являются такими сегодня. Обычная тактика модернистов — не в осуждении религии, а тем более ислама, а в осуждении фанатизма. Фанатизму, и в частности лидерам религиозных фанатиков, приписывают удушение когда-то великой исламской науки и в целом свободы мысли и высказывания.

Более распространенный подход к этой теме — обсуждать не религию в целом, а конкретную проблему: место религии и ее профессиональных представителей в политическом устройстве. Многие считают, что главный виновник — мусульманский сексизм и подчиненное положение женщины в обществе, что лишает исламский мир талантов и энергии половины своего народа, при этом оставляя вторую половину на воспитании у неграмотных и забытых матерей. Продукты такого образования, как полагают, вырастут, скорее всего, или самоуверенными, или слишком покладистыми, не готовыми к жизни в свободном, открытом обществе.

Причины этой болезненной асимметрии некоторые искали в разнообразных факторах: истощении запасов драгоценных металлов, совпавшем с открытием и разработкой европейцами других источников в Новом Свете; браках между близкими родственниками; нашествиях коз, которые обгладывали кору деревьев и уничтожали траву на пастбищах, превращая плодородные земли в пустыни.

Некоторые решения, когда-то горячо поддержанные, были забыты. Два ведущих движения XX века — социализм и национализм. Оба были дискредитированы: первый — своими неудачами, второй — успехами и, в результате, неэффективностью. Свобода, понимаемая как национальная независимость, считалась великим талисманом, который принесет все остальные блага. Подавляющее большинство мусульман теперь живут в независимых странах, но это не принесло решения их проблем. Национальный социализм — незаконнорожденное дитя обеих идеологий — все еще жив в некоторых странах, которые сохраняют нацистский стиль диктаторского правления и индоктринации, опирающийся на обширный и вездесущий аппарат безопасности или однопартийную систему. Эти режимы также провалили все экзамены, кроме теста на выживание, и не принесли обещанных благ. Более того, их инфраструктуры устарели еще больше, чем в других странах исламского мира, а их вооруженные силы предназначены прежде всего для террора и репрессий.

В настоящее время два ответа на вопрос «Что пошло не так?» завоевывают широкую поддержку в регионе, каждый предлагает свой диагноз и прописывает свое средство для изменения ситуации. Первый, объявляющий причиной всех зол отказ от божественного наследия ислама, защищает возврат к реальному или воображаемому прошлому. Это путь иранской революции и так называемых фундаменталистских движений и режимов в других мусульманских странах. Другой путь — светская демократия, лучше всего воплощенная в Турецкой Республике, провозглашенной Кемалем Ататюрком в 1923 году.

Тем временем игра в поиски виноватого продолжается, и конца ей не видно. Для репрессивных и неэффективных правительств, которые управляют сейчас большей частью Ближнего Востока, эта игра служит полезным, даже существенным средством объяснения причин

бедности, которую они не смогли ликвидировать, и оправдания тирании. Этим они пытаются направить растущий гнев своих несчастных граждан на другие, внешние цели.

Но для все большего числа жителей Ближнего Востока этот подход уступает место самокритике. Вопрос «Кто виноват?» породил только невротические фантазии и теории заговора. Другой вопрос — «Что мы сделали не так?» ведет, естественно, к следующему вопросу — «Как нам исправить положение?».

В этом вопросе и в различных ответах на него кроются лучшие надежды на будущее.

Если народы Ближнего Востока продолжают движение по своему пути, то «террорист-самоубийца» станет аллегорией для всего региона и не останется шанса выйти из штопора ненависти и презрения, ярости и жалости к себе, бедности и угнетения. Ведь рано или поздно это может завершиться подчинением еще одной внешней силе, может быть Европе, обратившейся к старым методам, или возродившейся России, или другой, новой расширяющейся сверхдержаве на востоке. Если ближневосточные народы в состоянии отказаться от вражды и жертв, уладить разногласия, объединить свои таланты, энергию и ресурсы в общем процессе созидания, тогда они еще раз смогут сделать Ближний Восток одним из главных центров цивилизации. Пока еще они могут сделать выбор самостоятельно.

Если народы Ближнего Востока продолжают движение по своему пути, то «террорист-самоубийца» станет аллегорией для всего региона и не останется шанса выйти из штопора ненависти и презрения, ярости и жалости к себе, бедности и угнетения.

ЭГОИЗМ СИЛЫ

В ожидании новой холодной войны

Мухаммед Аба аль-Хейль

Около ста лет назад английский писатель, хорошо знакомый с восточной культурой, как-то заметил: «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и они не сойдутся никогда».

С тех пор людям стало проще получить образование, перемещаться из одной части света в другую, обмениваться информацией, идеями и достижениями. Но пути Востока и Запада так и не пересеклись. Более того, нет сомнения, что пропасть между двумя цивилизациями стала и глубже, и шире.

Отношения между Востоком и Западом — это отношения между конкурентами. Уже к тому времени, как Александр Великий решил завоевать Восток, стороны не доверяли друг другу. Потом военными дорогами Александра Македонского двинулись римские императоры. А после заката Римской империи экспансию на Восток продолжили новые государства, появившиеся в Европе.

Научившись использовать порох и добившись больших успехов в области кораблестроения, европейцы получили решающее преимущество перед своими восточными соперниками. Они поняли, что теперь, вместо того чтобы осуществлять периодические вооруженные интервенции на Восток, они могут просто-напросто навсегда завладеть непокорными государствами. Аннексия, полагали европейцы, позволит им добиться больших экономических выгод и превосходства на море. Так, большинство стран Востока превратились в колонии. В результате открытия Америки европейцы приобрели новые, богатые ресурсами земли, начался исход европейских имми-

Мухаммед Аба аль-Хейль — бывший министр финансов и национальной экономики Саудовской Аравии. Данная статья впервые опубликована в газете *The Riyadh Daily*.

грантов в Новый Свет. Но даже и это не умерило пыл западных стран, стремившихся закрепиться на Востоке и доминировать там.

В эпоху Возрождения в Европе появился ряд мыслителей и реформаторов, выступивших за социальные права и свободу. Но ни один из них не потребовал справедливости для восточных колоний. Даже после развала Османской империи ее колонии не получили независимость, а были разделены между европейскими государствами. Этот краткий экскурс в историю доказывает: Запад использовал силу в отношении с Востоком с тех самых пор, когда эти отношения только зарождались. Практически ничего не изменилось и сегодня: две цивилизации связаны враждой и неприятием друг друга.

Конечно, обращение к силе как способу достижения цели свойственно человеческому сообществу и человеческой природе. Но нет оправдания тому, что Запад, имея дело с Востоком, всегда воспринимал применение силы как правило и средство. Поэтому восточным народам Запад представляется постоянным агрессором.

В начале XX века внезапно изменились отношения между самими европейскими странами. Потом произошла революция в России. Советский Союз вскоре превратился в мощную сверхдержаву, кон-

Нет оправдания тому, что Запад, имея дело с Востоком, всегда воспринимал применение силы как правило и средство.

курировавшую с государствами, подконтрольными Соединенным Штатам. Молодое коммунистическое государство не только не предоставило независимость своим восточным колониям, но и, напротив, укрепило свое господство там. Советский Союз изобрел но-

вую форму двусторонних отношений между колониями и метрополией. Кроме того, при поддержке и давлении Москвы во многих государствах Востока произошли революции, и восставшие колонии смогли освободиться от зависимости Запада. Некоторые страны обрели свободу в результате Второй мировой войны. Стратегия западных государств на Востоке постепенно менялась. Началось развитие экономического сотрудничества с восточными странами, были учреждены международные финансовые институты для оказания помощи развивающимся государствам. Однако эти первые шаги Востока и Запада навстречу друг другу не привели к долгожданной встрече двух цивилизаций. К этому времени экономические и научно-технические достижения Запада уже полностью обеспечивали его превосходство практически во всех сферах. Пропась между Востоком и За-

падом углубилась. Восточные нации по-прежнему смотрели на Запад со страхом и недоверием. Что касается отношения советского Востока к республикам, расположенным на европейской части СССР, то оно было даже более негативным, потому что последние, прежде всего Россия, сделали основными инструментами своей колониальной политики нажим и насилие. Кроме того, уровень жизни и производительность труда оставались на всем советском пространстве, особенно в восточных республиках, крайне низкими.

После развала Советского Союза бразды мирового правления перешли к Западу во главе с Соединенными Штатами. Стало очевидным, что западные государства избрали политику силы. Несмотря на экономическую и военную слабость Востока, Запад продолжал наращивать мощь НАТО, расширяя альянс за счет республик бывшего СССР. Сегодня НАТО использует силу уже без санкции ООН – в любом регионе, где сочтет это необходимым. Кроме того, недавно НАТО и Россия подписали договор о военном сотрудничестве, который подразумевает совместное ведение военных операций против третьих сторон. Но есть только одна «третья сторона», против которой могут вестись боевые действия, и это – Восток!

Таким образом, возвращается эпоха, предшествовавшая Первой мировой войне. Запад вновь силен и самоуверен и опять готов нанести удар. А Восток, как и в начале прошлого века, слаб и плохо вооружен и все так же манит неосвоенным рынком и природными богатствами.

Не исключено, что новая фаза противостояния между Востоком и Западом примет форму старой холодной войны. Время от времени то тут, то там будут возникать очаги напряженности, вспыхивать региональные конфликты и войны, а несправедливые экономические соглашения подорвут социальную стабильность.

Доминирование Америки и Европы рождает в некоторых представителях западного мира чувство национального превосходства. Казалось бы, идеи расовой исключительности уже навсегда отброшены человечеством, однако в наши дни они вновь становятся популярными. В некоторых западных странах правые партии, проповедующие шовинизм, пользуются заметным влиянием.

Неудивительно, что национальные меньшинства, проживающие в западных странах, охвачены страхом. Даже в тех восточных государствах, что считаются успешно развивающимися и стабильными, растет недовольство политикой Запада.

В последнее время в Европе и Америке началось снижение темпов экономического роста, в силу чего западные страны начинают постепенно уменьшать объемы помощи бедным странам. Эгоизм Запада, в свою очередь, приводит к усилению напряженности в вос-

Не исключено, что новая фаза противостояния между Востоком и Западом примет форму старой холодной войны.

точных регионах. Протест возмущенных наций может, как минимум, вылиться в неприятие глобализации, например новых правил международной торговли, а как максимум – привести к насилию. Если одна группа людей в регионе берется за оружие, чтобы ре-

шить политические и экономические проблемы, то другая группа обязательно ответит на силу силой.

Сложившаяся ситуация препятствует экономическому росту и ухудшает инвестиционный климат. Сомнительно, что простой контроль над инвестициями и регулирование торговли смогут обеспечить приток капиталовложений в страны Востока. Помочь мог бы такой международный порядок, который был бы основан на справедливости и взаимопомощи.

Судя по последним событиям, политические и духовные лидеры на Западе все еще не осознают, что новая глобальная ситуация весьма напоминает старую. Эти лидеры, похоже, поглощены внутриполитическими проблемами своих стран и проведением своих избирательных кампаний.

Правительства большинства западных государств работают в условиях жесточайшей конкуренции между партиями. Поэтому, разрабатывая внешнеполитическую стратегию или заключая международные соглашения, они действуют в интересах тех или иных групп. Такой подход, хотя он и полезен при решении внутренних проблем, абсолютно неприемлем во внешней политике. Он не имеет ничего общего с долгосрочными интересами государства.

Вся система международных отношений нуждается в перестройке. Нельзя допустить, чтобы и впредь судьбы мира вершили военные союзы. Отношения между государствами должны регулироваться на основе международного права специальными институтами, национальными и международными, которые не зависели бы от узких внутренних интересов отдельных государств, а действовали исходя прежде всего из необходимости добиться честного и эффективного экономического взаимодействия.

Если Вы знаете, что:

- ▶ Евросоюз является нашим главным экономическим партнером, и через несколько лет будет включать в свой состав большинство европейских стран;
 - ▶ Большой договор о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС предусматривает сближение российского законодательства и европейского права;
 - ▶ При вступлении в ЕС новые государства-члены должны привести свое внутреннее право в полное соответствие с правом ЕС, и, мечтая о карьере юриста, хотите работать на европейском направлении –
- ПОСТУПАЙТЕ в**

ИНСТИТУТ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА МГИМО (Университет)

- единственное в Российской Федерации учебное заведение, готовящее юристов высшей квалификации, специализирующихся в области европейского права. ИЕП создан на основании Распоряжения президента Российской Федерации № 188 от 13 апреля 1996 г. «в качестве головного учебного и научного центра по подготовке и повышению квалификации специалистов соответствующего профиля». Учебная деятельность ИЕП ведется на основании Приказа ГК РФ по высшему образованию от 26.01.96 № 167 «О лицензировании МГИМО (Университета) по направлению 521400 «Юриспруденция» (магистерская подготовка) и повторной лицензии 1999г. №241-0544. Институт европейского права:

- Осуществляет образовательный процесс по программе вузовского и послевузовского профессионального образования по направлению **магистерской подготовки** 521400 «Юриспруденция», программа

«Международное и европейское право». Правом поступления в магистратуру ИЕП пользуются лица, имеющие диплом бакалавра или специалиста. Срок обучения в магистратуре – 2 года.

- Проводит подготовку юристов высшей квалификации, специализирующихся в области международного и европейского права по программе **второго высшего образования**. Принимаются лица, имеющие высшее образование. Срок обучения – 3 года.

- Совместно с международно-правовым факультетом МГИМО участвует в подготовке бакалавров. Срок обучения – 4 года. Курирует проведение занятий на отделении международного и европейского права международно-правового факультета и обеспечивает проведение занятий на отделении специалистов в области европейского права (срок обучения – 4 года плюс 1).

Студенты ИЕП обладают в полном объеме **статусом студентов МГИМО**, получают высокопрофессиональную специальную и языковую подготовку, сертифицируемую дипломом государственного образца: **бакалавра международно-правового факультета или магистра юриспруденции со знанием иностранного языка**.

ИЕП проводит научные, учебно-прикладные и методические исследования и симпозиумы. В 2000-2002 г.г. по инициативе ИЕП состоялись международные научно-практические конференции на тему: «Россия и европейское право», «Российский бизнес и евро», «Правовые аспекты западноевропейской интеграции». Коллективом ИЕП подготовлен под руководством профессора Энтина Л.М. учебник для вузов «Европейское право». М., «Норма», 2000. В рамках ИЕП ил при участии ИЕП выпущены сборники «Суд Европейских Сообществ. Избранные решения». М., «Норма», 2001; двухтомник «Европейский Суд по правам человека. Избранные решения». Т.1-2. М., «Норма», 2000; Комментарий к Европейской Конвенции по защите прав человека. М., «Норма», 2002. Учебная и научная деятельность ИЕП осуществляется в сотрудничестве с МГЮА, УДН, Институтом Европы РАН РФ, Университетом Париж-1 (Сорбонна), Франкфуртским университетом, Институтом Ассер в Гааге и др. Представители западноевропейских университетов систематически участвуют в чтении лекций для слушателей ИЕП.

Адрес: 117454, г. Москва, пр. Вернадского, 76, МГИМО

Отделение магистратуры: т.: +7(095) 434-12-01; ф.: +7(095) 434-90-72; E-mail: magistr@mgimo.ru

Отделение второго высшего образования: т.: +7(095) 433-85-88; E-mail: ide@mgimo.ru

«Живая бомба» Палестины

Оружие, против которого нет защиты

Гал Люфт

Сегодняшнюю ситуацию в Израиле можно охарактеризовать, перефразировав высказывание Черчилля: никогда еще в истории страны меньшинство не наносило столь серьезного ущерба большинству. С конца сентября 2000 года, когда палестинцы начали вторую интифаду, десятки живых бомб взорвались на улицах израильских городов, в корне изменив жизнь израильтян. Еще год назад подобные акции воспринимались как уродливые проявления палестино-израильского конфликта, как порождения религиозного фанатизма, неприемлемые для большей части палестинцев. Однако в последние месяцы мы наблюдаем весьма тревожный факт: все без исключения политические и военные группировки Палестины единодушно признают подобную тактику законной и допустимой.

Да и сами палестинцы все больше склонны рассматривать террористов-смертников как своего рода стратегическое оружие, как живые управляемые бомбы, словно по волшебству позволяющие создать противовес превосходству Израиля и в области обычных вооружений, и в сфере новых военных технологий. Очевидно, палестинцы пришли к выводу, что при систематическом применении подобная тактика политической борьбы предоставляет возможность, какую не даст ни один другой вид оружия, — причинить израильтянам небывалую, мучительную боль. И никакие призывы здесь не помогут: у палестинских лидеров слишком сильна вера в то, что подобным способом им удастся достичь стратегического паритета. Они не изменяют этой тактике невзирая на то, что она ввергает Ближний Восток в пучину кровопролития.

Гал Люфт — подполковник Армии обороны Израиля в отставке, автор монографии *The Palestinian Security Forces: Between Police and Army*. Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs* № 4 (июль/август) за 2002 год.

ПАРТИЗАНЫ ИЛИ СМЕРТНИКИ?

Палестинцы не сразу пришли к признанию тактики террора как законного метода ведения войны. В самом начале второй интифады они предпочитали ту самую стратегию, с помощью которой «Хезболла» вытеснила силы Армии обороны Израиля с юга Ливана, положив конец пятнадцатилетней оккупации. Эта была партизанская война с засадами, вооруженными налетами и нападениями на блокпосты израильских сил. Палестинское руководство надеялось, что если оно устроит «второй Ливан» на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, то израильская общественность станет рассматривать эти территории как помеху безопасности (что произошло и в Южном Ливане) и вынудит правительство вывести войска с оккупированных территорий.

Схема разделения труда по Ясиру Арафату понятна: его организация ФАТХ дает военизированным группировкам добро на проведение партизанских действий против израильских поселений и военных объектов на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Основной ударной силой при этом будет милиция «Танзим» и отдельные подразделения службы безопасности Палестинской автономии. Тем временем экстремистские группировки ХАМАС и «Исламский джихад» получают полную свободу действий для нанесения ударов по гражданским целям на территории Израиля.

Однако по прошествии года партизанская война так и не принесла заметных результатов, особенно учитывая ее продолжительность и объем потраченных боеприпасов. За год палестинцы полторы тысячи раз обстреливали израильские военно-транспортные средства на спорных территориях, но в ходе этих действий они убили лишь 75 человек. Партизаны совершили более шести тысяч налетов на израильские блокпосты, но в результате погибли лишь 20 израильских солдат. Более трехсот противотанковых гранат взорвались на территории Израиля, так и не пополнив списка жертв. Стремясь деморализовать жителей израильских поселений, палестинцы нанесли более пятисот ракетных и минометных ударов как по еврейским поселениям, так в ряде случаев и по другим районам Израиля. Однако палестинская военная техника оказалась не на высоте: в результате обстрелов погиб всего один человек.

Решающую роль сыграл ответ Израиля на действия партизан. Используя свои разведывательные каналы, израильские спецслужбы уничтожили отдельных активистов экстремистских группировок, а с ними и значительную часть палестинской военной инфраструктуры. В конце 2001-го Арафат, недовольный скромными результатами парти-

занской борьбы, сделал ход конем: палестинский лидер попытался незаконно провезти партию оружия из Ирана на борту судна «Карин-А». Судно было перехвачено израильскими военно-морскими силами, и этот ловкий маневр привел к постыдному дипломатическому скандалу. После всего случившегося палестинцам оставалось лишь отказаться от попыток пойти по пути, проторенному деятелями «Хезболла».

Напротив, тактика террора, проводимая организациями ХАМАС и «Исламский джихад», принесла ощутимые плоды. На территории Израиля исламисты совершили в общей сложности 350 терактов, однако при этом жертв было больше, чем после восьми с лишним тысяч вооруженных налетов, осуществленных боевиками из ключевых организаций Палестины на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Наибольший урон нанесли 39 взрывов, организованных террористами-смертниками: 70 погибших и более тысячи раненых. Для сравнения: в 1991 году 39 иракских ракет «Скад» унесли в Израиле жизни 74 человек, причем большинство из них умерли от сердечного приступа. Неудивительно, что подобные «успехи» вскружили голову Арафату и его сторонникам.

Палестинцы вполне отдают себе отчет в том, какие потери понесли они сами в ходе ответных операций израильской стороны, но, тем не менее, в большинстве своем считают террористическую кампанию успешной. Их утешает тот факт, что евреям тоже пришлось несладко. По мнению палестинцев, главным достижением кампании стала не только гибель большого числа людей, но, прежде всего, спад экономики Израиля, крах туристической индустрии, деморализация населения. По результатам социологического опроса, проводившегося в середине мая 2002-го, две трети палестинцев считают, что интифада принесла больше результатов, чем годы переговоров.

УЗАКОНЕННЫЙ ТЕРРОР

До начала второй интифады палестинцы делали различие между нападениями на израильские военные объекты, на поселенцев или на мирных жителей в самом Израиле. В настоящее время грани стираются. С одной стороны, после израильского вторжения весной 2002 года число палестинцев, склонных поддерживать нападения на мирных жителей в Израиле, уменьшилось на шесть пунктов до 52 %. С другой, однако, все больше людей выступают против преследований в отношении организаторов и исполнителей таких атак: их количество возросло на десять пунктов, составив 86 %. При этом нападе-

ния на поселенцев и военных на спорных территориях одобряют соответственно 89 и 92 % опрошенных.

Следует заметить, однако, что сегодня, когда после сентябрьских событий в Америке идея теракта, направленного против мирных жителей, вызывает ужас и отвращение у большинства граждан, переход к стратегии террора потребовал от палестинцев определенных усилий. Они должны были убедить себя и других в том, что их действия законны, что убийство мирных жителей, даже детей, оправдано аналогичными действиями израильтян в отношении палестинского населения.

Палестинцы выработали новый, оригинальный подход к пониманию терроризма, в котором на первый план выдвигается цель, а не средства ее достижения. Так, например, в декабре 2001-го более 94 % палестинцев охарактеризовали ввод израильских войск на палестинские территории как террористический акт, однако 82 % тех же опрошенных отказались признать таковым убийство 21 подростка у входа в тель-авивскую дискотеку. Что же касается гипотетической возможности использования Израилем химического или бактериологического оружия против Палестины, то 94 % опрошенных палестинцев расценили бы это как терроризм. Однако только 26 % таким же образом отнеслись бы к применению этого оружия Палестиной в борьбе с Израилем. Новое восприятие терроризма распространяется и на события, происходящие в других странах. Только 41 % опрошенных признал терактом атаки 11 сентября 2001 года, и всего лишь 46 % – взрыв самолета над Локерби в 1988-м.

Чем больше рядовые палестинцы восхищались подвигами «мучеников», тем затруднительнее становилось положение ФАТХ: народное воодушевление вынуждало организацию признать тактику смертников. И вот в 2001 году лидеры ФАТХ решились на этот шаг из опасений, что «улица», сочтя тактику исламистов более эффективной, откажет им в поддержке. Иными словами, Ясир Арафат, время от времени стремившийся продемонстрировать солидарность с Соединенными Штатами и решительно отмежевывавшийся от любых террористических действий, направленных против мирного населения, в конце концов поддался антиизраильской истерии. Он согласился с доводами военных и тех, кого палестинский политолог Халил Шикаки назвал «молодой гвардией» палестинского национализма.

29 ноября 2001-го ФАТХ впервые официально выразила поддержку «мученичеству». В этот день двое смертников подорвали автобус

неподалеку от израильского города Хадера. Один из них, Мустафа Абу Срай, принадлежал к организации «Исламский джихад»; другой, Абдель Карим Абу Нафа, служил в палестинской полиции в Иерихоне. Но кровавые узы, объединившие ФАТХ с исламистами, вскоре ослабли. Исламисты и группировка ФАТХ «Бригады мучеников Аль-Аксы» вступили в чудовищное состязание, стремясь превзойти друг друга в эффективности применения живых бомб и заслужить звание самой «полезной» организации. «Аль-Аксе» удалось обойти исламистов, не допускающих участия женщин в террористических актах. «Бригады» организовали отряды смертниц имени Вафы Идрис, палестинки-мученицы, в январе 2002 года устроившей взрыв в Иерусалиме, в результате которого погиб один израильтянин. В ответ «Исламский джихад» начинает вербовать самоубийц с 13-летнего возраста.

Сегодня и исламисты, и рядовые палестинцы полагают, что живые бомбы – это оружие, против которого у израильтян нет защиты. Ведь для того чтобы обезопасить себя от иракских «Скадов», Израилю достаточно было приобрести и разместить на своей территории систему защиты от баллистических ракет «Эрроу-2» стоимостью два миллиарда долларов. А как уберечься от живых бомб? Самое большее, что можно сделать, – отгородиться стеной. Но человек много умнее ракеты «Скад», и хотя сегодня охранников в Израиле больше, чем врачей или учителей, палестинцы знают, что смертник всегда найдет способ проникнуть туда, куда нужно.

ШОРЫ ЛЕГКОЙ ПОБЕДЫ

Увы, если верить истории, кампания, проводимая Израилем в целях искоренения практики применения живых бомб, вряд ли принесет ощутимые плоды. Другие страны, столкнувшиеся с противником, который ищет смерти, уже познали на собственном горьком опыте: у этой проблемы нет военного решения, за исключением одного – полного уничтожения противника.

Но Тель-Авив, очевидно, не хочет признавать этот факт. Израильское общество жаждет абсолютной безопасности и придерживается того мнения, что почти все проблемы, связанные с безопасностью, могут быть решены военным путем. Если палестинцы полагаются на Аллаха, то израильтяне, похоже, уверовали в танк. Отношение к военной силе как к панацее отражает, возможно, неосознанный стратегический выбор израильтян в пользу военного, а не политического решения конфликта; оно особенно ярко проявилось во

время кампании «Пусть победит Армия обороны» в поддержку требования предоставить военным большую свободу действий. Высшие чины Армии обороны Израиля не устают заверять общественность в том, что умелое применение военной силы создаст новую ситуацию, которая, в свою очередь, предоставит правительству возможность перейти к переговорам на более выгодных условиях.

Конечно, когда Армии обороны наконец развязали руки, Израиль добился впечатляющих результатов. Операция «Защитная стена», проведенная в апреле 2002-го, позволила уничтожить ряд главарей террористических группировок на Западном берегу реки Иордан, разрушить палестинскую финансовую и административную инфраструктуру, сократить запас вооружений Палестинской автономии. Но это были тактические успехи, и, как уже бывало раньше, Израилю не удалось превратить их в стратегические преимущества. Широкое применение военной силы вызвало недовольство во всем мире, подогрело радикальные настроения в палестинском обществе и создало атмосферу напряженности, спровоцировав тем самым новые теракты. Стоит ли удивляться, что к началу мая взрывы возобновились?

Еще до начала второй интифады предсказывалось, что новое вторжение в крупные палестинские города повлечет за собой многочисленные жертвы со стороны израильтян. Тем не менее ввод войск на территорию Палестины прошел почти бескровно. В ответ на убийство израильского министра по туризму Рехавама Зеэви в октябре 2001 года Армия обороны Израиля начала широкое наступление на Палестинскую автономию, заняв все шесть крупных городов, расположенных на Западном берегу реки Иордан. Палестинцы не оказали серьезного сопротивления, и в ходе кампании ранения получили всего шесть израильских солдат. Операция «Защитная стена» — вторичный ввод войск — также не встретила особого противодействия. В боях за контроль над шестью крупными городами и десятками прилегающих населенных пунктов погибли всего три человека, не считая 23 израильских военнослужащих, убитых в ходе вооруженного столкновения в лагере беженцев в Дженине.

В Армии обороны это вялое сопротивление было расценено скорее как слабость, нежели как сознательное поведение, обусловленное стратегическими соображениями. Они не видят основного принципа, на котором строится стратегия палестинцев.

На самом деле палестинцы признают, что военно-технический перевес всегда будет на стороне Израиля. Так зачем же тратить си-

лы на бесполезное сопротивление? Не лучше ли просто переждать очередное вторжение, а за это время подготовить новую партию «мучеников»? Родственники террористов-самоубийц в качестве компенсации получают суммы, в два раза превышающие те, что выдаются семьям других погибших. Проповедуя героизм, в корне отличающийся от героизма в иудейской традиции, палестинская интифада возвеличивает террористов-самоубийц, провозглашая их «подвиги» образцом самоотверженности и преданности общему делу.

ЗА ВЫСОКОЙ СТЕНОЙ

Непонимание новой военной политики Палестины может дорого обойтись Израилю. Не исключено, что, ободренные «слабостью» противника, израильтяне перейдут к более масштабным карательным операциям в ответ на действия палестинцев. В результате они постепенно исчерпают свой военный потенциал, а в распоряжении их противника останется легион смертников, ждущих своего часа.

И правда: израильские лидеры громко заявляют о том, что не уступят террористам, но на деле уже сейчас происходит как раз обратное. Экономическая и дипломатическая цена, которую израильтяне готовы заплатить за постоянно укорачивающийся период затишья, неуклонно растет. В результате все больше людей возлагают надежды на тактику односторонней изоляции. Израильтяне возводят стены и заграждения, оборудуют буферные зоны — и всё с единственной целью: защитить от терактов жителей крупных населенных пунктов.

Конечно, в условиях односторонней изоляции смертникам труднее будет проникнуть на территорию Израиля, но тем значительнее будут выглядеть их «достижения» в глазах многих жителей региона. Палестинцы поймут — и это вполне справедливо, — что именно взрывы живых бомб привели к очередному выводу израильских войск, и за долгие годы страданий они будут вознаграждены ощущением победы. Израильская «политика стен» станет восприниматься палестинцами как отступление, и они в очередной раз укрепятся в мысли, что там, где бессильна дипломатия, помогает война.

Как представляется, на настоящий момент никакие заграждения не смогут умерить обиды палестинцев. И кроме того, десятки еврейских поселений, разбросанных по холмам на Западном берегу реки Иордан невозможно укрыть даже за самой длинной стеной. По результатам недавнего опроса, две трети израильтян выступают за ликвидацию этих поселений: все равно они беззащитны и оторваны от основных терри-

торий, а их существование в нынешнем виде фактически сводит на нет все усилия по изоляции. Но, несмотря ни на что, премьер Ариэль Шарон все так же непреклонен: раз за разом он повторяет, что не сдаст ни одного поселения. «Судьба Тель-Авива зависит от судьбы Нецарима», — сказал он, имея в виду расположенное особняком маленькое укрепленное поселение в секторе Газа, за последнее время не раз подвергавшееся нападениям со стороны палестинцев.

КАК ОБЕЗВРЕДИТЬ БОМБЫ

Итак, Израиль стоит сейчас на распутье, и ни один из путей не сулит ему особых преимуществ. Стране нужно найти какой-то способ противостоять противнику, который настолько ненавидит ее, что не пощадит себя, чтобы причинить ей ущерб. В этой ситуации месть не лучший выход, но и отступление лишь спровоцирует новые теракты.

Если решение этой проблемы вообще существует, то оно, наверное, заключается в том, чтобы убедить палестинцев в необходимости отказа от их разрушительной стратегии ради достижения конструктивных целей. В связи с этим Израилю следовало бы перейти к политике поощрения палестинцев за борьбу с терроризмом и избегать любых действий, способных навести противника на мысль о том, что он может достичь успеха благодаря террору.

При этом поощрение должно быть весомым и зримым — например, снос ряда небольших поселений, расположенных на возвышенностях, в обмен на временное прекращение военных действий и решительный отказ от применения живых бомб. Передышка помогла бы подготовить почву для переговоров об окончательном статусе спорных территорий. Такая политика Израиля убедила бы палестинцев в том, что Тель-Авив действительно стремится к достижению мира и готов заплатить за него необходимую цену не на словах, а на деле. И самое главное: видя готовность израильского руководства призвать к порядку слишком горячих сторонников войны до победного конца, палестинские лидеры вынуждены будут усмирить и собственных радикалов.

До начала второй интифады значительная часть палестинцев выступала против убийства мирных жителей на основной территории Израиля. Люди надеялись, что смогут добиться независимости не прибегая к террору. И если Израиль найдет способ возродить и оправдать их надежды, то он тем самым обретет наилучшую гарантию своей безопасности. Если нет, может случиться так, что Тель-Авив действительно разделит участь Нецарима, и это станет трагедией для всех.

Багдадская головоломка

Перспективы Ирака сквозь призму возможной войны

Георгий Мирский

Если задаться целью составить индекс частоты упоминания той или иной страны в мировых СМИ, то за последний год список, скорее всего, возглавит Ирак. Разрешение коллизии вокруг Багдада обещает стать важнейшим международным событием-2003. На сей раз мировое сообщество под предводительством Вашингтона взялось за дело всерьез, решив во что бы то ни стало снять с повестки дня вопрос об угрозе, исходящей от Саддама Хусейна. Либо международные инспекторы докажут, что у него действительно нет оружия массового уничтожения, либо, что более вероятно, режим будет разоружен. От того, как именно завершится конфликт, придется ли применять силу и каковы будут юридические основания для этого, зависит очень многое. Каким будет Ирак после разрешения нынешней коллизии? Устоит ли у руля партия Баас? Ждет ли страну афганский сценарий (формирование лояльного Западу режима на основе оппозиции) или косовский вариант (международный протекторат)? И, наконец, как вести себя России, которая на протяжении многих лет считалась союзницей Саддама?

«ПОД КОЛПАКОМ» ПАРТИИ БААС

Надо признать, что, несмотря на две войны и десятилетие международной изоляции, позиции Саддама Хусейна и его партии Баас остаются крепкими. Баас, вторично пришедшая к власти в 1968 году,

Г.И. Мирский — д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике». Автор благодарит коллег, принявших участие в обсуждении статьи: В.З. Дворкина, А.П. Денисова, И.Д. Звягельскую, В.А. Исаева, С.А. Караганова, В.И. Кривожику, А.В. Малашенко, В.А. Никонова, А.К. Пушкова, Е.Я. Сатановского, М.З. Шкундина

стала тогда стабилизирующей силой, положившей конец череде внутренних потрясений и военных переворотов. У страны впервые за долгое время появилась возможность реализовать богатый природный потенциал (в Ираке сосредоточено 10 % разведанных мировых запасов нефти — он уступает лишь Саудовской Аравии, а две великие реки Тигр и Евфрат обеспечивают великолепные условия для сельского хозяйства). В 1980-х Ирак стал, наряду с Египтом, наиболее развитым государством арабского мира. Благодаря нефтедолларам были созданы современная обрабатывающая промышленность и мощная армия.

С момента образования баасистского режима неуклонно набирала вес фигура харизматического лидера Саддама Хусейна. Личная энергетика, несокрушимая воля и жажда власти позволили ему, методично и беспощадно устраняя конкурентов, превратиться к 1979 году в единоличного правителя Ирака. Были расстреляны сотни функционеров, треть членов руководящего Совета революционного командования признались в измене после того, как их семьи были взяты в заложники. Репрессии обрушились и на Иракскую коммунистическую партию, почти все активисты которой погибли в застенках.

Поколения иракцев воспитаны на культе личности вождя, которого именуют рыцарем и отцом арабской нации, героем национального освобождения, непобедимым полководцем и т. п. Как при любом тоталитарном режиме, истинное отношение населения к лидеру едва ли полностью совпадает с утверждениями пропаганды. Однако, как отмечал недавно багдадский корреспондент британского еженедельника *The Economist*, страх среди населения Ирака перед переменами сильнее, чем неприязнь к баасистскому режиму, — ведь «государство, при всем его жестоким и угнетательском характере, все же обеспечивает безопасность». Парадоксальным образом сохранение власти Саддама выгодно даже его заклятым врагам. «Курды, обеспечившие себе относительную свободу под защитой ООН на своих северных землях, опасаются реинтеграции в арабское большинство населения, — продолжает *The Economist*. — Небольшое христианское меньшинство, достаточно процветающее, но обескровленное эмиграцией, обеспокоено тем, что когда оно лишится защиты со стороны светской баасистской власти, то на него обрушится растущее по всей стране движение мусульманского религиозного возрождения. Мусульмане-сунниты, доминирующие в органах государственного управления, но находящиеся в явном меньшинстве по

сравнению с шиитами, боятся утратить традиционную гегемонию. Приверженцы режима в партии Баас и в десятках арабских племен, включая как шиитские, так и суннитские кланы, опасаются расплаты, сведения счетов».

Действительно, многие, побывавшие в последнее время в Ираке, отмечают, что почва готова для кровавой бани, которая чаще всего и случается, когда рушится репрессивный, но обеспечивавший стабильность режим, державший «под колпаком» все недовольные, но подспудно кипящие силы. Крышка с котла снимается — и пар с огромной силой вырывается наружу, обжигая все вокруг...

Все, кто знаком с Ираком, отмечают жестокость, присущую местному менталитету. Иногда это объясняют свирепостью правителей, господствовавших в Месопотамии с давних времен. Знаменитый аль-Хаджадж, управлявший страной во времена Дамасского халифата, выставив на публичный показ отрубленные головы недовольных, обратился к народу с такими словами (их знает каждый иракский школьник): «О люди Ирака, люди, склонные к раздорам, лицемерию и злонравию! Клянусь Аллахом, я сдеру с вас кожу, как кору с деревьев, я буду трясти вас, как кучу веток, я буду бить вас, как сбежавших верблюдов...» После достижения независимости в Ираке, как и, например, в соседней Сирии, было совершено немало военных переворотов. Но если свергнутых сирийских офицеров их более удачливые коллеги могли, допустим, отправить военными атташе куда-нибудь в Южную Америку, то в Ираке разговор всегда был один: к стенке.

СУННИТЫ И ШИИТЫ

И, все же, есть ли шанс на то, что без тоталитарного режима национальным и религиозным группам, населяющим Ирак, удастся сохранить согласие?

Около 60 % населения Ирака составляют шииты. Чем они отличаются от суннитов, могут объяснить даже далеко не все мусульмане. После смерти пророка Мухаммеда ему наследовали поочередно четыре халифа (заместители) — Абу Бекр, Омар, Осман и Али; сунниты признают их всех в качестве «праведных халифов», а шииты считают первых трех узурпаторами. Для них единственный законный преемник Мухаммеда — его двоюродный брат и зять Али и только потомки Али могут быть названы законными наследниками пророка.

Казалось бы, какое все это может иметь значение в наше время? Но шииты лишь себя полагают настоящими правоверными, сунни-

ты для них немногим лучше неверных, кафиров. В мире на девять суннитов приходится лишь один шиит. Правда, в Иране шииты составляют подавляющее большинство, и в Ираке их больше, чем суннитов, но в целом в мире ислама они всегда были дискриминированным меньшинством.

В течение столетий турецкого господства багдадские властители, будь то турки или арабы, неизменно назначались из числа суннитов, так как суннизм господствовал в Османской империи (Ирак был ее частью). И в независимом Ираке как при монархии, так и при республиканском строе правящая элита неизменно состояла из суннитов. Чем дальше, тем больше шииты ощущали свою «второсортность» в рамках иракского государства, чувствовали себя жертвами суннитского засилья. Такое самоощущение вполне в духе традиционного шиитского менталитета, неотъемлемой частью которого является идея жертвенности. Халиф Али, в глазах шиитов равный самому пророку Мухаммеду, пал от кинжала убийцы, а его сын Хусейн был заколот в бою и обезглавлен; их могилы в иракских городах Неджеф и Кербела почитаются как святыни. И впоследствии ни один из шиитских имамов не умер своей смертью. Отсюда ведут свое начало традиция шиитского мученичества, необычайная эмоциональная острота и драматизм, жертвенность шиитского мироощущения, доходящая до иступления и экстаза. Не случайно первыми арабскими «камикадзе» были ливанские шииты, протаранившие своими нагруженными взрывчаткой грузовиками ворота американских и французских казарм в Бейруте в 1983-м, во время гражданской войны и иностранной интервенции.

В Ираке шииты создали свою организацию Ад-Дава аль-Исламия. Однако после того как в 1980 году был казнен ее духовный лидер Мухаммед Бакир ас-Садр, его последователи подверглись расправе. В 1983-м были репрессированы члены семьи другого лидера шиитской оппозиции — Мухаммеда Бакира аль-Хакима, скрывавшегося в Иране. Сам он возглавляет базирующуюся в Тегеране организацию «Высший совет исламской революции в Ираке» и готовится выйти на авансцену после падения нынешнего багдадского режима.

В положении шиитов в Ираке существует некая двойственность. С одной стороны, будучи членами ущемленной конфессиональной «семьи», шииты осознают себя как отдельную общность избранных и потому гонимых. В этом смысле они напоминают, например, христиан-маронитов в Ливане, мусульман-боснийцев в бывшей Юго-

славии, католиков в Северной Ирландии. Во всех названных случаях члены ущемленных конфессиональных общин говорят на том же языке, что и их соседи-иноверцы, но это не смягчает взаимной неприязни и даже ненависти. Историческая память о пережитых гонениях и страданиях, мифы и символы, общие духовные ценности — все это порождает самоощущение общинной солидарности, придает конфессиональной группе статус чуть ли не отдельной нации.

С другой стороны, однако, иракские шииты чувствуют себя иракцами в не меньшей мере, чем сунниты. Когда во время ирано-иракской войны в 1980-х иранские войска, отразив наступление иракской армии, вступили на землю Ирака, аятолла Хомейни надеялся, что иракские шииты будут приветствовать персидских единоверцев и поднимутся против режима Саддама. Ничего подобного не произошло:

Россия, как великая держава, имеющая немалые политические и экономические интересы на Ближнем Востоке, не может позволить себе оказаться исключенной из новой системы управления Ираком, которая возникнет после смены власти в Багдаде.

иракские шииты в своем большинстве воевали плечом к плечу с суннитами в рядах саддамовской армии. Государственный национализм оказался сильнее чувства конфессиональной общности. Вообще, Саддам Хусейн немало потрудился для воспитания в народе чувства общеиракского патриотизма, начиная с того, что объявил себя потомком шиитского имама Али. Историки и археологи принялись искать некую «месопотамскую исламскую идентичность» как

основу иракского национализма, «иракизма». Немало сделано для улучшения материального положения шиитских масс.

Предположения, что в случае падения нынешнего режима иракские шииты отделятся от Ирака и образуют собственное государство, малообоснованны. Тем более нет оснований говорить о включении населенных шиитами южных районов Ирака в состав Ирана. Шииты Ирака считают землю отцов своей родиной, здесь похоронены святые люди их конфессии, жива память об Али и Хусейне, не забыты времена расцвета страны под властью шиитских халифов — Аббасидов.

Нельзя забывать и о внешнем факторе: Саудовская Аравия и страны Залива категорически воспротивились бы образованию в их регионе еще одного, помимо Ирана, шиитского государства. В странах Залива живет много шиитов, для которых шиитский Южный Ирак мог бы стать центром притяжения. Для суннитских и вахха-

битских властей в государствах Аравийского полуострова подобный вариант недопустим. Не более реален и еще один иногда обсуждаемый сценарий – восстановление монархии, приход к власти короля из династии Хашимитов, которая правит Иорданией. Юридические основания для этого найти можно – ведь после Первой мировой войны именно хашимитских королей англичане посадили на троны в Багдаде и Аммане, и убитый во время переворота 1958 года последний иракский король Фейсал был двоюродным братом Хусейна, отца нынешнего короля Иордании. Смысл этой затеи мог бы состоять в том, чтобы вообще ликвидировать Ирак как государство, объединив его с Иорданией. Но шииты ни в коем случае не согласились бы вновь попасть под власть суннитского короля, а для курдов это означало бы резкое уменьшение их удельного веса в объединенном государстве по сравнению с арабами. Да и весь арабский мир крайне болезненно реагировал бы на попытку устранения с карты мира одного из наиболее значительных арабских государств. Поэтому всерьез рассматривать данный вариант не приходится.

КУРДИСТАН: НЕЗАВИСИМОСТЬ ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ?

Курды, населяющие север Ирака, составляют примерно пятую часть его населения – свыше 4 миллионов человек. В Турции проживает около 14 миллионов курдов, в Иране – 7 миллионов, в Сирии – 1,5 миллиона. Это самый многочисленный народ в мире из тех, которые не имеют своего государства. Турецкие и сирийские курды, равно как и большинство иракских, – мусульмане-сунниты.

Курды Ирака, как и арабы, до Первой мировой войны жили под властью турок. По Севрскому мирному договору 1920 года после распада Османской империи предполагалось образование государства Курдистан, но это решение осталось на бумаге. Проекту создания независимого курдского государства категорически воспротивились и Турция, и Иран, и Великобритания. Для англичан определяющим фактором была нефть района Киркука, так что Киркук и Мосул были включены в арабское Королевство Ирак, находившееся под полным контролем Лондона. Курды, веками терпевшие турецкое господство, не пожелали жить под властью арабского короля. Начались восстания. Менялись режимы в Багдаде, монархию сменила республика, и каждая новая власть проводила против курдов политику все более жестоких репрессий. Но

вновь и вновь поднимались на борьбу повстанцы, называвшие себя пешмарга (идущие на смерть).

Ничто, однако, не могло сравниться с геноцидом, устроенным в Курдистане в 1988-м, когда Саддам Хусейн попытался «окончательно решить» курдский вопрос. В результате операции «Аль-Анфаль» («Военные трофеи», название восьмой суры Корана) было уничтожено четыре тысячи курдских деревень, погибло минимум 100 тысяч человек. Пять тысяч жителей города Халабджа стали жертвами применения отравляющих веществ — иприта и нервно-паралитического газа.

После операции «Буря в пустыне» 1991 года, в ходе которой американские войска разгромили иракскую армию, в Курдистане поднялось восстание, но у Саддама хватило сил его подавить, при этом погибло еще 30 тысяч курдов. Вскоре, однако, на севере и юге Ирака были установлены бесполетные зоны, в которых запрещалось появление иракских ВВС. Лишившись возможности применять вертолеты — главное оружие в борьбе против партизан, — багдадское правительство поняло, что не способно контролировать курдские районы, и вывело оттуда войска (кроме района Киркука). Так с 1991-го Иракский Курдистан обрел самостоятельность. Официально страна курдов является автономной провинцией Ирака, но никаких отношений с багдадскими властями она не имеет, на границе напротив иракских солдат стоят курдские пешмарга, де-факто это уже вполне самостоятельная территория.

Сейчас Иракский Курдистан разделен на два региона: один с центром в городе Сулеймания — там осуществляет контроль Патриотический союз Курдистана (ПСК) во главе с Джалялем Талабани, а другой с центром в Эрбиле, где властвует Демократическая партия Курдистана (ДПК), лидером которой является Масуд Барзани, сын легендарного вождя Мустафы Барзани. Причина разделения — в начавшихся десятилетия назад разногласиях по вопросам тактики борьбы, альянсов с внешними силами и т. д. Осенью 2002 года было решено созвать объединенный парламент, принявший проект Основного закона Федеративной Республики Ирак, в состав которой в качестве региона должен входить Иракский Курдистан. В проекте говорится, что столицей региона является Киркук, в данный момент находящийся под властью Саддама. О выходе из состава Ирака и создании нового государства речь не идет. Лейтмотив заявлений таков: «Иракские курды — такие же иракцы, как и арабы. Мы хотим жить в об-

щем государстве, но при новом режиме и на принципах федерализма». Стоит добавить, что Турция, имеющая серьезные проблемы с собственным курдским населением, уже заявила о категорическом несогласии с идеей образования независимого курдского государства.

Иракский Курдистан может существовать и в нынешнем виде квазигосударства, но это — ситуация в общем-то аномальная. В постаддамовском Ираке крепкий Курдистан безусловно может найти себе достойное место как составная часть федерации. Если же нынешний багдадский режим останется на неопределенно долгий срок, среди курдов неизбежно начнут развиваться сепаратистские тенденции.

На вопрос о том, могут ли курды в случае начала американцами военных действий стать чем-то вроде Северного альянса по афганскому сценарию, Джаляль Талабани отвечает туманно: курды «за изменение режима путем всесторонних демократических изменений, произведенных силами иракского народа при международной поддержке... Курды будут приветствовать присутствие американских военных...», курды «против вторжения», но поддерживают «принцип демократических преобразований, пусть и с американской помощью...».

Как бы то ни было, афганский сценарий не подлежит воспроизведению в Ираке по нескольким причинам. Во-первых, к моменту начала американской операции в Афганистане там уже шла многолетняя гражданская война и Северный альянс находился в состоянии открытой вооруженной борьбы с режимом талибов. Между курдами и багдадским режимом войны давно нет, и для реализации «афганской модели» пришлось бы ее спровоцировать. На это курды не пойдут, понимая, что несравненно лучше вооруженная иракская армия успеет нанести им тяжелое поражение еще до того, как вмешаются американцы. Во-вторых, согласившись стать спичкой, от которой загорается большой пожар, курды рискуют непоправимо подорвать отношения как с арабским населением Ирака, так и с арабским миром в целом. В его глазах они станут прямыми пособниками ненавистной многим арабам Америки. То же самое произойдет и в случае, если американский воздушный удар будет синхронизирован с началом военных действий между курдами и Багдадом. За выполнение такой роли курдам пришлось бы дорого заплатить при послевоенном урегулировании, которое и так обещает быть исключительно трудным.

КТО СМОЖЕТ УПРАВЛЯТЬ ИРАКОМ?

Среди арабской части оппозиции желающих отобрать власть у Саддама немало. Это и базирующийся в Лондоне Иракский национальный конгресс, и Иракский национальный союз, и действующий с иранской территории шиитский Высший совет исламской революции в Ираке, и Движение конституционной монархии, и группа бежавших за границу генералов саддамовской армии.

Ахмед Чалаби — лидер Иракского национального конгресса, наиболее влиятельной эмигрантской организации, сильный и серьезный человек. Однако сомнительно, что он пользуется заметной поддержкой в самом Ираке, — даже если там и есть внутренняя оппозиция, она, скорее всего, недолголюбивает тех, кто «отсиживается за границей».

Что касается бывших иракских генералов, живущих сейчас в ряде стран Европы и Ближнего Востока, то почти все они участвовали в операциях в Курдистане, и курды с ними за один стол не сядут. Шиитские лидеры во главе с аль-Хакимом пользуются поддержкой среди своих единоверцев, но есть опасность вспышки шиитско-суннитской междоусобицы.

Вообще, как уже указано выше, отношения между различными этническими и религиозными группами в Ираке имеют сложную историю. Для шиитов сунниты — это, во-первых, люди, исповедующие искаженное, еретическое толкование ислама, и, во-вторых, узурпаторы, унаследовавшие от турок власть в Багдаде и навязавшие ее шиитскому большинству. Немало шиитов захотят свести счеты с суннитскими чиновниками, присланными Багдадом для управления населаемыми ими территориями. Крайне непростые отношения всегда существовали между арабами и курдами. Непосредственно курдский регион граничит с той частью территории арабского Ирака, которая населена преимущественно суннитами. Вера у них одна, но вряд ли суннитские «арабы-демократы», если таковые появятся, с готовностью отдадут Киркук курдам. Кстати, в результате саддамовской политики арабизации Севера в регионе Киркука обосновалось множество переброшенных с Юга арабов, а если прибавить к ним туркоманов (народ тюркского корня), численность которых растет и которые тоже, несомненно, предъявят свои требования, то получится, что курды уже не составляют там большинства населения.

Сейчас курды объективно являются союзниками арабов-шиитов в борьбе против багдадского режима, но если ему на смену придет

новая власть, в которой шииты будут достойно представлены, то у них может возобладать чувство арабского национализма с его традиционно неприязненным отношением к курдам. Дело в том, что в гипотетической коалиции, приходящей на смену баасистскому режиму, наиболее сильным компонентом станут, скорее всего, именно курды, уверенные в собственной правоте и успешно боровшиеся за нее. А вот в арабском обществе Ирака картина будет иная. Диктатура оставляет после себя «выжженное поле» — деморализованный, запуганный, сбитый с толку народ. Ожидать быстрого появления здоровых и жизнеспособных политических сил, которые бы имели опыт, программу действий, уверенность в себе и широкую поддержку населения, не приходится, разве что на поверхность вырвутся исламисты. (Такая опасность, кстати, существует: возможен подъем в Ираке «политического ислама», фундаменталистского экстремизма, терроризма.) В любом случае доминирующая роль курдов в победившей коалиции вызовет противодействие арабской части общества. Исторический опыт говорит о том, что партнеры по любой коалиции, временно объединенные общей целью, после победы обращают оружие друг против друга, особенно когда речь идет о межнациональных отношениях.

Не случайно в мировой прессе появились сообщения о том, что у США есть план установления своего рода международного протектората над Ираком, включая пребывание там многонациональных сил, цель которых — не допустить хаоса и кровопролития. Существует вроде бы даже намерение сделать Ирак «витриной демократии» в арабском мире; проводятся аналогии с тем, что было проделано в Германии и в Японии после Второй мировой войны, когда иностранная оккупация способствовала искоренению фашистских и милитаристских традиций, произошла демократизация и модернизация общества.

Но у иракцев нет того рационализма, той самодисциплины, которые позволили немцам в 1945 году осознать, что, раз война проиграна, необходимо перевернуть страницу истории и сжечь все, чему поклонялись. Нет у них и уникального, впитавшего в себя древние традиции лояльности менталитета, позволившего японцам мгновенно перейти от готовности умереть за императора к столь же абсолютной готовности выполнить приказ императора о капитуляции и подчинении победителям. А самое главное, иракцы не воспримут поражение как кару за грехи и преступления; все неизбежные неурядицы и меж-

доусобицы, кровопролитие и пр. — все будет поставлено в вину американцам точно так же, как сейчас в нищете и страданиях обвиняют не Саддама, а Америку. Недавняя история многих стран показала, что конец стабильности, наступление эпохи перемен и неуверенности побуждают людей забыть прегрешения свергнутой диктатуры и предаться ностальгическим воспоминаниям о прежней стабильности.

Сегодняшний Афганистан показывает, что недостаточно свергнуть тоталитарный и террористический режим, ввести в страну иностранные войска. Менталитет, традиции не меняются под воздействием военных и политических перемен, особенно в мусульманском обществе.

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР

При анализе различных сценариев развития событий вокруг Ирака России обычно отводится скромная роль. Действительно, арсенал инструментов, находящихся в распоряжении Москвы, не слишком обширен. Попытки «отговорить» Буша от войны, оказать на него давление бесперспективны. Решится он пойти на применение силы против Ирака или нет, зависит от многих факторов, но не от позиции России. При этом исход конфликта весьма важен для Москвы — и с точки зрения ее экономических интересов, и по политическим причинам как внутреннего, так и внешнего характера.

Необходимо избежать военной операции против багдадского режима, не санкционированной Советом Безопасности. В этом контексте следует заметить, что позиция российской дипломатии, возражавшей против англо-американской резолюции по Ираку в Совете Безопасности и в конечном счете согласившейся принять ее в значительно измененном виде, представляется единственно правильной. Принятие резолюции позволило предотвратить войну, по крайней мере на какой-то срок, и направить в Ирак миссию международных инспекторов для точного выяснения ключевого вопроса о наличии или отсутствии там оружия массового поражения.

Однако нужно быть готовым и к негативному развитию событий, то есть к началу Вашингтоном и Лондоном боевых действий, в том числе и без получения четкого мандата ООН.

В этом случае главное будет состоять в том, чтобы, с одной стороны, не потерять хладнокровие, а с другой — не поддаваться соблазну отойти в сторону и умыть руки. Россия как великая держава, имеющая немалые политические и экономические интересы на

Ближнем Востоке, не может позволить себе оказаться исключенной из новой системы управления Ираком, которая возникнет после смены власти в Багдаде. Напротив, в эту систему надо будет включиться, исходя не только из наших интересов, но и из интересов самого иракского народа, будущее которого весьма неопределенно.

Конечно, та политика, которую в последнее десятилетие проводила Москва в иракском вопросе, не могла не повлиять на отношение к ней тех сил, которые могут сменить нынешний режим. И курды, и арабские диссиденты убеждены, что Россия из всех сил поддерживала Саддама и старалась помочь ему избавиться от ооновских санкций. Это, однако, уживается в умах иракцев разных убеждений, конфессий и ориентаций с теплым отношением к России, как таковой, и к русскому народу. (Кстати, многие иракские курды, которые в принципе очень обижены на Москву за ее про-саддамовский курс, с благодарностью вспоминают ту помощь, которую в 1970-е и начале 1980-х годов оказывали курдским регионам советские специалисты.)

В экономическом плане Россия для иракцев – это старый, опытный и проверенный партнер, хорошо (намного лучше американцев) знакомый с местной спецификой, трудностями и потребностями страны. Россия находится как раз на таком «среднем» уровне технологического развития, который наиболее подходит для оказания действия странам Третьего мира. И представления о том, что только режим Хусейна может обеспечить российское экономическое присутствие в стране, судя по всему, не соответствуют действительности. Особенно с учетом того, что в конце 2002-го именно правительство Саддама разорвало крупный контракт с «ЛУКойлом» на освоение богатого месторождения Западная Курна.

Во-вторых, Москва по традиции может рассматриваться как противовес чрезмерному влиянию Вашингтона. Любое новое иракское правительство вряд ли будет в восторге, оказавшись в положении полной зависимости от США. Новым властям понадобится хоть какая-то свобода маневра, способность проводить политический курс, отвечающий национальному достоинству народа с богатой историей и большим потенциалом. А для этого нужны партнеры, которые помогут Багдаду балансировать на международной арене. Для России это серьезный ресурс. Наша страна может оказать позитивное, благотворное влияние на ход развития Ирака даже в случае осуществления наихудшего, то есть военного, сценария.

Центральноазиатский перекресток

Америка не собирается покидать регион

Евгений Васильев

Почти за полтора года, прошедшие после начала военной операции в Афганистане, ситуация в Центральной и Южной Азии заметно изменилась. Власть талибов свергнута, их военная машина разгромлена, а террористические организации на афганской территории практически ликвидированы. При этом режим информационной закрытости, установленный вокруг размещенного в Афганистане контингента США, не позволяет составить четкое представление о том, какова в действительности военно-политическая обстановка в стране. Эксперты и аналитики подвергают сомнению цифры американских потерь. Официально заявляется о 40—45 погибших, однако, по другим данным, потери составляют порядка 200 военнослужащих убитыми и 250—300 ранеными. Говорится о потерянных 20 вертолетах, 3—4 самолетах и стольких же беспилотных аппаратах. К тому же, насколько можно судить, экстремистские силы, подхватившие знамя талибов и «Аль-Каиды», не уничтожены, а перекочевали в Пакистан.

Тем не менее главный геополитический результат афганской кампании очевиден: военное присутствие США и НАТО в Узбекистане, Киргизии и в меньшей степени в других странах региона стало реальностью. Скептически настроенные в отношении Запада аналитики полагают даже, что «странная война» в Афганистане будет продолжаться до тех пор, пока американцы не добьются всех своих целей в Центральной Азии. А именно обеспечить гарантированное военное присутствие в регионе *ad hoc* или на по-

Е.Д. Васильев — эксперт-востоковед, специалист по Центральной Азии, регулярно консультирует российские правительственные учреждения по проблемам региона.

стояннoй основе, чтобы иметь в случае надобности освоeнную сеть военных объектов, соответствующую правовую и политическую инфраструктуру.

Думается, дело все-таки обстоит иначе. Ставки слишком высоки, чтобы разыгрывать вокруг Афганистана макиавеллиевские сценарии. Кроме того, на политической сцене обозначился новый фактор — пользующееся поддержкой мирового сообщества легитимное афганское правительство, не заинтересованное в продолжении любой военной конфронтации в стране. Вряд ли затягивание окончательного военного решения в Афганистане пойдет на пользу и администрации Буша. В скорейшей стабилизации должно быть заинтересовано практически все мировое сообщество, пообещавшее на конференции в Токио в феврале 2002 года несколько миллиардов долларов на восстановление и развитие Афганистана. Вместе с тем проблемы урегулирования весьма далеки от решения, и зима 2003-го может их усугубить: в зимние месяцы затихают перестрелки, зато вопрос о выживании становится намного острее.

Многое предстоит сделать и в направлении восстановления афганской государственности. Пока можно говорить скорее о возрождении духа широкой политической общности среди афганцев, правящих в Кабуле и провинциях. Остается только восхищаться тем, как работали Хамид Карзай и члены его правительства в период подготовки Лойя Джирги, обеспечивая стабильность в стране и лояльность различных группировок. В любом государстве, тем более в Афганистане с его традициями гипериндивидуализма и местного патриотизма, усиленными долгими годами смуты, указы и директивы центральной власти, не обеспеченные финансами, имеют мало шансов быть исполненными. (Средств, которые американцы раздают местным правителям и полевым командирам, явно недостаточно для управления, — это, так сказать, «карманные деньги».) Было бы, однако, несправедливо утверждать, что зарубежные доноры совсем забыли про Афганистан. Конечно, из 1,8–2 млрд долларов, выделенных до сих пор, большая часть еще не использована в прямых проектах восстановления. Бюрократические процедуры действуют здесь ничуть не быстрее, чем в отношении любой другой страны, которой оказывается международная помощь. Но нельзя не видеть и положительную статистику: десятки восстановленных больниц, школ, профессиональных центров, возрождаются торговля, коммуникации, основы высшего образования и культуры. Вместе с тем и

афганцы, и друзья Афганистана ожидали большего от международной помощи. Не в последнюю очередь благодаря мировым СМИ, весьма эффектно освещавшим афганскую тему в 2001 – начале 2002 года, появилась иллюзия того, что накопившиеся за десятилетия войны и разрухи проблемы удастся быстро решить при поддержке мирового сообщества, которое в течение 2–4 лет обязалось выделить суммы, равные десяткам годовых бюджетов Афганистана.

Не исключено, что, увлеченные конфронтацией с Ираком, США в обозримом будущем подзабудут про Афганистан даже в том случае, если будет реализован план создания американских групп помощи, призванных обеспечивать влияние различных ведомств США в провинциях страны. (Это, кстати, очень напоминает советский опыт: во времена правления Народно-демократической партии Аф-

Для российского бизнеса нынешние времена в Центральной Азии – период упущенных возможностей, эпоха потери рынков. Укрепление в регионе позиций Запада почти автоматически означает ослабление позиций России.

ганистана у губернатора каждой провинции был аппарат советских советников – партийных, военных, хозяйственных и др.)

Трудно сказать, насколько эффективно проявят себя европейцы – немцы и голландцы, которые в 2003 году возьмут на себя руководство коалиционными силами содействия безопасности. Неясно, поможет ли делу переход операций в сфере безопасности в

Афганистане под эгиду штабов НАТО, намечаемый к лету 2003-го. Возникает и вопрос о том, насколько юридически правомерным будет такой переход, расширяющий военную деятельность Североатлантического альянса далеко за пределы его легитимной зоны ответственности.

Вызывает удивление, почему международная коалиция так и не предприняла решительных мер по ликвидации центров наркоагрессии против Центральной Азии, России и Европы. Неофициально говорят о том, что Запад и не пытался ликвидировать наркомафию в Афганистане, просто производство и каналы наркотрафика якобы были отобраны у прежних наркобаронов, чтобы в 2002–2003 годах оплатить антитеррористическую операцию. Так или иначе, заинтересованные страны должны предпринять кардинальные шаги для решения наркопроблемы. Рынок афганских наркотиков в Европе, даже по скромным подсчетам, превышает 100 млрд долларов.

А меры по усилению борьбы с наркотрафиком из этой страны, принимаемые властями Узбекистана, Таджикистана и российскими пограничниками в Таджикистане, вряд ли способны изменить ситуацию.

УЗБЕКСКИЙ ФОРПОСТ

Государства Центральной Азии приветствовали разгром режима талибов и «Аль-Каиды» в Афганистане. Операцию в целом поддержал даже туркменский лидер Сапармурат Ниязов, создавший (очевидно, под влиянием долго работавшего в Пакистане Бориса Шихмурадова, который до 2001 года занимал пост министра иностранных дел Туркмении) весьма либеральный режим въезда и пребывания для талибов. Таджикистан же, Киргизию и Узбекистан соседство с талибами не просто беспокоило, а представляло прямую угрозу их безопасности. Талибы и находившиеся под их покровительством узбекские террористы из Исламского движения Узбекистана (ИДУ) говорили о широких планах создания в Центральной Азии исламского халифата. А в 2001-м при активной помощи «Аль-Каиды» произошло (на бумаге) создание структурно связанного с организацией Усамы бен Ладена Исламского движения Туркестана, в планы которого входил захват не только Ферганской долины или Узбекистана, но и всего региона. В 1999 и 2000 годах талибы и «Аль-Каида» направляли в Киргизию и Узбекистан рейды смешанных команд ИДУ и внерегиональных боевиков. Этими группами управляли из Афганистана.

В обстановке «странной психологической войны», которая велась в 2000-м, зарубежные и особенно важные для Ташкента российские СМИ преувеличивали эффективность действий и силу террористов. Боевикам это было на руку, а властям центральноазиатских стран, и без того обремененным заботами переходного периода, доставило немало неприятных минут. Понятно, что новости о походе США и антитеррористической коалиции на талибов и «Аль-Каиду» были встречены с облегчением и готовностью оказывать помощь.

Раньше других контакты с американцами установил Узбекистан – спустя всего 3–4 дня после 11 сентября 2001 года. Да и вообще сразу выяснилось, что военные связи между США и Узбекистаном – случайно или намеренно – более продвинуты по сравнению с соседями. Между Вашингтоном и Ташкентом уже действовали соглашения о военном сотрудничестве, на протяже-

нии нескольких лет американцы готовили элитные узбекские антитеррористические части. Узбекистан с его самыми крупными в регионе вооруженными силами и стабильной внутривнутриполитической ситуацией стал основным стратегическим партнером США в Центральной Азии. Этот статус был официально закреплён в 2002-м. К этому моменту уже действовали соглашения о временном размещении американских войск на аэродроме Ханабад, о режиме пребывания и т. д. Узбекистан стал принимать германских и французских военных, обеспечивавших свои направления оперативной деятельности в Афганистане. На Ташкент посыпался град посетителей – от госсекретаря и министра обороны США до американских конгрессменов, директоров гуманитарных фондов и делегаций бизнесменов. Интерес проявили Европа (канцлер Герхард Шрёдер, министры европейских стран), международные финансовые организации (Джордж Вулфенсон из Всемирного банка и др.), генсек ООН Кофи Аннан. В ходе визитов помимо борьбы с терроризмом обсуждалась проблема оказания Узбекистану финансово-экономической и технической помощи – при условии улучшения в стране ситуации с правами человека. Обещания помощи реализовались пока лишь отчасти, но Ташкент не оставляет надежд ее получить.

В отношениях между США и другими центральноазиатскими государствами наблюдалась схожая картина, варьировавшаяся в зависимости от степени интереса Вашингтона к военным объектам страны и готовности местных правительств к реальному сотрудничеству. Особняком в силу нейтрального статуса держалась Туркмения, но и ее отношение к американской активности в целом было благожелательным.

Соединенные Штаты заявляют, что не собираются оставаться в Центральной Азии надолго. Вместе с тем информация, хотя и не слишком щедрая, свидетельствует об обратном. На всех объектах, где размещаются войска США или НАТО, проводится коренная реконструкция по всем направлениям – от взлетно-посадочных полос до радиоэлектроники с переориентированием последней на стандарты и коды НАТО. Из прочных материалов строятся новые казармы. Это говорит о том, что военное присутствие едва ли будет свернуто, даже если в 2003–2004 годах положение в Афганистане, ставшее непосредственной причиной размещения сил, стабилизируется.

СОЮЗ ПРОТИВ ТЕРРОРА, КОНКУРЕНЦИЯ В ЭКОНОМИКЕ

Известие о намерениях американцев разместить войска в Центральной Азии осенью 2001-го оказалось для Москвы полной неожиданностью. Несмотря на стремление России установить новые отношения с Западом, энтузиазма эта новость вызвать не могла. Россия, как и ранее, придерживалась негативного мнения относительно расширения НАТО в Европе, а теперь альянс, не сдерживаемый никакими ограничениями вроде, в частности, Договора об обычных вооруженных силах в Европе, оказался еще и на южных границах. Не является ли это лишь прелюдией к другим, более масштабным и опасным для России региональным акциям США в будущем? Почему американцы не уведомили о своем «рывке» Москву, которой явно небезразличен стратегический баланс в регионе?

Как бы то ни было, российское руководство довольно быстро сориентировалось в складывавшейся ситуации и избежало шагов, которые могли бы серьезно и надолго осложнить внешнеполитические позиции страны. Тем более что мотивация развертывания войск коалиции в регионе была достаточно весомой. Идти на конфронтацию было бы неразумно и чревато осложнениями на многих направлениях, противоречило бы заявленному курсу на совместную с Западом борьбу с международным терроризмом и реальным интересам России.

Одной из возможных причин терпимости Москвы, вероятно, являлось и то, что ей нечего было противопоставить четкому силовому американскому варианту решения афганской проблемы. Даже вкуче с союзниками по Договору о коллективной безопасности, в который, наряду с другими, входят Казахстан, Киргизия и Таджикистан, российские войска и спецслужбы явно перестали играть роль гаранта безопасности в регионе. Ресурсы России не позволяют ей проводить там столь же активную военную политику, что и США, которые быстро заполняют вакуум в работе и с вооруженными силами, и со спецслужбами соответствующих стран.

Так, если закупка военного имущества у России становится для центральноазиатских клиентов предметом долгих и утомительных переговоров с российской стороной, то с США и НАТО эти вопросы решаются гораздо быстрее и на безвозмездной основе. Разница в условиях военно-технического сотрудничества работает не в пользу России.

Конкуренция, характерная для военно-технической сферы, распространяется и на другие отрасли экономики, прежде всего энергетику, сельское и водное хозяйство, транспорт. На смену старой технике и оборудованию советских времен постепенно приходят западные аналоги. Западные экономические проекты, которые местные правительства зачастую предпочитают российским из политических соображений, далеко не всегда оборачиваются выгодой для государств. На поверку техника и оборудование, хотя и компьютеризированные, оказываются не самыми современными. Крупные проекты с участием западных инвесторов, которые – по планам – должны были модернизировать производства, часто неэффективны из-за уловок поставщиков, направивших не те технологии, что были обещаны, а также из-за неготовности принимающей стороны обеспечивать на поставленной технологии нужное качество. Кредиты же предоставлялись под гарантии правительств, и теперь последние вынуждены расплачиваться с кредиторами за убыточные проекты. Например, по всей Центральной Азии простаивают сотни пропашных тракторов фирмы «Кейс». Они не только очень сложны в эксплуатации, но и совершенно не приспособлены для работы на центральноазиатских почвах. Однако деньги за неработающие трактора фирма получает исправно: должники, стиснув зубы и отказывая в своевременных выплатах другим, в том числе и российским кредиторам, рассчитываются с компанией без задержки. Престиж в глазах Запада, очевидно, важнее недовольства кредиторов на постсоветском пространстве.

Для российского бизнеса нынешние времена – период упущенных возможностей, эпоха потери рынков. Ведь практически все машины, оборудование и техника в Центральной Азии были произведены в советские годы в РСФСР, и одна только замена устаревшей техники на современную означала бы контракты на миллиарды долларов. Ограничители на торговую и инвестиционную деятельность бизнеса, существующие в России, а также внутренние сложности в самих центральноазиатских государствах позволяют говорить о сохранении позиций российского бизнеса в регионе лишь как о программе максимум. В общем в экономической сфере интересы России и Запада в Центральной Азии все чаще вступают в противоречие. Укрепление в регионе позиций Запада почти автоматически означает ослабление позиций России.

Впрочем, ожидать масштабного наплыва прямых западных инвестиций, способных изменить экономическую ситуацию, тоже не приходится — в основном все ограничивается заявлениями о необходимости содействовать развитию региона. Трудно также сказать, к чему приведут визиты различных миссий МВФ, ВБ и МБРР. Для Центральной Азии было бы оптимально, если бы стремление США и Европы оказать более значительную, нежели плата за военное присутствие, помощь реализовалось в конкретные проекты в таких сферах, как добыча нефти и газа, энергетика, связь, информатика и водное хозяйство, даже если они не слишком выгодны для западного бизнеса. Пока с уверенностью можно сказать об одном: платежи США и государств-членов НАТО, разместивших свои контингенты и военную технику в Узбекистане и особенно Киргизии, если и не решают бюджетных проблем этих стран, то служат им заметным подспорьем. Добавка к бюджету в 200, а то и 400 млн долларов за аренду аэродромов плюс несколько тысяч долларов за каждый взлет и посадку самолетов плюс интендантские закупки местной продукции для западных контингентов — все это далеко не лишне для казны центральноазиатских государств. Дело, однако, в том, насколько эффективно используются неожиданно возникшие возможности.

ЦЕЛЬ — ТЕГЕРАН?

Несмотря на заявления американских официальных лиц, США, похоже, пришли в регион всерьез и надолго. До подлинных замирения и стабильности в Афганистане еще не близко: миссия американцев далека от завершения, а союзники по антитеррористической операции вряд ли способны взять эту миссию на себя. Даже при самом благоприятном ходе финансирования программ восстановления, намеченных Токийским саммитом, эффект от международной помощи еще не скоро скажется на жизни страны. В таких условиях ослабление военной составляющей урегулирования — дело рискованное. Поэтому американско-натовское присутствие в Афганистане и Центральной Азии, как можно предполагать, продлится не один год, если, конечно, не произойдет неожиданных событий.

Некоторые эксперты не исключают и того, что пребывание в регионе объясняется и наличием неафганского фактора, а именно американскими планами войны в Ираке, а затем, возможно, акции против Ирана. Правда, большинство специалистов считают, что полеты с военных объектов в Центральной Азии на Ирак или неосу-

ществимы, или неразумны. Этот вариант гипотетически может рассматриваться лишь в том случае, если операция с баз в непосредственной близости от Ирака окажется под угрозой из-за резко негативной позиции Турции, государств Персидского залива, арабо-мусульманского мира. Пока, однако, предпосылок для этого нет.

Другое дело Иран. Если политика конфронтации США с этой страной перейдет в активную фазу, центральноазиатские аэродромы и другие объекты будут способствовать оказанию давления или, если дело дойдет до этого, проведению военных акций. Эксперты не исключают, что иранский фактор явился одной из причин, побудивших США добиваться размещения своих вооруженных сил в Центральной Азии.

Военные действия США против Ирака вряд ли вызовут какую-либо активную реакцию центральноазиатских режимов. А вот последствия столкновения с Ираном, крупным соседним государством, могут быть настолько масштабными для всего региона, что даже самые проамерикански настроенные из местных политиков едва ли поддержат военную акцию.

Конфронтация США с Ираком и особенно с Ираном, безусловно, отразится и на отношении России к американскому присутствию в Центральной Азии. В этом случае Москва вправе указать на то, что действия американцев явно выходят за пределы заявленных ими целей и параметров. Но даже если Россия закроет свое воздушное пространство для полетов в Центральную Азию, американцы смогут летать на свои объекты там через Пакистан и Афганистан. Так или иначе любое вовлечение государств региона в акции против Ирака и Ирана не улучшат отношения России ни с Америкой, ни с этими государствами. А стремление центральноазиатских элит сблизиться с Западом, не отходя при этом от традиционных связей с Россией, окажется под угрозой. В Центральной Азии надеются, что этого не произойдет.

За Великой стеной

“ Противостояние создает притяжение, незаметные сдвиги порождают обвалы и потрясения, счастье становится источником несчастья. Древняя диалектика, лежащая в основе китайской культурной традиции, и в наши дни может выглядеть на удивление современно ”

Красная Книга перемен

Китайские коммунисты верны заветам Конфуция

Александр Ломанов

В глубокой древности китайская цивилизация породила уникальный памятник, продолжающий завораживать иноземных интеллектуалов, – «Книгу перемен». Стройная замкнутая схема мироздания, отображенного при помощи графических символов-гексаграмм, учила китайцев ждать неизбежного повторения типологизированных жизненных ситуаций. Благоприятные годы сменялись годами бедствий, на место просвещенных правителей приходили деспоты, но в силу безостановочного чередования темного и светлого начал все возвращалось на круги своя, чтобы воспроизвестись снова и снова. Противостояние создает притяжение, незаметные сдвиги порождают обвалы и потрясения, счастье становится источником несчастья – эти представления легли в основу китайской культурной традиции.

Эпоха господства «Книги перемен» над умами образованных китайцев осталась в прошлом. Однако и в наши дни древняя диалектика может выглядеть на удивление современно. Прошедший в ноябре 2002 года в Пекине XVI съезд Коммунистической партии Китая (КПК) не внес кардинальных изменений в нынешнюю экономическую и политическую стратегию развития страны. Но именно это означает, что эпоха грандиозных перемен, начавшаяся в Поднебесной в конце 1970-х, будет продолжаться и впредь.

В дни съезда китайские руководители настоятельно подчеркивали, что в начале XXI века Поднебесная вступила в период невиданного процветания и несокрушимой стабильности. И все же мудрость древних заставляет помнить о том, что, достигнув своего пре-

А.В. Ломанов – д. и. н., ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

дела, вещь или событие начинают неумолимо стремиться к своей противоположности.

Политические итоги съезда были абсолютно предсказуемыми. Сбылись практически все ожидания экспертов, связанные со сменой власти или программными решениями. Однако уже в ближайшем будущем Китай ждет столкновение с серьезными испытаниями, прогнозировать исход которых затруднительно.

«МАЛЕНЬКИЙ ИМПЕРАТОР» ИЛИ ЛИДЕР «ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ»?

Самая крупная на планете политическая партия, монопольно руководящая самой населенной страной в мире, успешно начала на общенациональном съезде процесс организованной передачи власти. Впервые за полвека правления КПК смена власти в китайской компартии была столь полной и столь спокойной. Поколение 70-летних уступило 60-летним места в политбюро, оставив преемникам амбициозный план экономических преобразований. Был открыт путь к власти для так называемого «четвертого поколения» руководителей (в истории народного Китая 76-летний Цзян Цзэминь олицетворяет третье поколение лидеров, Дэн Сяопин – второе, а Мао Цзэдун – первое).

Передача партийно-государственной власти в Поднебесной происходит не так, как принято на Западе: это не одномоментный акт, а растянутый во времени процесс. После съезда сложилась деликатная ситуация, когда новый и старый лидеры страны делят между собой властные полномочия. Новоиспеченный молодой генсек Ху Цзиньтао (через месяц после съезда ему исполнилось 60 лет) лишь начинает путь к обретению реальной власти, к получению которой он готовился целое десятилетие. Имя преемника своего преемника Дэн Сяопин назвал еще на рубеже 1980–1990-х годов – тогда же, когда решил, что передаст власть Цзян Цзэминю.

Статус выдвиженца Дэн Сяопина укрепляет политические позиции нового генсека, поскольку авторитет «архитектора реформ» по-прежнему не подвергается сомнению со стороны китайской элиты. Однако Дэн Сяопин ушел из жизни еще в 1997-м, а историческая отдаленность его эпохального кадрового решения работает против Ху Цзиньтао. В 1990-е годы к власти приблизились новые молодые руководители, тесно сотрудничающие с Цзян Цзэмином. Благодаря связям и деловым качествам некоторые из них способны претендовать на роль партийно-государственного лидера не хуже Ху Цзиньтао.

Новый состав полностью обновленного Постоянного комитета политбюро ЦК КПК (из прежнего состава в нем остался один лишь Ху Цзиньтао), управляющего делами страны, отразил сохраняющееся политическое влияние Цзян Цзэминя. Шесть из девяти членов этого органа относятся к «людям Цзяна». К «шанхайской группировке» (в прошлом Цзян находился на партийной работе в Шанхае) не принадлежат лишь сам Ху Цзиньтао, вице-премьер Вэнь Цзябао и Ло Гань — протеже покидающего высшие эшелоны власти консервативного политика Ли Пэна. В настоящее время Ху Цзиньтао может рассчитывать на союзническую поддержку прежде всего со стороны Вэнь Цзябао, чьи интересы не связаны с интересами «шанхайской группировки». Ожидается, что в марте на сессии китайского парламента грамотный финансист и признанный сторонник реформ Вэнь Цзябао станет премьером Госсовета КНР, тогда как сам Ху Цзиньтао займет в дополнение к посту генсека кресло председателя КНР, принадлежащее ныне Цзян Цзэминю. Укрепление позиций этих двух политиков поможет сбалансировать влияние сил в новом составе государственной верхушки.

Наиболее сильной фигурой в новом Постоянном комитете политбюро является Цзэн Цинхун, известный своими доверительными отношениями с Цзян Цзэминем. Главный карьерный скачок в его жизни произошел в 1989-м в момент возвышения Цзян Цзэминя. Когда последний покинул пост секретаря Шанхайского горкома и стал генсеком ЦК КПК, он взял с собой в Пекин своего тогдашнего заместителя Цзэн Цинхуна. Все эти годы Цзэн был верным соратником китайского лидера, давал ему политические советы, сопровождал его в качестве специального помощника в зарубежных поездках, помогал избавляться от политических соперников. После десяти лет работы в канцелярии ЦК Цзэн в 1999 году возглавил орготдел ЦК. Эта должность дала ему возможность влиять на кадровые назначения и продвигать во власть своих союзников.

Многие аналитики с тревогой говорят о возможном конфликте между Ху Цзиньтао и Цзэн Цинхуном. Если за спиной первого стоит авторитет покойного Дэн Сяопина, то второй может опереться на ныне здравствующего и обладающего реальными рычагами власти Цзян Цзэминя. «Будущие отношения между ними окажут прямое влияние на стабильность нового руководства Китая. Если они смогут работать вместе, Ху, который десятилетие дожидался этого дня, получит шанс консолидировать свою власть и иностранные инве-

сторы будут успокоены. Если же их партнерство провалится, чего опасаются многие эксперты, политика станет грязной и иностранные инвесторы сильно занервничают»¹.

Ходили слухи, что Цзян Цзэминь и «шанхайская группировка» рассматривают Ху Цзиньтао как «чужака» и временную фигуру, из-за чего на XVII съезде КПК в 2007-м они могут попытаться сделать генсеком «своего» Цзэн Цинхуна². В реальности этот сценарий неосуществим. Цзэн старше Ху на три года, ко времени следующего съезда он достигнет критического возраста. К тому же Цзэн Цинхун не пользуется достаточной поддержкой внутри партии: на XV съезде Цзян Цзэминю так и не удалось провести своего протеже в состав политбюро, а на XVI съезде при выборах нового состава ЦК Цзэн набрал самое большое количество голосов «против». Да и новый генсек со временем наверняка сумеет укрепить свои позиции. «Шанхайская группировка» может попытаться убрать Ху с должности генсека до следующего съезда. Однако риск внутривнутрипартийной склоки и нарушения стабильности в масштабах всей страны многократно перевесит возможные выгоды от устранения политического конкурента.

Запланированное на первую половину марта утверждение смены государственного руководства формально завершит начатый в ноябре 2002-го процесс передачи власти «четвертому поколению». Однако стоит ожидать, что политические полномочия Цзян Цзэминя сохранятся и после этого рубежа. 76-летний Цзян Цзэминь продолжает находиться на посту председателя Центрального военного совета (ЦВС) КПК, который он будет занимать еще от трех до пяти лет. В официальном списке биографий членов руководящих органов ЦК КПК 16-го созыва, распространенном сразу после закрытия съезда, биография Цзян Цзэминя, не входящего больше в ЦК КПК, многозначительно стояла впереди биографии генсека Ху Цзиньтао. В декабре 2002-го, то есть более чем через месяц после съезда, китайские СМИ продолжали именовать Цзяна самым влиятельным членом нового руководства страны.

С одной стороны, сохранение прочных политических позиций за бывшим генсеком может сыграть важную роль в случае, если Ху Цзиньтао не сработается с «шанхайской группировкой». Хотя авторитет Цзян Цзэминя уступает авторитету Мао и Дэна, именно он остается наиболее сильным и авторитетным политиком современного Китая. Своевременное вмешательство Цзян Цзэминя может оказаться решающим, если политика нового лидера окажется неэф-

фективной и внутри руководства начнется раскол. Сохранение закулисного влияния Цзяна станет важным позитивным сигналом для китайского бизнеса и иностранных инвесторов, — это весомая гарантия от резких изменений политического курса и залог внутривнутриполитической стабильности.

Вместе с тем сохранение чрезмерной «опеки» со стороны прежнего лидера может сыграть роль тормоза на пути преобразований, особенно если представители руководства «третьего поколения», сообщившие о своем уходе из власти, будут по инерции слишком часто и активно вмешиваться в политику. Острозвучные из числа китайских диссидентов говорят, что после съезда Цзян Цзэминь занял пост «отца правящего императора» (*тай шан хуан*). При этом скептики предупреждают Ху Цзиньтао несчастливую судьбу молодого императора Гуансюя (1871-1908). В 1898 году в возрасте 27 лет этот правитель из маньчжурской династии Цин попытался реформировать политическую систему императорского Китая. Однако его начинания вызвали недовольство знати и вдовствующей императрицы Цыси (это еще одна историческая аллегория для нынешнего статуса Цзян Цзэминя), совершивших государственный переворот. Окружавшие молодого императора идеологи реформ были казнены, самого Гуансюя отлучили от управления страной вплоть до его безвременной кончины при таинственных обстоятельствах.

Существует вероятность того, что Цзян Цзэминь покинет все занимаемые им ныне партийные и государственные посты, но при этом обретет должность с весомыми полномочиями в некоей новой структуре. Это позволит ему решить чувствительную проблему «трудоустройства» влиятельных отставных политиков старшего поколения, не вошедших по возрасту в новый состав ЦК. В определенной степени это было бы повторением опыта Дэн Сяопина двадцатилетней давности, создавшего для аналогичных целей при ЦК комиссию советников. В первой половине года в Китае может быть создан Совет национальной безопасности (СНБ), председателем которого станет Цзян Цзэминь, а вице-председателем и исполнительным секретарем — Цзэн Цинхун. В этом случае сформируется механизм «взаимного сдерживания» между Ху Цзиньтао и Цзэн Цинхун: на посту заместителя председателя ЦВС Ху обретет влияние над военной сферой, тогда как Цзэн станет проводником внешнеполитических замыслов Цзян Цзэминя³. В будущем же китайский СНБ может стать важным политическим инструментом государства,

способным воздействовать как на внешнюю, так и внутреннюю политику страны.

Усилия Цзяна по продвижению во властные структуры представителей «шанхайской группировки» вызывают отторжение у кадровых работников, не входящих в эту группировку. В результате аппаратчики, делающие ставку на постепенное ослабление влияния «шанхайской группировки», могут начать симпатизировать и оказывать содействие Ху Цзиньтао ⁴ и он получит возможность рассчитывать на их поддержку. На повышение авторитета Ху работает и его успешный опыт руководящей работы в захолустных бедных районах (Ганьсу, Гуйчжоу и Тибет), а не в богатых приморских провинциях, руководители которых стали оплотом «шанхайской группировки». Управленцы в менее развитых провинциях могут поддержать Ху, увидев в нем возможного союзника и защитника своих интересов.

До сих пор осмотрительный Ху Цзиньтао не сказал и не сделал ничего, что могло бы повредить его шансам на продвижение во власть. Внутри Китая он успел внушить надежды не только реформаторам, но и консервативным силам, ожидающим, что Ху ужесточит тон общения с США, отбросив якобы присущее Цзян Цзэминю «низкопоклонство» перед Вашингтоном. На Западе фрагментарные сведения о политической биографии Ху Цзиньтао обычно ограничиваются эпизодом его участия в подавлении беспорядков в Тибете. На этом основании нового лидера априорно считают сторонником репрессивных методов. Вместе с тем «комсомольская фракция», к которой относился покойный генсек Ху Яобан и к которой причисляют самого Ху Цзиньтао, славится либеральными и реформаторскими традициями, что дает основания видеть в новом руководителе сторонника преобразований.

На превращение в полноправного лидера руководства «четвертого поколения» Ху Цзиньтао потребуется, как минимум, полтора-два года. Ему нужно будет учитывать интересы как Цзян Цзэминя, так и «шанхайской группировки» в Постоянном комитете политбюро. Идеологических оппонентов у него нет, как нет внутри китайского руководства и политически разделенных «фракций» прежнего образца — их место заняли группировки, обладающие определенными интересами.

Маловероятно появление среди нового поколения руководителей Китая «неомаоистов», способных попытаться затормозить рыночные реформы во имя консервации последних остатков старой уравнилельной системы. В ходе возможного соперничества между Ху Цзиньтао и Цзэн Цинхуном ни одна из сторон не сможет претендовать на роль

«защитника реформ». Даже если Цзэну вдруг удастся занять место Ху, сама по себе замена одного толкового аппаратчика другим не повлияет на стратегический курс китайских реформ. Опасность для страны представляет политическая склока, которая будет сопутствовать этой перестановке, поскольку даже кратковременное ослабление централизованной власти и утрата управляемости могут привести Китай к хаосу. Реформаторская политика Ху Цзиньтао будет сталкиваться прежде всего с организационными, а не с идеологическими вызовами. Ему придется демонстрировать в первую очередь умение налаживать отношения с различными группировками внутри элиты, сглаживать противоречия между элитой и массами, решать неотложные социальные и экономические проблемы.

ПОД ЗНАМЕНЕМ «ТРОЙНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА»

Стартовые условия для превращения Ху Цзиньтао в нового китайского лидера выглядят необычайно благоприятными. Покидая пост генсека, Цзян Цзэминь представил соратникам внушительный список достижений. За 13 лет его правления средний годовой прирост экономики составил 9,3 %, в этот период Китай поборол инфляцию, успешно выдержал натиск азиатского финансового кризиса, страна вступила в ВТО и начала процесс вхождения в мировую экономику. «По общему признанию, эти 13 лет стали периодом огромного роста совокупной мощи страны, давшим народу наибольшие выгоды; периодом длительной стабильности и сплоченности в обществе, когда правление было успешным и люди жили в согласии; периодом заметного роста нашего международного влияния и огромного повышения национальной спаянности»⁵ — так оценил на съезде итоги своего руководства сам Цзян Цзэминь. В дополнение к этому он ввел новую точку отсчета истории китайских реформ: вместо традиционного 1978 года, когда Дэн Сяопин впервые провозгласил курс преобразований, взят июнь 1989-го. Тогда, вслед за трагическими событиями на площади Тяньаньмэнь, на пленуме ЦК Цзян Цзэминь был избран на пост генсека.

Политический триумф Цзяна был подкреплён решением съезда канонизировать его имя в партийном уставе наряду с именами Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Отныне в Уставе КПК зафиксировано: в период после 1989 года «китайские коммунисты в лице товарища Цзян Цзэминя как своего главного представителя в ходе практики

строительства социализма с китайской спецификой глубже осознали, что такое социализм и как его строить, какую строить партию и как ее строить, накопили новый ценный опыт управления партией и страной, сформировали важные идеи тройного представительства⁶.

Закрепление за «важными идеями тройного представительства» статуса официальной партийной идеологии стало вторым по значимости событием съезда, уступающим, пожалуй, лишь смене руководства. Содержание «важных идей» выглядит незамысловатым: КПК «представляет требования развития передовых производительных сил Китая, прогрессивное направление китайской передовой культуры и коренные интересы самых широких слоев китайского народа». С ноября 2002 года КПК официально руководствуется этими «важными идеями» наряду с марксизмом-ленинизмом, «идеями Мао Цзэдуна» и канонизированной в 1997-м «теорией Дэн Сяопина».

По мнению китайского исследователя Кан Сяогуана, «тройное представительство» стало «политическим манифестом альянса элит», указывающим на «движение к институционализации союза политической, экономической и интеллектуальной элит»⁷. Правящая политическая элита извлекла урок из событий 1989 года, когда оппозиционно настроенная либеральная интеллигенция попыталась бросить вызов монополющей власти компартии. В 1990-е партийной верхушке удалось перетянуть на свою сторону китайских интеллектуалов, при этом методы подкупа и запугивания выполняли лишь вспомогательную функцию. Интеллигенция сама сделала выбор в сторону националистически-консервативной идеологии — свою роль в этом сыграли успехи КПК в руководстве экономикой, трудности в бывшем СССР, быстро распространившееся недоверие к демократическим странам Запада и страх перед возможностью повторения внутривнутриполитических потрясений.

Теперь компартии предстоит оформить и сцементировать свой альянс с предпринимательскими кругами, что невозможно без внесения изменений в идеологию. Содержательный смысл доктрины «тройного представительства» сводится к признанию того, что в современном Китае наиболее передовые и эффективные «производительные силы» находятся в частных руках. КПК еще не может позволить себе официально отказаться от лозунга «классовой борьбы» и статуса «пролетарского авангарда», опасаясь кризиса легитимности своей власти. Однако КПК открыто заявила о том, что хочет руководить не только бедными (промышленные рабочие в государст-

венном секторе страдают от масштабной безработицы, рост доходов крестьян опасно отстал от роста доходов городского населения), но и богатыми китайцами.

На съезде дана официальная санкция на прием в ряды КПК представителей новых социальных слоев, появившихся и укрепивших свои позиции за годы рыночных реформ. Это дает партии возможность официально институционализировать альянс с новой экономической элитой. КПК надеется, что такой путь поможет не допустить консолидацию буржуазии вне рамок существующей политической системы в качестве потенциально опасной оппозиционной силы. Однако в отдаленной перспективе тесное сращивание политической и экономической элит в рамках авторитарной системы грозит Китаю опасностью формирования «кумовского капитализма», проявившего себя в конце 90-х годов как препятствие для роста экономик Юго-Восточной Азии.

Хотя Ху Цзиньтао принял из рук Цзян Цзэмина бразды правления динамично и устойчиво развивающейся страной, существуют

Власти призывают не спрашивать о том, почему во главе страны с рыночной экономикой продолжает стоять партия, пришедшая к власти под флагом обобществления частной собственности и борьбы с эксплуатацией человека человеком.

серьезные предпосылки для экономического кризиса. Сохранить власть и после страшного голода, сопровождавшего катастрофический «великий скачок», и после хаоса «культурной революции» компартия смогла благодаря жесткому политико-идеологическому контролю, основанному на социальной однородности общества. В период реформ партия полагалась на непрерывность экономического роста, сде-

лав китайскому обществу предложение, от которого было невозможно отказаться: свобода зарабатывать деньги в обмен на лояльность к авторитарной власти. За эти годы страна ушла «вправо» так далеко, что теперь социалистическому Китаю угрожает взрыв недовольства «новых бедных» — городских маргиналов из числа уволенных промышленных рабочих и недавних мигрантов из деревни, недовольных своим низким социальным статусом.

Социальная база КПК перевернулась с ног на голову. При Мао гарантами стабильности режима были рабочие и крестьяне, тогда как угроза власти КПК исходила от помещиков, предпринимателей и «буржуазной интеллигенции». Теперь угрозу представляют соци-

альные низы, тогда как предприниматели и интеллигенция, интегрированные в новую систему элит, выступают в качестве опоры для нынешней власти. КПК исходит из того, что непрерывный экономический рост создаст достаточно новых материальных благ, распределение которых среди масс и в рядах элиты предотвратит как социальный взрыв, так и раскол среди верхов. Однако социальный или экономический кризис может разрушить этот хрупкий баланс, если КПК внезапно утратит способность обеспечивать экономический рост. Вслед за этим Китай может вступить в период тяжелых потрясений, поскольку КПК в значительной мере утратила прежние рычаги тоталитарного управления, позволявшие мобилизовать общество при помощи жесткого идеологического и политического давления.

Призыв отказаться от споров о «капиталистичности» или «социалистичности» китайских рыночных реформ прозвучал из уст Дэн Сяопина почти за десять лет до того, как в феврале 2000 года Цзян Цзэминь впервые выступил с идеей «тройного представительства». Однако при Дэне этот призыв означал необходимость не отвергать рыночные преобразования из-за их «капиталистической» природы, видимым образом противоречащей привычным устоям социалистического государства. За прошедшие годы Китай изменился, а частная экономика пустила глубокие корни. В нынешних условиях власти призывают людей не спрашивать о том, почему во главе страны с рыночной экономикой продолжает стоять партия, пришедшая к власти путем революции под флагом обобществления частной собственности и борьбы с эксплуатацией человека человеком. «Тройное представительство» подразумевает, что отныне целью партии является развитие производительных сил. Во имя достижения этой цели людям необходимо быть готовыми на жертвы и издержки в виде роста безработицы, имущественного расслоения и перетока общественной собственности в руки эффективных частных бизнесменов.

Внешнему наблюдателю современная идеология КПК кажется двойственной и эклектичной. Ключевые теоретические тезисы в докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде сформулированы по типу «и нашим и вашим». Партия остается марксистской, но открывает широкий простор для инноваций в теории. Партия остается «авангардом рабочего класса», но одновременно провозглашает себя «авангардом китайского народа и китайской нации» и отворяет свои двери для капиталистов. Партия уважает людей труда, но гарантирует защиту всех законных нетрудовых доходов. Партия исходит из ведущей роли государственного

сектора, но всеми силами поощряет развитие частной экономики.

Последнее положение получило на китайском политическом сленге имя «двух “без всяких колебаний”»: на съезде Цзян Цзэминь призвал «без всяких колебаний укреплять и развивать» госсектор и одновременно «без всяких колебаний поощрять, поддерживать и ориентировать» развитие частной экономики. При этом сохранение господства госсобственности и стимулирование частной экономики «нельзя друг другу противопоставлять», так как оба сектора могут реализовывать свои преимущества в ходе рыночной конкуренции⁸. На деле, несмотря на формальное признание одинаковой важности обоих секторов экономики, число госпредприятий в Китае сокращается и будет сокращаться впредь. Руководители страны уклончиво ссылаются при этом на необходимость «повышения качества» госсектора.

Процесс превращения «тройного представительства» в официальную идеологию КПК встретил сопротивление внутри партии. «Старые левые» (классические маоисты) открыто возвысили голос против намерения Цзян Цзэминя «капитулировать» перед новой китайской буржуазией, открыв для нее путь к членству в рядах КПК. Попытки оппонентов развернуть критическое обсуждение «тройного представительства» были пресечены с помощью административного ресурса. В первой половине 2001-го в Китае были закрыты два общественно-научных журнала, опубликовавшие материалы, авторы которых позволили выразить сомнение в соответствии идеологических изысканий Цзян Цзэминя нормативной коммунистической теории. Цзян одержал победу, однако критики продолжают указывать на то, что «тройное представительство» было навязано партии сверху без широкой общепартийной дискуссии и «недемократическими методами».

Покидая пост генсека, Цзян Цзэминь завещал соратникам «идти в ногу со временем» и не бояться отказываться от отживших взглядов. Призыв к смелым инновациям и к тому, чтобы «превзойти предшественников», облегчит жизнь новому поколению руководителей, избавив его от необходимости тратить силы на тщетную адаптацию устаревших догм к современной ситуации. В отличие от социально-экономической сферы политические институты Китая все еще закрыты для масштабной «инновации». В будущем это может превратиться из стабилизатора реформ в их тормоз.

Немногочисленные китайские либералы-«восьмидесятники», связанные с демократическим движением конца 1980-х годов, дали итогам XVI съезда низкую оценку из-за того, что КПК все еще не

решается на проведение реформы политической системы. Бывший директор Института марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна Академии общественных наук (АОН) Китая Су Шаочжи, прославившийся в середине 80-х своими радикальными реформаторскими планами, заявил, что «КПК отдаляется от демократизации все больше и больше»⁹. По его словам, ход съезда был полностью подконтролен Цзян Цзэминю и делегаты безропотно утверждали все предложения руководства. Это по-прежнему не дает оснований надеяться на то, что демократизация внутрипартийной жизни подтолкнет ход политических преобразований в масштабах всей страны.

Представители «новых левых», выступающие с обличениями социальной несправедливости нынешней политики китайских властей, также заявили о сомнениях в легитимности происходящего «переворота». Известный исследователь и публицист Хэ Цинлянь, выступившая во второй половине 1990-х годов с критикой социальных издержек реформ, заявила: «XVI съезд КПК выдвинул “тройное представительство” для того, чтобы преодолеть конституционный препон: ведь китайская конституция ясно провозглашает, что власть в стране является “демократической диктатурой народа, осуществляемой под руководством рабочего класса на основе союза рабочих и крестьян”. В период реформ и открытости рабочие столкнулись с маргинализацией, многие потеряли работу, их социальный статус снизился. Компартии приходится искать новую базу для управления страной. Для этого и было выдвинуто “тройное представительство”: политическая элита позволила элитам экономической и интеллектуальной участвовать в распределении выгод. На этой основе создавался новый союз элит. Однако положение двух последних элит в этом союзе является слабым, они могут рассчитывать на некоторое число мест в парламенте или Народном политическом консультативном совете, не имея при этом права участвовать в политических решениях»¹⁰.

КПК обладает достаточным властным ресурсом и экономическим потенциалом для того, чтобы игнорировать эти замечания. Но провозглашенная задача поддержания стабильности требует согласования интересов элиты и масс. Примечательно, что свою первую программную политическую речь в статусе генсека Ху Цзиньтао произнес в конце 2002 года не в столице, а во время посещения коммунистической революционной базы в Сибайпо (провинция Хубэй). Он насытил выступление реверансами в адрес Мао Цзэдуна и

призывами к скромной жизни и самоотверженной борьбе. По его словам, «в новых исторических условиях всем членам партии, и в особенности руководящим работникам, придется пройти через испытание их способности отстаивать и развивать лучшие традиции самоотверженной борьбы, их способности устоять перед искушениями власти, денег и плоти»¹¹.

Создалось впечатление, что романтические отсылки Ху к революционному энтузиазму 1940-х должны были успокоить рядовых членов партии, глубоко обеспокоенных коррупционным сращиванием аппаратчиков с бизнесменами и утратой КПК своей изначальной пролетарской классовой сущности. Обратившись к партийной идеологии «тройного представительства», новый генсек поставил акцент на необходимость «служить народу» и «заботиться об интересах широких масс», умолчав при этом о «передовых производительных силах», ассоциирующихся в глазах простых людей с частнокапиталистической экономикой. Популистские интонации в выступлении Ху Цзиньтао информированные источники связывают с желанием нового лидера заявить о себе как о защитнике интересов народа, способном остановить социальное расслоение и заставить партию думать о проблемах маргинализованной части китайского населения¹².

Г О В О Р И М — П А Р Т И Я , П О Д Р А З У М Е В А Е М — К О Н Ф У Ц И Й

КПК по-прежнему называет своей конечной целью построение коммунизма. О сроках вступления Китая и даже его отдельных провинций в светлое будущее любил рассуждать Мао Цзэдун, считавший перспективу бесклассового общества делом нескольких лет, в лучшем случае десятилетий. Теперь китайская компартия говорит лишь о «начальной стадии социализма», которая продлится, как минимум, столетие.

Дефицит реально достижимых программных целей был восполнен в 1979 году Дэн Сяопином: он призвал китайцев строить общество «малой зажиточности» (*сяокан*), представления о котором уходят к древнекитайской мысли и учению Конфуция. Тема строительства общества «малой зажиточности» стала центральной в документах XVI съезда: даже в названии доклада Цзян Цзэминя «сяокан» символическим образом стоит выше «социализма с китайской спецификой».

Впервые упоминание о «сяокан» встречается в древнем памятнике «Ши цзин» («Книга стихов»), сформировавшемся в X–VI веках

*«Пусть философия будет острым оружием в руках масс».
Пропагандистский плакат начала 70-х*

до нашей эры: «Народ все трудится, пора дать ему передышку (*сяо-кан*)». В современном китайском контексте эта фраза может быть понята как актуальный призыв позволить людям отдохнуть от казарменного социализма. Однако китайских идеологов XX века (к лозунгу «сяо-кан» обращался не только Дэн Сяопин, но и гоминьдановский вождь Чан Кайши) вдохновлял знаменитый фрагмент из главы «Действие ритуала», входящей в древнюю классическую книгу «Ли цзи» («Записи о ритуале», IV–I вв. до н. э.)¹³.

В «Ли цзи» содержится описание движения Поднебесной от процветания в древности к упадку. Поначалу люди жили в идеальном обществе «великого единения» (датун), когда «Поднебесная принадлежала всем». В то время все люди относились к другим, как к своим родным; они не копили добро; уходя из дома, они не запирали дверей. Такова была древняя китайская мечта об утопическом эгалитарном строе, где нет частной собственности и все принадлежит всем.

Потом «великий путь померк» и Поднебесная стала собственностью отдельных семей. Люди стали любить лишь своих родственни-

ков и детей, «вещи и силы они берегли для себя», у них появилось свое имущество, которое они обнесли оградами. Чтобы упорядочить отношения между людьми, были созданы ритуал и этика, которые заложили основы иерархических моральных отношений между правителем и подданными, родителями и детьми, старшими и младшими братьями, супругами. Это и есть ступень «малой зажиточности» или «малого спокойствия» (знак *кан* допускает оба варианта перевода): общество перестало быть монолитным целым, собственность разделилась между людьми, однако этические ограничения удерживают людей от недостойных поступков.

В конце XIX века китайские реформаторы разъясняли эту схему в духе утопического социализма, поставив задачу практического построения общества «великого единения», путь к которому пролегает через «малую зажиточность». В современном Китае компартия поначалу истолковала «сяокан» в категориях материального благо-

На месте нынешних умеренных прагматиков от КПК могут оказаться националисты, которые попытаются укрепить власть внутри страны, разжигая эмоции и натравливая людей на внешнего врага, прежде всего — Россию.

состояния и душевого дохода. В 1987-м Дэн Сяопин предложил следующую схему: за 80-е годы увеличить ВВП на душу населения с 250 до 500 долларов США, за 90-е опять увеличить этот показатель вдвое — до 1 000 долларов, после чего «бедный и убогий Китай станет страной со средним достатком (*сяокан*)»¹⁴. Третий шаг — в XXI веке за 30–50 лет увеличить ВВП на душу населения еще в четыре раза

до 4 тыс. долларов, попытавшись тем самым приблизить Китай к среднемировому уровню.

XVI съезд подтвердил верность «трехшаговой схеме» Дэн Сяопина и призвал сделать третий шаг и вывести душевой показатель ВВП к 2020 году на уровень в 3 тыс. долларов. При этом компартия оценила имеющийся уровень «малой зажиточности» как низкий, лишенный всесторонности и несбалансированный. В связи с этим на съезде был провозглашен лозунг «всестороннего строительства общества сяокан» в экономике, политике и культуре, невольно вызывающий в памяти рассуждения советских идеологов о «развитом социализме».

Однако продолжающееся расслоение китайского общества делает все более актуальным древнее понимание «сяокан» как общества

частных собственников. Вот какое описание «сяокан» в современных понятиях предложил ученый АОН Китая Цзян Гуанхуэй: «Во-первых, [в обществе “сяокан”] реализуется система частной собственности. Труд более не является сознательным совместным трудом, он становится средством достижения собственной выгоды. Во-вторых, “Поднебесная, принадлежащая всем” стала “Поднебесной, принадлежащей семьям”. В-третьих, жизнь людей уже не такая мирная и спокойная. Однако общество “сяокан” не утрачивает привлекательности, поскольку оно обладает хорошими институтами, — в нем существуют “ритуалы” (*ли*). ...Так называемый “сяокан” представляет человеческое общество, только лишь входящее в эпоху частной собственности, в котором государство, опирающееся на ритуал и этический долг, поддерживает порядок с помощью правовых институтов и моральных норм»¹⁵.

Итоги двух десятилетий реформ показали глубокую метафоричность сделанной Дэн Сяопином проекции древней утопии на реалии современного Китая, подтвердив верность убежденности древних китайцев в циклическом характере истории. Попытка Мао Цзэдуна построить утопическое коммунистическое общество «великого единения» оказалась несостоятельной. Теперь люди вновь перестали ставить общее выше частного. «Великое дао» коммунистической идеологии «померкло», утратив авторитет в глазах народа. Китайские власти не пытаются повернуть время вспять к периоду казарменного коммунизма. Они хотят удержать общество хотя бы на уровне «малого спокойствия», не дав ему утратить последние моральные ориентиры и препятствуя безудержному стремлению людей к достижению личной выгоды. При этом программные лозунги, окрашенные в традиционалистские и националистические цвета, способны сплотить расколотое китайское общество более эффективно, чем утратившие релевантность классовые и интернационалистические лозунги.

Примечательно, что в 2000 году в партийно-пропагандистском лексиконе китайской компартии появилась фундаментальная категория древней культуры «дэ», означающая «добродетель» или «благодать». Цзян Цзэминь провозгласил идею соединения «управления страной на основе закона» с «управлением страной при помощи добродетели» (*и дэ чжи го*), продемонстрировав уважение к традиционной конфуцианской убежденности в важности моральных норм для установления гармоничных отношений между правителями и подданными. Конфуций считал, что наставление

народа посредством добродетели и ритуала куда продуктивнее его запугивания при помощи законов и наказаний (см., напр.: «Лунь юй», II:3¹⁶). Хотя китайские власти уже давно говорят о необходимости противопоставить рыночной психологии погони за богатством и материальными удовольствиями идеалы социалистической «духовной цивилизации», лишь теперь эта программа была облечена в узнаваемые конфуцианские формы. В связи с этим на съезде была зафиксирована необходимость создания такой «социалистической системы идеологии и морали», которая не только соответствовала бы требованиям рыночной экономики и действующего законодательства, но и наследовала бы «лучшие этические традиции китайской нации»¹⁷.

ЗА МНОГОПОЛЯРНСТЬ БЕЗ ГЕГЕМОНИЗМА

Хотя идеологические инновации предназначены руководством КПК прежде всего для внутренней аудитории, сближение с экономической элитой и мимикрия под социал-демократическую партию также помогают КПК общаться с внешним миром. Выполнение заявленных властями амбициозных внутривластных целей невозможно без экономического сотрудничества с другими странами. Процветание Поднебесной все больше зависит от развития международной торговли: пропорциональное росту ВВП четырехкратное увеличение внешнеторгового оборота доведет его объем к 2020 году до уровня в два с лишним триллиона долларов. Реализация этой цели превратит Китай в мощную торговую державу, тесно вовлеченную в мировую экономику.

Чтобы претворить эти планы в жизнь, Китай заинтересован в обеспечении стабильности не только внутри, но и вовне страны. Компартия решила не повторять ошибок СССР и не брать на себя разорительное бремя соперничества с Западом и помощи «мировому рабочему и коммунистическому движению». Своими внешнеполитическими приоритетами КПК провозгласила «защиту мира во всем мире и содействие совместному развитию», заявив о поддержке становления стабильного многополярного мира и экономической глобализации. В качестве негативных явлений мирового масштаба Цзян Цзэминь упомянул о гегемонизме, силовой политике, терроризме и разрыве между богатыми и бедными странами. Старая идея мирного сосуществования превратилась в концепцию всестороннего сотрудничества, обретшую отчетливый

культурно-цивилизационный оттенок: «Мир богат и многокрасочен. Существующие в мире цивилизации, различные общественные уклады и пути развития должны пользоваться взаимным уважением, в процессе соперничества и сравнения надо заимствовать полезное и совместно развиваться на основе поиска общего при сохранении различий»¹⁸.

В докладе не было упомянуто ни одной конкретной страны мира, в том числе и России. Однако компартия особо заявила о желании крепить дружбу с соседями, выделив это направление сотрудничества в особый пункт: «Мы продолжим укреплять добрососедскую дружбу, будем придерживаться доброжелательных отношений с соседями и относиться к соседям как к партнерам, выводить на новый уровень обмен и сотрудничество с окружающими государствами»¹⁹.

Пекин не скрывает, что заинтересован в стабильной и предсказуемой ситуации на своих рубежах. То же самое можно сказать и о России. Соседство с динамично растущим азиатским гигантом является для России, как сказали бы сами китайцы, не только вызовом, но и источником новых возможностей в области экономического сотрудничества, координации усилий на международной арене, совместной борьбы с террористическими угрозами в Азиатском регионе. Прагматический подход Китая в контактах с Россией определяется все возрастающей необходимостью получения новых источников сырья, постепенным снижением потребности в закупках вооружения и долгосрочным интересом к новому перспективному рынку для сбыта товаров, произведенных в китайской «всемирной мастерской». И хотя нынешнее усиление Китая пугает российскую общественность, хаос в Китае может быть куда опаснее.

Во-первых, беспорядки и ослабление жесткой централизованной власти могут спровоцировать поток экономической миграции в соседние страны, в том числе и в Россию, относительная привлекательность которой в глазах китайских соискателей лучшей жизни повысится. В этой ситуации нынешние спекуляции о миллионах китайских нелегалов, живущих на просторах Сибири, могут стать реальностью.

Во-вторых, хаос способен привести к захвату власти в окраинных провинциях Китая национал-сепаратистами, что может прямо ударить по безопасности России. Если судьбы Тибета и Тайваня являются для Москвы абстрактными вопросами двусторонней политики (как и для Пекина — Чечня), возможное превращение китай-

ского Синьцзяна в исламистский «Восточный Туркестан» немедленно дестабилизирует всю Центральную Азию. Это вынудит Россию потратить дополнительные средства и силы на обеспечение своей безопасности на южном направлении.

В-третьих, на месте нынешних умеренных прагматиков от КПК могут оказаться националисты, которые попытаются укрепить власть внутри страны, разжигая эмоции и натравливая людей на внешнего врага. Популистское требование пересмотреть наследие «преступного режима» коммунистов достаточно быстро приведет к территориальному реваншизму, направленному прежде всего против России.

Показательным примером могут послужить взгляды Янь Цзяци – бывшего директора Института политологии АОН Китая, активного пропагандиста демократической реформы политической системы КНР накануне «Пекинской весны» 1989 года. В настоящее время Янь живет в США и выступает с беспощадной критикой КПК и ее руководителей. Незадолго до начала съезда он заявил, что за 13 лет правления Цзян Цзэминь допустил в области развития отношений с Россией лишь одну ошибку: он «на деле признал неравноправные китайско-российские договоры полуторавековой давности» и согласился провести демаркацию границы на их основании, «в договорной форме отказавшись от права Китая возратить земли, оккупированные царской Россией»²⁰. Эмоционально накаленный реваншизм китайского экс-либерала и блестяще образованного интеллектуала тревожит куда больше, чем присутствие китайских торговцев на российских базарах. «Чем больше я сравниваю договоры и способы определения границ Китая и России сегодня и в конце династии Цин, тем больше возмущаюсь и гневаюсь. Я возмущаюсь: на каком основании великая Цинская династия могла без войны уступить земли России?! Я гневаюсь: как Цзян Цзэминь без войны и без поражения мог по своей воле уступить права Китая!» – восклицает Янь Цзяци.

Причину сближения между КНР и Россией в 1990-е Янь видит в «разложившейся политической власти Цзян Цзэминя» и влиянии на внешнюю политику «просоветской фракции» в политбюро ЦК (Цзян Цзэминь, Ли Пэн и бывший глава МИДа Цянь Цичэнь). Причину «уступки» он объясняет тем, что после событий 4 июня 1989 года Пекин оказался в международной изоляции, выйти из которой власти решили путем сближения с СССР любой ценой. Те-

перь Янь Цзяци требует, чтобы китайский парламент привлек Цзян Цзэминя «к ответственности за ущерб, нанесенный Китаю в вопросе о китайско-российской границе». Он также призывает заново пересмотреть и исправить заключенные пограничные соглашения и поставить перед Москвой вопрос о «справедливом» решении территориальной проблемы на основании Устава ООН и «общепризнанных норм международного права».

Реализация этого сценария вряд ли поможет Китаю расширить свои границы, однако возобновление угасшей за последнее десятилетие взаимной подозрительности и ремилитаризация пограничных районов вполне вероятны. На деле же своими «уступками» Цзян Цзэминь обеспечил растущему Китаю прочные тылы, избавив страну от необходимости держать на ее северной границе мощную военную группировку. Сложившаяся ситуация вынуждает Москву искренне поддерживать официальный Пекин. Провоцирующие раздражение китайского руководства контакты с антикоммунистическими оппозиционными силами во имя «торжества идеалов демократии» не только тактически невыгодны, но и стратегически опасны: смена власти в Китае способна сильно повредить интересам безопасности России. При этом Москва объективно заинтересована в том, чтобы Цзян Цзэминь сохранял свое закулисное влияние на китайскую политику как можно дольше, выступая гарантом стабильности двусторонних отношений.

¹ *Lawrence S. A Power Crisis Looms // The Far Eastern Economic Review.* 2002. December 26 – 2003. January 02.

² *Willy Wo-Lap Lam. The New Deal in Beijing // China Brief.* Vol. II, Issue 23. 2002. November 21.

³ *Kanwa News.* 2002. December 20.

⁴ *Willy Wo-Lap Lam. Signs of Anti-Jiang backlash are growing // China Brief.* Vol. II, Issue 24. 2002. December 10.

⁵ *Цзян Цзэминь.* Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуэй, кайчуан чжунго тэсэ шэхуэйчжуй шиэ синь цзюймянь – цзай Чжунго гунчаньдан ди шилюцы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао (Всесторонне строить общество малой зажиточности, создать новую обстановку для дела социализма с китайской спецификой – доклад на XVI общенациональном съезде КПК). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 6.

⁶ Чжунго гунчаньдан чжанчэн (Устав КПК). Пекин: Жэньминь чу-

баньшэ, 2002. С. 2–3.

⁷ Кан Сяогуан. Вэйлай 3–5 нянь Чжунго далу чжэнчжи вэньдинсин фэньси (Анализ политической стабильности материкового Китая в ближайшие 3–5 лет) // Чжаньюэ юй гуаньли. 2002. № 2 (52). С. 10.

⁸ Цзян Цзэминь. Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуэй, кайчуан чжунго тэсэ шэхуэйчжуи шиэ синь цзюймянь... Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 25

⁹ Вэнь Мэй. «Шилюда» хоу чжэнцзюй чжаньван – цзи «Чжэнмин» чуанкань нянь у чжоунянь сюэшу таолуньхуэй (Перспективы политической ситуации после XVI съезда – научная конференция, посвященная 25-й годовщине создания журнала «Чжэнмин») // Чжэнмин. № 303. 2003. Январь.

¹⁰ Чжунгун шилюда юй Чжунго цянью (XVI съезд КПК и перспективы Китая) // Бэйцзин чжи чунь. № 116. 2003. Январь.

¹¹ Синьхуа. 2003. 2 янв.

¹² Willy Wo-Lap Lam. Hu Jintao: Playing by the rules // China Brief. Vol. III, Issue 1. 2003. January 14.; Murphy D. Hu Steps Out // The Far Eastern Economic Review. 2003. January 23.

¹³ См. этот фрагмент в переводе И.С. Лисевича / Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 100–101.

¹⁴ Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1987. С. 188.

¹⁵ Бэйцзин жибао. 2002. 19 ноября (цит. по: <http://www.peopledaily.com.cn/GB/guandian/29/171/20021110/869481.html>)

¹⁶ Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй» / Исследование, перевод с китайского, комментарии. М.: издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 306.

¹⁷ Цзян Цзэминь. Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуэй, кайчуан чжунго тэсэ шэхуэйчжуи шиэ цзюймянь... Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2002. С. 39

¹⁸ Там же. С. 48.

¹⁹ Там же. С. 48.

²⁰ Янь Цзяци. Чжун Э бяньцзе вэньти бисюй цзай и (Необходимо вновь обсудить вопрос о китайско-российской границе) // Дунсян. № 207. 2002. Ноябрь. (<http://www.chengmingmag.com/t207/select/207sel03.html>).

Глобальная экономика

“ Впервые в истории неравенство порождается личными усилиями и успехами представителей одной части общества или одной части цивилизации, и потому в соответствии с традиционными представлениями о справедливости «новое неравенство» нельзя признать несправедливым ”

Глобализация и неравенство: что – причина,
что – следствие? *Владислав Иноземцев*

158

Почему я поддерживаю антиглобалистов *Жозе Сарамагу*

176

Глобализация и неравенство: что — причина, что — следствие?

Владислав Иноземцев

Рассуждения о глобализации стали приметой нашего времени. Этот не вполне четкий термин, появившийся в литературе в начале 1980-х годов, распространился по страницам научных работ и публицистических статей не менее стремительно, чем в свое время «постиндустриальное общество» или эпоха «модернити». Прошедшие двадцать лет дискуссий о глобализации резко поляризовали отношение исследователей к феномену, скрывающемуся за этим словом. Оказалось, что многие фундаментальные проблемы теории глобализации (если можно говорить о наличии таковой) остались нерешенными. Так, например, до сих пор остается вопросом, не представляет ли собой понятие «глобализация» лишь более «политкорректную» версию термина «вестернизация». Следует ли считать феномен глобализации новым явлением международной и социальной жизни? Ведь общественные науки доказывают, что сегодняшние процессы могут рассматриваться, по меньшей мере, как третья волна глобализации, что масштабы взаимодействия крупнейших национальных экономик в конце XIX столетия по большинству параметров были солиднее, чем в канун XXI века. Наконец, вопрос о связи глобализационных процессов и углубления неравенства в мире не только не имеет вразумительного ответа, но и, как я полагаю, даже не сформулирован пока адекватным образом.

В.Л. Иноземцев — д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике», заместитель главного редактора журнала «Свободная мысль—XXI».

К ИСТОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современная глобализация представляется мне процессом преобразования региональных социально-экономических систем, уже достигших высокой степени взаимозависимости, в единую всемирную систему, развивающуюся на базе относительно унифицированных закономерностей. Используя термины, введенные в научный оборот Фернаном Броделем, можно сказать, что глобализация представляет собой превращение ряда обособленных мирохозяйств (*l'économie-monde*) в мировую экономику (*l'économie mondiale*).

В то же время следует иметь в виду, что сами по себе различия между *l'économie-monde* и *l'économie mondiale* не слишком очевидны; любое *l'économie-monde* потому и выступает в качестве такового, что границы самого мира (*monde*) представляются совсем не такими, какими они кажутся нам сегодня. Становление Римской империи, проникновение венецианской торговли на Восток и утверждение европейских позиций на американском континенте были для современников не менее «глобальными» процессами, чем опутывание земного шара сетями Интернета. Рассматривая динамику глобализации, необходимо не упускать из виду два важнейших обстоятельства.

Во-первых, каждый из ее этапов — начиная с развития средиземноморской торговли и до наших дней — был непосредственно обусловлен технологическими достижениями и поступательной сменой доминирующих социальных укладов. Каждое из великих технических новшеств — от косога паруса до паровой машины, от электричества до современных информационных технологий — открывало новую страницу в летописи глобализации. Не менее важно и то, что все эти новшества могли реально повлиять на динамику общемировых процессов лишь в том случае, если они оказывались востребованными обществом. Ни для кого не секрет, что вплоть до начала XIX века Китай оставался наиболее могущественной державой, чей хозяйственный потенциал превосходил суммарную экономическую мощь всех стран Европы¹ и где наука достигала невиданных успехов. Между тем специфика социальной структуры стран Востока, которую можно отчасти охарактеризовать как закостенелую, препятствовала их активной экспансии, как политической, так и культурной. Напротив, склонная к постоянной модернизации западная модель социального устройства способствовала беспредельному расширению границ *monde*, что в конечном счете и превратило европейское *l'économie-monde* в *l'économie mondiale*.

Во-вторых, процессы глобализации были четко направлены от «центра» — наиболее динамично развивающегося региона мира — к его «периферии». Тем, кто пытается, используя понятие глобализации, завуалировать «вестернизаторский» аспект нынешних социальных процессов, не следует забывать об этом очевидном обстоятельстве. Историческая правда не должна приноситься в жертву политической корректности; говоря словами Дайнеша Д'Сузы, полезно помнить, что «именно Колумб и его корабли пустились в опасный путь и достигли побережья Америки, а не американские индейцы высадились на берегах Европы»². Выдающийся исследователь экономической истории Энгас Мэддисон имеет все основания называть страны, возникшие за пределами Европы и первоначально населенные европейскими колонистами, — США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию — «боковыми ветвями Запада» (*Western offshoots*)³. Элементарные подсчеты свидетельствуют, что из 188 стран, в начале 2000 года входивших в ООН, 36 представляли европейский континент, а еще 125 — территории, в то или иное время находившиеся под управлением европейцев⁴.

Таким образом, оценивая глобализацию в историческом контексте, можно без преувеличения рассматривать ее как продолжительный процесс установления европейского доминирования над миром. Даже соглашаясь с критикой сегодняшней ее стадии, проходящей «по сценарию Соединенных Штатов», нужно учитывать, что, хотя «сегодня много говорится об “американском мире”», словосочетание “европейский мир” более подходит для описания двух предшествующих *mondialisations*, поскольку именно Европа рассеяла по всем континентам свои капиталы, свою технику, свои языки и своих жителей»⁵.

Рассматривая глобализацию в историческом контексте, нельзя не заметить, что одной из ее особенностей было формирование новой социальной и хозяйственной культуры в отдаленных регионах мира. Этот процесс способствовал, как правило, ускоренному развитию населявших эти регионы народов. Среди современных антиглобалистов распространено мнение, что отсталость большинства стран Третьего мира порождена в первую очередь разрушительными последствиями европейского колониального господства и варварской эксплуатацией европейцами материальных и людских ресурсов целых континентов. На мой взгляд, этот тезис в значительной степени ошибочен.

Колониализм и его последствия остаются сегодня одной из наиболее спорных проблем мировой истории. Что принесла европейская колонизация народам Африки, Латинской Америки и Азии? Безусловно, во многих своих проявлениях она обернулась позором для европейцев. В колониальных войнах гибли массы коренного населения; введенная колонизаторами в практику работорговля привела в XVI—XIX веках к сокращению населения африканского континента на 16 млн человек⁶. В Европу в гигантских объемах экспортировались золото и драгоценные камни, редкие породы дерева, полезные ископаемые и т. д. Но именно колонизаторы положили начало тем отраслям промышленности и сельского хозяйства, которые подчас и сегодня остаются важнейшими для экономики стран «периферии». Разработка алмазов в Африке, металлов в Латинской Америке, даже возделывание чая на Цейлоне и выращивание каучуковых деревьев в Малайзии — все это было бы невозможно без вмешательства европейцев. Накануне Первой мировой войны хозяйственным лидером планеты стали США, объединившие, как известно, бывшие британские, французские и испанские колониальные владения, а Аргентина, также бывшая испанская колония, заняла седьмую строку в списке крупнейших экономик.

История не знает сослагательного наклонения. Поэтому успехи и неудачи одних стран приходится сравнивать с успехами и неудачами других, а не с тем, какими могли бы быть их собственные успехи и неудачи при ином повороте событий. В таком свете современное положение Третьего мира выглядит удручающим. Но многие ужасы этого положения следует поставить «в заслугу» правительствам и народам самих этих стран. Людские потери в колониальных войнах были огромны, но лишь с 1988 по 2001 год в семи основных конфликтах в Африке было убито не менее 6,3 млн человек⁷. Начиная с 1973-го население континента растет быстрее валового национального продукта (ВНП) составляющих его стран; как следствие, уровень жизни и даже ее продолжительность, считавшаяся главным завоеванием постколониальной эпохи, начинают снижаться⁸. При этом потери природных ресурсов несопоставимы с любыми грабежами, на которые были способны колонизаторы.

Мы далеки от того, чтобы рассматривать европейскую колонизацию как благо для народов стран мировой «периферии», но остается фактом, что именно после того как распались европейские колониальные империи, разрыв в благосостоянии граждан «первого» и

Третьего мира стал расти особенно быстрыми темпами. Если в начале XIX века средние доходы в расчете на душу населения в развитом мире превосходили показатели стран, ныне относящихся к развивающимся, в 1,5–3 раза, а в середине XX – в 7–9 раз, то существующий в наши дни разрыв составляет 50–75 раз ⁹. В какой мере новый виток глобализации ускорил данный процесс? Вызвано ли нарастание разрыва обнищанием населения периферийных регионов? Отличается ли современная глобализация от ее предшествующих стадий?

Начавшийся в 60-е годы прошлого века новый этап развития глобализационных процессов не только не опроверг закономерности, обнаруживаемые на более ранних этапах, но и подтвердил их.

Во-первых, современная глобализация со всей очевидностью

Современная глобализация со всей очевидностью продемонстрировала, что экономическое развитие «периферии» в еще большей степени, нежели прежде, зависит от хозяйственных потребностей (и возможностей) великих держав.

продемонстрировала, что экономическое развитие «периферии» в еще большей степени, нежели прежде, зависит от хозяйственных потребностей (и возможностей) великих держав. Нуждаясь в сокращении издержек производства и будучи заинтересованы в импорте дешевых качественных товаров, западные предприниматели обратили взоры к периферийным экономикам, способ-

ным освоить значительные инвестиции и обеспечить высокую эффективность производства. В результате выявились новые «точки роста», прежде всего в Юго-Восточной Азии, где, однако, темпы роста ВВП всегда оставались ниже темпов роста внешних инвестиций (которые увеличились в 1987–1992 годах в Малайзии в 9 раз, в Таиланде – в 12, а в Индонезии – в 16 раз ¹⁰); большинство технологий импортировалось, а устойчивость экономического развития целиком определялась возможностями экспорта производимой продукции в развитые страны (так, в 1980-е экономический рост Южной Кореи и Тайваня соответственно на 42 % и 74 % был обусловлен закупками их продукции со стороны одних только США ¹¹; доля экспорта в ВВП составляла в Южной Корее 26,8 %, на Тайване – 42,5, в Малайзии – 78,8, а в Гонконге и Сингапуре – соответственно 117,3 и 132,9 % ¹²). Напротив, в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, где совокупные инвестиции в 90-е годы не превосходили объема безвозмездной помощи, предоставляе-

мой по линии гуманитарных программ, хозяйственный рост практически остановился.

Во-вторых, как прежде, так и во второй половине XX века неучастие той или иной страны в процессе глобализации представляло собой серьезное препятствие для развития. Согласно данным Всемирного банка, 24 развивающиеся страны, в которых отношение объема экспорта к ВВП в 1960–90-х в среднем удвоилось, повысили темпы роста среднедушевого ВВП с 1 до 5 % в год. В то же время, согласно тем же данным, в 30 странах, наименее активно вовлеченных в международное разделение труда, показатель ВВП на душу населения снизился по сравнению с серединой 1970-х¹³. Последние десятилетия продемонстрировали, что даже мощные экономики не способны обеспечить устойчивое развитие, оставаясь обособленными от мирового хозяйства. Доказательством этого тезиса может служить банкротство советской хозяйственной модели, приведшее к тому, что в 1999–2000 годах Россия, занимая 11,47 % площади на карте мира, обладала лишь 1,63 % мирового ВВП и обеспечивала 1,37 % мирового экспорта, представленного в основном сырьевыми товарами. О негативных последствиях обособленности от мирового хозяйства свидетельствует и затяжной экономический кризис в Японии, долгое время отгороженной от остального мира высокими таможенными барьерами. В этой стране вот уже десять лет темпы роста производства балансируют около нулевой отметки, государственный долг приближается к 170 % ВВП, а дефицит бюджета достигает почти 40 % его доходной части.

В-третьих, как и на более ранних этапах, глобализация остается односторонним процессом: иллюзорное единение мира определяется усилиями развитых стран, в то время как активность Третьего мира проявляется лишь в том, что известный американский социолог Сейла Бенхабиб удачно назвала «обратной глобализацией»¹⁴, — в банальной миграции населения «периферии» в страны «центра», принимающей угрожающие масштабы. Так, с 1846 по 1924 год из Великобритании, Италии, Австро-Венгрии (до 1918-го), Германии, Португалии, Испании и Швеции эмигрировали не менее 43 млн человек¹⁵. Ныне же Европа сама становится прибежищем иммигрантов (8–11 % населения Великобритании, Франции, Голландии, Бельгии и Австрии¹⁶). В США в середине 1990-х наибольшее число иммигрантов прибывало из 10 стран, среди которых не было ни одной европейской и ни одного государства с продолжительной демократической традицией. Интерес к культурным и социальным традициям стран «периферии» сегодня,

как и прежде, носит в развитых странах подчеркнуто антропологический характер. Такие традиции не воспринимаются в качестве значимого источника общецивилизационного прогресса¹⁷.

Итак, процессы, называемые глобализацией, на поверку оказываются естественным результатом освоения сначала европейцами, а затем и представителями *Western offshoots* все новых регионов планеты. По сути, единственной особенностью современного этапа глобализации является то, что границы «периферии», осваиваемой западным миром, простираются в наши дни на весь земной шар. Постоянно расширявшаяся в прошлом «зона интересов» западной цивилизации достигла естественного предела.

В то же время существенно изменились механизмы глобализации. Во-первых, с каждым новым столетием снижалась и продолжает снижаться роль военной силы в обеспечении позиций западных стран в периферийных регионах. Глобализация, носившая первоначально преимущественно политический характер, сейчас охватывает главным образом экономическую и финансовую сферы. Во-вторых, усилия стран Запада по поддержанию своих доминирующих позиций в мире постоянно сокращаются. Эффективность использования западными странами политического и экономического влияния на периферийные регионы сегодня намного выше, чем двести, сто или даже пятьдесят лет тому назад. Затрачивая минимальные усилия, Запад весьма уверенно контролирует ситуацию в масштабе всей планеты.

Однако установление контроля над остальным миром, достигаемое в ходе нынешнего этапа глобализации, не предполагает включения всей «периферии» в состав единой цивилизации, строящейся на западных принципах демократии и экономического либерализма. Как мы уже отмечали, собственно *Western offshoots* возникли там, где выходцы из Европы не просто серьезно видоизменили те или иные общества, а скорее создали их с нуля, составив абсолютное большинство населения. Ныне подобная перспектива не кажется сколько-нибудь реалистичной. Более того, любой этап глобализации предполагал наличие центра и провинций, метрополии и колоний, экономического ядра и периферии. Единый и унифицированный мир не был, не является и не может быть целью глобализационного процесса, хотя, как это ни парадоксально, именно против этой угрожающей унификации и направлены наиболее пафосные выступления противников глобализации.

Таким образом, глобализация вполне допускает неравенство и даже предполагает разделение мира на «центр» и «периферию». Однако является ли глобализация причиной неравенства? Основывается ли хозяйственное могущество «центра» на эксплуатации «периферии», или же оно обусловлено внутренними закономерностями развития экономик ведущих стран? Этот вопрос оказался своего рода центральной идеологической проблемой нашего времени, ибо тот или иной ответ на него определяет позиции ученого и политика даже более отчетливо, чем тот или иной ответ на пресловутый основной вопрос философии. Так чем же, если не глобализацией, обусловлено то неравенство, современные масштабы которого представляют собой главную угрозу стабильности существующего мирового порядка?

К ПРОБЛЕМЕ НЕРАВЕНСТВА

Глубокий анализ проблемы неравенства объективно затрудняется двумя особенностями субъективного восприятия этого феномена. Во-первых, абсолютное большинство исследователей, глубоко убежденных в несправедливости неравенства, как такового, обходят стороной вопрос о том, какое неравенство может считаться несправедливым и почему. Во-вторых, говоря о материальном неравенстве, обществоведы считают самым очевидным его проявлением бедность, и потому борьба с неравенством сплошь и рядом сводится к борьбе с бедностью.

Западная философская традиция считает неравенство чуть ли не противоестественным — идет ли речь о неравенстве моральном, политическом, экономическом или социальном. Само возникновение христианской религии стало в определенной мере реакцией на несовершенство общества, а идея равенства («человек создан Господом одним и единственным для того, чтобы показать, как приятно Ему единство среди множества»¹⁸) заняла в ней центральное место. Уже в эпоху Средневековья распространились представления о равенстве людей с точки зрения морали, в XVI—XVIII веках с формированием гражданского общества утвердились принципы политического равенства граждан, к концу XIX — началу XX столетия относятся первые радикальные шаги, направленные на преодоление экономического неравенства. В наши дни приверженцы идей мультикультурализма утверждают равную ценность различных существующих в современном мире культурных и мировоззренческих традиций.

Хотя на протяжении большей части XX века имущественное неравенство в пределах западного мира уверенно сокращалось (с нача-

ла 30-х до середины 70-х доля национального богатства, принадлежавшая одному проценту наиболее состоятельных семей, снизилась в США с 30 до 18 %, в Великобритании — с 60 до 29 %, во Франции — с 58 до 24 % и т. д.¹⁹⁾, в последние 30 лет тенденция сменилась на противоположную во всех без исключения странах Запада. В 1989–1997 годах доходы одного процента граждан США, составляющего самую богатую часть общества, росли в среднем на 10 % ежегодно. В этот же период доходы наименее обеспеченных 20 процентов росли не более чем на 0,1 % в год²⁰⁾. К 1981-му упомянутый один процент американского населения увеличил свою долю в национальном богатстве до 24 %, к 1984-му — до 30, а к середине 90-х годов — до 39 %, вернув ее к уровню начала XX века²¹⁾. Исходя из представлений о ведущей роли Запада в глобализирующейся экономике, я полагаю, что именно эти тенденции нарастания неравенства в развитых странах и являются основной предпосылкой роста неравенства во всемирном масштабе.

Проблема неравномерности распределения богатства ставилась в социологической литературе крайне редко; вплоть до XIX столетия причину этой несправедливости усматривали в принуждении, основанном на силе. В XIX веке сначала Анри Сен-Симон, а затем Карл Маркс показали соответственно, что предприниматели, новый поднимающийся класс, имеют реальное право претендовать на значительную часть общественного продукта и что капиталистическое производство базируется на непривычном для предшествующих эпох принципе эквивалентного обмена. Таким образом, вот уже более ста лет признается, что имущественное неравенство основано на объективных законах общественного развития, а не порождено чьей-то злой волей.

Чем же обуславливается неравенство в ту или иную эпоху? На мой взгляд, ответ на этот вопрос достаточно прост, но выглядит весьма неожиданным.

Неравенство (и в этом сходятся все его исследователи) определяется тем, что одна социальная группа обретает в обществе особые позиции, позволяющие ей перераспределять в свою пользу непропорционально большую часть общественного богатства. Такую возможность открывает перед ней контроль над наиболее редким ресурсом того или иного общества, наиболее редким фактором производства. На ранних этапах социального прогресса важнейшим ресурсом служила военная сила, монополия на нее определяла доминиру-

ющий класс общества. Вся история Древнего мира свидетельствует, что контроль над армией обеспечивал все необходимые рычаги управления. В более поздний период, когда прямое принуждение было дополнено некоторыми элементами экономического, важнейшим ресурсом стали земля и другие условия сельскохозяйственного производства, а собственность на землю определяла принадлежность к доминирующему феодальному классу. По мере того как возникала возможность аккумулировать значительные богатства методами, отличными от эксплуатации крестьянства, роль земли как основного фактора производства снижалась — вплоть до того, что претензии ее собственников на государственную власть стали восприниматься как совершенно бесосновательные. Буржуазный строй, при котором все элементы общественного богатства стали товаром, предопределил превращение капитала в решающий фактор производства, а владение им — в главную предпосылку социальной поляризации.

Чего же можно было ожидать дальше? Маркс и его последователи заявили, что новым доминирующим классом должны стать пролетарии, но этот вывод радикально противоречил всей логике предшествующего развития. Труд — то единственное, чем владели представители рабочего класса, — никогда не был редким ресурсом в отличие от военной силы, земли или капитала. А поскольку именно редкость ресурса определяла его ценность и ограничивала численность контролировавшей его социальной группы, труд не мог стать новым доминирующим фактором производства.

В то же время гипотеза Маркса была в целом правильна, так как предполагала, что новый основной фактор производства будет заключен в самих людях и в их способностях. Таковым стали знания — способность человека усваивать информацию и применять полученные навыки и умения в различных сферах своей деятельности.

Переход от индустриальной экономики к экономике знаний считается главной чертой той постиндустриальной трансформации, начало которой относится к 70-м годам XX века. Масштаб перемен, порожденных этим процессом, долгое время не представлялся достаточно отчетливо. В 70–80-е многие с восторгом говорили, что информационное общество станет самым свободным и демократическим, так как «информация есть наиболее демократичный источник власти»²² и открывает возможность участия в общественном производстве без существенного накопления первоначального капитала. Однако вскоре стало ясно, что приобретение и потеря знаний, в от-

личие от иерархических статусов или денежных богатств, — процесс гораздо более длительный и сложный. Хотя информация и становится все более доступной, но она оказывается наименее демократичным фактором производства, ибо доступность отнюдь не то же самое, что обладание. Знания превращаются в одну из наиболее настоятельных потребностей современного общества (доля американцев, поступающих в колледж после окончания школы, выросла с 15 до 62 % только за последние 50 лет²³), что определяется в том числе и открывающимися в результате их получения экономическими преимуществами. Так, начиная с середины 1980-х годов в США устойчивый рост доходов прослеживался только у высокообразованных групп населения; в 1998 году 96 % наиболее обеспеченных граждан имели высшее образование. Как отмечал Фрэнсис Фукуяма, «существующие в наше время в Соединенных Штатах классовые

Впервые в истории неравенство порождается личными усилиями и успехами представителей одной части общества или одной части цивилизации, и потому в соответствии с традиционными представлениями о справедливости «новое неравенство» нельзя признать несправедливым.

различия объясняются главным образом разницей в полученном образовании; социальное неравенство возникает в результате неравного доступа к образованию, а необразованность становится вечным спутником граждан второго сорта»²⁴.

Неравенство доходов, порождаемое в конечном счете неравенством интеллекта и знаний, гораздо труднее осуждать, нежели определяемое любыми иными факторами. По сравнению с прошлыми историческими эпохами уг-

лубление неравенства имеет в наши дни качественно иную природу, и едва ли возможно остановить этот процесс. Но если тенденции, прослеживающиеся в западных странах, определяют облик глобализирующегося мира, то логично предположить, что именно информационное неравенство, не имеющее к пресловутой глобализации прямого отношения, и определяет современный раскол мира на «золотой миллиард» и остальное человечество.

Информационная революция в странах Запада, с одной стороны, резко ослабила их заинтересованность в природных и трудовых ресурсах государств «периферии», а с другой — создала ресурс, практически бесплатное тиражирование которого позволяет западным корпорациям получать многомиллиардные прибыли. В последние десятилетия

усиливается не «эксплуатация» «центром» «периферии», а его безразличие к ней. Это иллюстрируется тем, что в начале 90-х годов индустриально развитые государства направляли в страны того же уровня развития 76 % общего объема экспорта и импортировали из развивающихся стран товаров и услуг на сумму, не превышавшую 1,2 % своего суммарного ВВП²⁵; суммарные инвестиции Соединенных Штатов, европейских стран и Японии друг в друга, а также в быстро развивающиеся индустриальные страны Азии составляли 94 % общемирового объема прямых иностранных инвестиций²⁶.

Ситуация в странах «периферии» становится все более катастрофической еще и потому, что выработка новых знаний, в отличие от накопления капиталов, не только не боится конкуренции и общения, но и предполагает их. Поэтому если собственники капитала объективно стремятся расширить сферу своего влияния, то носители знаний, напротив, тяготеют к концентрации и консолидации. Если потоки капиталов и сегодня остаются разнонаправленными, то потенциальные создатели знаний мигрируют исключительно из «периферии» к «центру». Процесс социальной поляризации во всемирном масштабе становится поэтому неконтролируемым и необратимым.

Таким образом, современное углубление мирового неравенства не вызывается изменением интенсивности и направленности финансовых и торговых потоков, которые обычно ассоциируются с инструментами глобализации, а сопровождается таковым. Оно представляется результатом не столько внешней экспансии западного мира, сколько его внутреннего прогресса. Впервые в истории неравенство порождается личными усилиями и успехами представителей одной части общества или одной части цивилизации, и потому в соответствии с традиционными представлениями о справедливости «новое неравенство» нельзя признать несправедливым. Возможно, что по мере осознания этого обстоятельства желание реформировать складывающийся мировой порядок будет угасать. В этом контексте мы хотим еще раз подчеркнуть, что глобализация не является причиной роста неравномерности мирового развития, — скорее она как раз не способна стать значимым фактором его преодоления.

Этим и объясняется изменение ориентиров, которые ставят перед собой современные политики и экономисты. Если в 70-е и в начале 80-х сторонники теорий «догоняющего» развития выступали с позиций необходимости сокращения экономического неравенства между «первым» и Третьим миром, то сегодня акцент ставится на

искоренение бедности в странах «периферии». Между тем преодоление неравенства и борьба с бедностью — это далеко не одно и то же. Преодоление неравенства предполагает обеспечение условий для самостоятельного развития периферийных стран, сокращение масштабов бедности — увеличение размеров гуманитарной и иных видов помощи. За изменением акцента стоит важнейшая проблема: в современных условиях даже ускоренное развитие отсталых стран не способно обеспечить сокращение мирового неравенства.

Этот тезис нуждается в конкретизации. Речь идет прежде всего о том, что быстрый экономический рост в отдельных регионах, когда бы он ни инициировался, начинается, как правило, в условиях крайне низкого уровня ВВП (около 300 - 400 дол. на душу населения). Так, в Малайзии он составлял не более 300 дол. в начале 50-х годов, в разрушенной войной Корее — около 100 дол. в конце 50-х, на Тайване — 160 дол. в начале 60-х, в Китае, двинувшемся по пути преобразований в 1978 году, — 280 дол., а во Вьетнаме уровень в 220 дол. был достигнут лишь к середине 80-х²⁷. Даже если исходить из того, что ВВП на душу населения в успешно развивающихся странах «периферии» достигает сегодня 3–4 тыс. дол., приходится признать, что для реального сокращения имущественного разрыва с гражданами ведущих западных стран, где этот показатель составляет 20–25 тыс. дол., новым индустриальным странам необходимо обеспечить его рост на 15–20 % в год при 2–3-процентном росте в развитых странах. Неудивительно, что итогом блестящих 80-х годов для Таиланда, Малайзии и Индонезии стало нарастание разрыва в показателе роста ВВП на душу населения по сравнению с показателем, рассчитанным для стран «большой семерки». Этот рост составлял соответственно 7, 23 и 34 %²⁸. Таким образом, даже если в относительном выражении сокращение неравенства и может иметь место, разрыв в объеме потребляемых благ между гражданами «первого» и Третьего мира будет лишь увеличиваться.

Более того. Перенос акцента с проблемы неравенства на проблему бедности вызван также и тем, что 1990-е — один из наиболее успешных в XX веке периодов развития мировой экономики — ознаменовались дальнейшим ростом численности населения, живущего в условиях крайней бедности (менее чем на 1 дол. в день). Несмотря на то, что его доля в совокупном населении планеты снизилась в 1987–1998 годах с 28,3 до 24,0 %, абсолютная численность увеличилась с 1,18 до 1,2 млрд человек. При этом прирост численности

населения, живущего за гранью бедности, составил за эти годы в Южной Азии 10,1 %, а в регионах Африки, прилегающих к Сахаре, — 33,9 %²⁹. На протяжении второй половины 90-х среднегодовой объем помощи африканским странам, расположенным к югу от Сахары, составлял 18,36 млрд дол., в то время как суммарные иностранные инвестиции в экономику этих государств не превышали 2 млрд дол. в год³⁰. Сегодня в США и странах Западной Европы действуют более 8 тысяч неправительственных организаций, деятельность которых целиком связана с реализацией программ содействия повышению уровня жизни в Третьем мире. При этом безвозмездные поставки обеспечивают до 18 % продовольствия и до 60 % лекарственных препаратов, потребляемых в 60 беднейших странах планеты³¹. Подобная практика становится самовоспроизводящейся, и, таким образом, период надежд на «развитие» завершился, а перспективы многих развивающихся стран связаны лишь с благотворительностью западного мира.

Международный аспект проблемы бедности до известной степени воспроизводит ситуацию, имевшую место в самих развитых странах. Возьмем пример самой богатой из них — Соединенных Штатов Америки. В 1959 году 23,2 % американцев находились за чертой бедности, а беспорядки и насилие достигали уровней, не виданных со времен Гражданской войны 1861—1865 годов³². Правительство вынуждено было принять беспрецедентную программу увеличения социальных расходов. Так, в период с 1960 по 1975 год суммы прямых денежных трансфертов и пособий малоимущим выросли более чем вдвое, ассигнования на социальное страхование — в 3,5 раза, средства, направляемые на выделение бесплатного питания и медицинских услуг, — в 4 раза³³. Как следствие, в 1976-м, когда суммарный объем средств, направляемых на реализацию социальных программ, достиг 18,7 % ВВП, доля бедных американцев снизилась более чем вдвое — до 10,5 % населения³⁴. Масштабы предпринятого перераспределения средств поражают воображение: только с 1992 по 1996 год доля расходов на субсидирование малоимущих увеличилась в США с 290 до 420 млрд долларов. Данные пособия довели суммарные доходы 20 % наименее обеспеченных американцев до 5,2 % национального дохода, в то время как без их учета соответствующий показатель не превышал бы 0,9 %³⁵. При этом сегодня совершенно очевидно, что социальные программы не приводят к росту экономической самостоятельности и социальной

активности наименее обеспеченных групп населения, а лишь консервируют сложившуюся ситуацию.

Подводя итоги, мы можем отметить, что, несмотря на очевидные экономические причины, наиболее существенной из которых оказывается развертывание технологической революции, неравенство, как и прежде, воспринимается как сугубо социальная, а чаще даже морально-этическая проблема. Однако (и это следует подчеркнуть) в начале XXI века, в отличие от предшествующих эпох, неравенство порождается принципиально новыми обстоятельствами, которые оказываются общими для всей цивилизации.

Основанием современных форм неравенства является неравное участие отдельных групп населения и отдельных стран в развертывании технологической революции. Нынешняя глобализация не порождает неравенства между «первым» и Третьим миром, а лишь распространяет на весь мир действие тех механизмов, которые вот уже несколько десятилетий обуславливают углубление неравенства в рамках самой западной цивилизации. При этом, если ведущие западные страны, как мы показали выше, имеют в своем распоряжении существенные ресурсы, позволяющие смягчить наиболее вопиющие последствия имущественной поляризации общества, в мировом масштабе соответствующие механизмы отсутствуют, и это приводит к резкому обострению проблемы.

* * *

Концепции глобализации, в рамках которых предпринимаются попытки осмыслить современный мир, в основных своих чертах сформировались во второй половине 80-х и в 90-е годы XX века. Характеризуя этот период, можно прибегнуть к аналогии с часто используемым историками приемом выделения так называемых «длинных столетий» (*the long centuries*)³⁶, границы которых определяются не формальным наступлением нового века, а событиями, отграничивающими его от предшествующего и последующего. При таком подходе началом «длинных 90-х годов» следует назвать вечер 9 ноября 1989-го, когда была разрушена Берлинская стена, а моментом завершения — утро 11 сентября 2001 года, когда рухнули небоскребы в Нью-Йорке. Между этими событиями заключен самый благополучный, а потому и самый наивный период истории XX века. Тогда казалось, что глобализация обусловлена экспансией общечеловеческих ценностей, что неравенство является проблемой нрав-

ственного прогресса цивилизации, что информационная революция приведет к распространению демократии, а экономическое развитие обретет бескризисный характер.

Сегодня «длинные 90-е» суть достояние истории. И поэтому становятся все более актуальными задача пересмотра многих социологических концепций, казавшихся фундаментальными, отказ от поверхностных объяснений реальности и попытка глубже понять, почему все более глобализирующийся мир был, есть и остается «расколотой цивилизацией».

¹ Рассчитано по: *Kennedy P.* The Rise and Fall of Great Powers.

Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. London: Fontana Press, 1988, p. 190.

² *D'Souza D.* What's So Great About America. Washington (DC): Regnery Publishing Inc., 2002, p. 39.

³ См.: *Maddison A.* Monitoring the World Economy 1820-1992. Paris: OECD, 1995, pp. 19-21.

⁴ *Abernethy D. B.* The Dynamics of Global Dominance. European Overseas Empires, 1415-1980. New Haven (Ct.), London: Yale University Press, 2000, p. 12.

⁵ *Revel J-F.* L'obsession anti-américaine. Son fonctionnement, ses causes, ses inconsciences. Paris: Plon, 2002, p. 80.

⁶ См.: *Braudel F.* Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle, t. 3, pp. 377-378.

⁷ См.: SIPRI Yearbook 2002: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 24, 27, 33, 36, 64 и др.

⁸ См.: *Lancaster C.* Aid to Africa: So Much to Do, So Little Done. Chicago, London: University of Chicago Press, 1999, p. 19; Human Development Report 2001. New York: United Nations, 2001, p. 169.

⁹ См.: *Cohen D.* The Wealth of the World and the Poverty of Nations. Cambridge (Ma.): MIT Press, p. 17.

¹⁰ См.: *McLeod R. H. and Garnaut R.* East Asia in Crisis. From Being a Miracle to Needing One? London, New York: Routledge, 1998, p. 50.

¹¹ См.: *Thurow L.* Head to Head. The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America. New York: Warner Books, 1993, p. 62.

- ¹² См.: *Goldstein M.* The Asian Financial Crisis: Causes, Cures and Systemic Implications. Washington (DC): Institute for International Economics, 1998, p. 27.
- ¹³ См.: *Globalization, Growth and Poverty. Building an Inclusive World Economy.* Washington (DC): The World Bank, 2002, pp. 4-5.
- ¹⁴ См.: *Benhabib S.* The Claims of Culture. Equality and Diversity in the Global Era. Princeton (NJ), Oxford: Princeton University Press, 2002, p. 182.
- ¹⁵ См.: *Nugent W.* Crossings. The Great Transatlantic Migrations, 1870-1914, table 8, p. 30; table 9, p. 43.
- ¹⁶ См.: *Sassen S.* Guests and Aliens. New York: New Press, 1999, table 1, p. 161.
- ¹⁷ См.: *Wallerstein I.* The End of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century. Minneapolis (Mn.), London: University of Minnesota Press, 1999, pp. 171-176.
- ¹⁸ *St. Augustinus.* De civitate Dei, XII, 21.
- ¹⁹ См.: *Pakulski J. and Waters M.* The Death of Class. London: Sage Publications, 1996, p. 78.
- ²⁰ См.: *Gephardt R. with Wessel M.* An Even Better Place. America in the 21st Century. New York: Public Affairs, 1999, p. 33.
- ²¹ См.: *Nelson J. I.* Post-Industrial Capitalism. Exploring Economic Inequality in America. Thousand Oaks (Ca.), London: Sage Publications, 1995, pp. 8-9.
- ²² *Toffler A.* Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books, 1991, p. 12.
- ²³ См.: *Bell D.* Sociological Journeys: Essays 1960-1980. New Brunswick (NJ), London: Transaction Books, 1982, p. 153; *Mandel M. J.* The High-Risk Society. Peril and Promise in the New Economy. New York: Random House, 1996, p. 43.
- ²⁴ *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. London: Penguin, 1992, p. 116.
- ²⁵ См.: *Krugman P.* Peddling Prosperity. Economic Sense and Nonsense in the Age of Diminishing Expectations. New York, London: W. W. Norton, 1994, p. 231; *George Kenwood, and Alan Loughheed.* The Growth of the International Economy 1820-1990. An Introductory Text. London, New York: Routledge, 1992, p. 288; *Krugman P.* 'Does Third World Growth Hurt First World Prosperity?' in Kenichi Ohmae (ed.). The Evolving Global Economy: Making Sense of the New World Order. Boston: Harvard Business School Press, 1995, p. 117.

- ²⁶ См.: *Heilbroner R. and Milberg W.* The Making of Economic Society. 10th ed. Upper Saddle River (NJ): Prentice Hall, 1998, p. 159.
- ²⁷ См.: *Mahathir bin Mohammad.* The Way Forward. London: Weidenfeld & Nicolson, 1998, p. 19; *Yergin D. and Stanislaw J.* The Commanding Heights. New York: Simon & Schuster, 1998, p. 169; *Robinson R. and Goodman D. S. G.* (eds.). The New Rich in Asia. London, New York: Routledge, 1996, p. 207; *Murray G.* Vietnam: Dawn of a New Market. New York: St. Martin's Press, 1997, p. 2.
- ²⁸ См.: *Palat R. A. (ed.)* Pacific-Asia and the Future of the World System. Westport (Ct.): Avon, 1993, pp. 77-78.
- ²⁹ Рассчитано по: World Development Report 2000/2001. Attacking Poverty. Washington (DC): World Bank, 2001, table 1.1, p. 23.
- ³⁰ Рассчитано по: *Lancaster C.* Aid to Africa. So Much to Do, So Little Done. Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 1999, table 5, p. 70.
- ³¹ См.: *Gardner G.* 'Food Aid Falls Sharply' in Brown L. R., Renner M., Flavin Ch. (eds.). Vital Signs. The Environmental Trends that are Shaping Our Future 1997-1998. London: Earthscan Publications Ltd., 1997, p. 110.
- ³² См.: *Lind M.* The Next American Nation. The New Nationalism and the Fourth American Revolution. New York: Free Press, 1995, p. 111.
- ³³ См.: *Burtless G.* 'Public Spending on the Poor: Historical Trends and Economic Limits' in Seldon Danziger. Sandefur G., and Weinberg D. (eds.). Confronting Poverty: Prescription for Change. Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 1994, pp. 57, 63-64.
- ³⁴ См.: *Pierson Ch.* Beyond the Welfare State? The New Political Economy of Welfare. Cambridge: Polity Press, 1995, p. 128; *Jencks Ch.* 'Is the American Underclass Growing?' in Jencks Ch., Peterson P. E. (eds.) The Urban Underclass. Washington (DC): Brookings Institution, 1991, p. 34; *Madrick J.* The End of Affluence. The Causes and Consequences of America's Economic Dilemma. New York: Random House, 1995, p. 152.
- ³⁵ См.: *Fischer C. S., Hout M., Jankowski M. S., Lucas S., Swidler A. and Voss K.* Inequality by Design. Cracking the Bell Curve Myth. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1996, p. 132; *Luttwak E.* Turbo-Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. London: Weidenfeld & Nicolson, 1998, pp. 86-87.
- ³⁶ См., напр.: *Briggs A. and Snowman D. (eds.)*. Fins de Siècle: How Centuries End 1400-2000. New Haven (Ct.), London: Yale Univ. Press, 1996; *Arrighi G.* The Long Twentieth Century. London: Verso, 1994, и др.

Почему я поддерживаю антиглобалистов

Жозе Сарамагу

На вопрос, почему я выступаю на стороне антиглобалистских движений, можно дать простой и ясный ответ: потому что мне не нравится тот международный порядок, который ускоренными темпами формируется на нашей планете. Хотя наука и технологии достигли небывалого уровня развития, позволяющего решать многие неразрешимые в прошлом проблемы, сегодня в мире больше несчастья, чем когда бы то ни было. А тем временем лидеры погрязли в политических играх и делают вид, что всё в порядке, национальные правительства окончательно превратились в заурядных комиссаров реальной экономической власти.

К сожалению, я не вижу новых политических идей, способных изменить жизнь человечества к лучшему. Пока только, как сорная трава, прорастают идеи фундаментализма. А что касается религиозного фанатизма, то даже представить себе страшно, куда он может нас завести.

Жозе Сарамагу – португальский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1998 год. Человек левых взглядов, известен как ярый противник глобализма. Из-за конфликта с правительством собственной страны, попытавшимся подвергнуть цензуре его роман «Евангелие от Иисуса», уехал из Португалии и уже более 10 лет живет в Испании. Сарамагу практически не выступает в средствах массовой информации, однако согласился сделать исключение для журнала «Россия в глобальной политике».

Антиглобалисты хотя бы ставят те вопросы, ответить на которые должна цивилизация, если она хочет выжить и нормально развиваться. Мир переживает сейчас феномен экономической глобализации. Много спорят о том, что это такое. На мой взгляд, это новая форма тоталитаризма. Сегодня модно говорить о демократии, многие действия, в том числе и силовые, оправдывают необходимостью защитить ее или обеспечить торжество демократических идеалов, но демократии-то, как таковой, нет. Нельзя же всерьез говорить о демократии, когда реальная власть находится не в руках правительств, избранных гражданами, а у транснациональных монополий, которые никто не избирал. При этом граждане продолжают наивно думать, что, участвуя в голосовании, они что-то могут изменить.

Да, в тех странах, где соблюдаются, по крайней мере, формальные принципы демократии, избиратели могут сменить правительство, снять президента и поставить у власти другого лидера и другое правительство. Но мы не в состоянии повлиять на реальную экономическую власть, которая в действительности и определяет всю нашу жизнь. Мы не только не можем сменить ее — мы не можем даже просто дотронуться до этой власти, ибо она целиком и полностью расположена вне сферы нашей досягаемости. К примеру, Джордж Буш, самый могущественный человек планеты, проводит политику крупных нефтяных и горно-добывающих фирм и монополий, которые и посадили его в президентское кресло. Буш отработывает это, отказываясь от достигнутых его предшественниками в Киото договоренностей по сокращению промышленных выбросов в окружающую среду и создавая дорогостоящий противоракетный щит.

Наиболее глубокий кризис переживает, увы, левая идеология. В Европе маятник явно качнулся вправо: на выборах в одной стране за другой побеждают правые. В чем причина разочарования в левых идеях? Стимулирование личного эгоизма людей — а капитализм умеет это делать лучше, чем любая другая формация, — способствовало их политической апатии и умственному обнищанию. Но одновременно надо признать: левые виноваты сами. Капитализм никогда не обманывает людей — по той простой причине, что не раздает направо и налево обещаний. Он ведь никогда не обещал ни социальной справедливости, ни всеобщего благосостояния. Социализм — это совсем другое дело. Он обещал народам все, а то, что не мог выполнить сразу, обещал следующему поколению.

В Советском Союзе, например, даже обещали сотворить «нового человека». Вполне возможно, что он и появился, но его как-то не заметили в болоте всеобщей коррупции.

Левые идеи не обновлялись или же сводились к бесплодным тезисам, как это произошло с марксизмом. Либо их подсознательно (а то и вполне сознательно) извращали некоторые левые партии, которые продвигались к центру для того, чтобы можно было ужиться с капитализмом. Те, кого мы всё еще продолжаем по инерции называть левыми, за редчайшим исключением уже не левые. Сегодня левые — это новая форма политического центра. И даже если какое-либо правительство попытается реализовать левые идеи, оно не сможет этого сделать, ибо не имеет реальной власти. Сейчас левые бредут по пустыне, и хочется надеяться, что в один прекрасный день они встретят на своем пути оазис.

Зато справа наблюдаются очень пугающие тенденции: в правом лагере верх постепенно берут всё более радикальные силы, все идет к тому, что к власти в Европе, по крайней мере в некоторых странах, придут представители крайне правых партий. Путая власть с авторитаризмом, правые все больше и все чаще будут демонстрировать — к месту или просто так — свою силу. А от этого до новых форм диктатуры лишь один шаг. Эти новые диктатуры будут использовать демократическую терминологию и контролировать — напрямую или косвенно — средства массовой информации. И граждане слишком поздно осознают, что утратили все основные свободы. Зато в качестве компенсации ежедневно у них будут развлечения и хлеб. Чтобы не бунтовали.

Считается, что после 11 сентября 2001 года планета переживает период коренной ломки всего миропорядка. Я не согласен с тем, что точкой отсчета являются именно эти трагические события. Насколько я понимаю, мир не был совершенным 10 сентября. Кому служит этот так называемый «мировой порядок»? По крайней мере, не тем двум миллиардам людей, которые живут сейчас за чертой бедности. И подумать только, что каждые четыре секунды на планете от голода умирает человек!

Кто посеял ветер, пожинает бурю. В тот день — 11 сентября — Америка вдруг обнаружила, что не является неуязвимой. Последствия налицо: США жаждут и будут диктовать законы на планете. Они и теперь правят всем на свете. Империя уже пришла — вот она, и трусливый мир рукоплещет ей.

Противовеса американскому доминированию не существует. Европа не играет в мире никакой роли. Она — как старая дама, которая старается скрыть свою дряхлость под многослойным гримом в зависимости от обстоятельств и необходимости.

Европа пытается сейчас решить проблему квадратуры круга. Нас убеждают, что благодаря интеграции континент станет более сильным и благополучным. У всех есть право на иллюзии. Однако как можно ожидать, что супергосударство решит те проблемы, которые входящие в него нации не смогли или не захотели решить в собственных странах?

Многих пугает наднациональная бюрократия, которая берет власть в масштабах всего Евросоюза и все больше усиливает свое влияние на правительства отдельных стран-членов. Но это еще не самое худшее: мы ведь и так уже ходим под этой бюрократией. Хуже то, что в результате интеграции соотношение сил внутри Европейского союза не изменилось и не изменится: кто был силен, сохраняет свою силу и сегодня, слабые же останутся слабыми. В таком случае (и никто не станет это отрицать) все решения будут приниматься в интересах колоссов с большим экономическим и политическим весом. Даже если им и придется иногда «оплачивать» поддержку подобных решений со стороны малых стран.

Еще одно тревожное явление в современной Европе, — рост ксенофобских настроений, попытки спекулировать на проблеме иммиграции. Уже отмечалось, что история человечества — это не в последнюю очередь история миграций людей. Если экономика страны рушится, то те, кто может иммигрировать, пойдут на все, чтобы уехать подальше от обвала, и это совершенно естественно. Практически нет народа, который на протяжении своей истории хотя бы раз не прибегал к такому средству, — достаточно вспомнить мощные и многочисленные волны эмиграции из Европы в Америку, когда люди отправлялись за океан в поисках лучшей доли. О чем нельзя забывать, так это о том, почему люди иммигрируют. А делают они это только потому, что у них нет достойных условий для жизни в своих собственных странах. Будут развиваться эти страны — и проблема сама по себе утратит ту остроту, которую она приобрела в наши дни. Так что мы опять возвращаемся к вопросу об общих аспектах мирового развития, о справедливости существующего мироустройства.

Я уж не говорю о том, что презрение к приезжим противоречит истинным интересам Европы: континент в самом деле остро нуждается в иммигрантах. В силу сложившейся демографической ситуации жители Старого Света не могут обеспечить «продление рода», т. е. увеличение численности населения, не рискуя при этом «утратить чистоту расы». Европе может понадобиться ограничение миграционных потоков. Но решение этой проблемы не должно носить дискриминационного характера, одними ограничениями ничего не сделать, необходима политика интеграции переселенцев. Между прочим, это касается не только иммигрантов, интеграция необходима и для коренных европейцев, ибо не все они хорошо чувствуют себя в современном обществе.

Большая Европа — это не только Европейский союз. Россия говорит о том, что она теперь открыта миру, о своем пути в Европу. Я еще не понял, какую роль в мире хочет исполнять ваша страна. Полагаю, что прежде всего сама Россия должна спросить себя: какой она хочет стать? И не получается ли так, что страна вышла из извращенного социализма, чтобы войти в развращенный капитализм?

Российский бизнес и мир

“Россия делает первые шаги на пути перехода от ресурсозатратной модели к развитию с опорой на потенциал высоких технологий. В процессе этого перехода неизбежно столкновение сложившихся экономических элит и сил «новой экономики». Однако только перевод инвестиционных ресурсов из сырьевых отраслей в высокотехнологические заложит фундамент долговременного развития страны, позволит укрепить ее экономическое и политическое влияние в мире”

Нефтедоллару придется потесниться *Владимир Евтушенков*

Нефтедоллару придется потесниться

России нужна опора на высокие технологии

Владимир Евтушенков

Представление о том, что российский экспорт — это прежде всего сырье, прочно закрепилось в сознании мировых экономических элит. Однако впервые на протяжении всей истории отечественной экономики ее экспортный продукт — в широком смысле слова — начинает меняться. Сегодня, наряду с нефтью и газом, сталью и круглым лесом, Россия нарастающими темпами поставляет миру интеллект. В то время как в Европе дефицит квалифицированных специалистов сферы информационных технологий вырос до 1,2 млн человек, в родном Отечестве ждут своего часа 1,3 млн программистов, исследователей фундаментальных проблем физики, биологии и других наук. Базовая экономика и знания в России словно сосуществуют параллельно, не преобразуясь в «экономику знаний».

ВСЛЕД ЗА РОСТОМ — ТОРМОЖЕНИЕ

«Утечка мозгов» — прямое свидетельство того, что особо ценные знания и технологии не находят в России адекватного спроса. За последние два года в российском секторе высоких технологий (ВТ) производилось не более 1,5 % национального валового внутреннего продукта (ВВП), что примерно соответствует уровню стран Восточной Европы и Латинской Америки.

Россия ныне занимает 63-ю строку в мировом рейтинге перспективной конкурентоспособности, поэтому «разглядеть» качественные изменения в ее экономике трудно, хотя они есть. Начиная примерно с 2000-го в стране поддерживается макроэкономическая

В.П. Евтушенков — председатель совета директоров АФК «Система», член попечительского совета журнала «Россия в глобальной политике».

стабильность, которая находит отражение в профицитном бюджете, умеренных темпах инфляции, поддержании адекватного уровня золотовалютных резервов. При возросшей потребительской активности населения ВВП за последние четыре года увеличился на 21 %, промышленное производство – на 30 %, выпуск продукции машиностроения – на 5 %. Партнерство с Западом, освобожденное от излишней политизированности, обеспечило заметное продвижение России на переговорах о ее вступлении во Всемирную торговую организацию, признание нашей страны государством с рыночной экономикой.

Минувший год характерен тем, что в условиях закрепления в России посткризисных тенденций экономического роста наконец появилась возможность практической постановки вопроса о его направлениях, темпах и качестве. Эта дискуссия, можно сказать, инициирована самим правительством, которое, направив основные усилия на институциональные преобразования, подвело определенную черту под этапом рыночной трансформации экономики. А что же за чертой? Есть ли импульс к промышленному росту?

Многие политики и предприниматели озабочены тенденциями, наметившимися в экономике. Главными факторами оживления производства в России после кризиса 1998 года были девальвация рубля и высокие мировые цены на сырьевые товары при относительно низкой стоимости продукции и услуг естественных монополий. Производство расширялось в первую очередь за счет загрузки простаивающих мощностей и выпуска импортозамещающих товаров. На сегодня эти резервы практически исчерпаны.

Вернувшаяся к нам из середины 1970-х экспортно-сырьевая экономическая модель способна принести облегчение, но временное. Высокий уровень материало- и энергоемкости промышленности, низкая производительность труда неминуемо приводят (или приведут в ближайшем будущем) к торможению роста. Причина – значительные издержки предприятий обрабатывающих отраслей, их слабый инвестиционный потенциал вследствие растущих относительных цен на продукцию и услуги естественных монополий, неконкурентоспособность отечественных товаров из-за поддержания завышенного курса рубля.

Согласно прогнозам большинства экспертов, в ближайшие годы экономический рост в России продолжится, но его темпы будут снижаться (в 2002 году рост ВВП составил 4 %, в 2003-м ожидается

3–3,2 %). Экспортно-сырьевая экономика может стать колоссом на глиняных ногах, который рухнет под тяжестью нестабильных мировых цен на энергоресурсы, сокращения освоенной базы в металлургической, нефтяной и газовой промышленности.

Пустые инвестиционные кассы предприятий, выпускающих продукцию с высокой долей добавленной стоимости, приближают день, когда они утратят саму способность создавать высокотехнологичный товар. Российскому нефтедоллару придется, как и прежде, возмещать отсутствие наукоемкой продукции, но с ущербом для нации в

Реформы последнего десятилетия не заложили основы для структурного прорыва в источниках экономического роста.

целом, поскольку в сравнительном выражении он более скромный источник ее благосостояния. Если одна тонна сырой нефти приносит до 20–25 долларов прибыли, килограмм авиационной техники – до 1 тыс. долларов, то килограмм наукоемкого продукта в от-

раслях высоких технологий (электроника, промышленность средств связи) позволяет извлекать уже до 5 тыс. долларов прибыли.

К сожалению, в развернувшейся дискуссии о путях выхода страны из топливно-сырьевого тупика никак не обозначены позиции правительства. Оно ограничивается поквартальными заявлениями о росте ВВП, воздерживаясь от качественных оценок пройденного пути и перспектив.

ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТ ИНДУСТРИИ

Экономика России начала 90-х годов объективно не могла распахнуть двери перед высокими технологиями, поскольку она начиналась не с чистого листа. Фактический сценарий рыночных реформ, несмотря на все намерения их авторов, складывался под влиянием мощного фактора индустриального наследия СССР, в первую очередь отраслей оборонного комплекса. Массированное извлечение на его нужды производственных ресурсов обрекло «гражданскую» экономику на глубокое техническое отставание. (Это отличает Россию от Запада, который развивался с сохранением относительной технологической однородности во всех секторах экономики.) Результатом стали катастрофическое падение качества продукции, форсированная эксплуатация сырьевой базы.

Смена политических эпох не спасла гражданские научно-промышленные отрасли, которым вместо модернизации было предло-

жено освобождение от пут государства, что послужило толчком к их дальнейшей деградации.

Спустя десять лет, в то время как в мире все больше внимания уделяют востребованию ценных знаний и квалифицированных научно-творческих кадров, в России по-прежнему не преодолена технологическая отсталость. Ее экономику составляют устаревшие индустриальные структуры, поддержание которых не требует ускоренного технологического развития и информатизации общества.

Другая причина — в так называемом «человеческом факторе». Наиболее влиятельные силы современной России, формирующие ее экономический курс (включая политические партии), сгруппировались вокруг отраслей сырьевого экспорта и добывающих производств, не отличающихся высоким технологическим уровнем и сложностью ведения бизнеса.

Исследования конкурентоспособности российской индустрии показывают, что только 3–5 % ее продукции способны завоевать рынки экономически развитых стран. Мировому уровню соответствует лишь четвертая часть отечественных технологий, многие из которых не преобразуются в конкурентные преимущества на стадии промышленного производства.

В совокупности предприятий индустрии доля инновационно-активных за последние годы возросла — с 5 % в 1997 году до 14 % в 2001-м. Однако в общем объеме продукции промышленности удельный вес инновационной не превышает 5 % (даже в машиностроении и металлообработке — не более 10 %). Уровень рентабельности (соответственно инвестиционной привлекательности) отраслей с высокой степенью переработки существенно уступает сырьевым секторам.

Медленно развивается инфраструктура инновационного бизнеса. Сравните: в финском городе Оулу, где проживает 100 тыс. человек и имеется один университет, работает технопарк площадью 70 тыс. кв. метров. А в Санкт-Петербурге, имеющем при пятимиллионном населении 80 высших учебных заведений и академических институтов, общая площадь всех технопарков составляет менее 15 тыс. кв. метров.

От имени российских промышленников, ориентированных на приоритетное развитие высокотехнологичных отраслей, возьму на себя смелость заявить: реформы последнего десятилетия не заложили основы для структурного прорыва в источниках экономического

роста. Будущее российской экономики связано не с «деиндустриализацией» (замещением промышленности производством услуг), а с революционными преобразованиями в экономической структуре в целом. Промышленность не должна свернуть на обочину, необходимо провести ее реорганизацию, опираясь на современные финансовые, информационные и управленческие технологии, услуги научных и инновационных центров.

Россия являет миру десятки успешных разработок в области ВТ, в том числе в сферах, находящихся на острие мирового технологического прогресса. Среди них – технологии изготовления кристаллических элементов для электронной промышленности (компания «Фомос-Технолоджи», Москва) и выращивания полупроводниковых структур (Физико-технический институт, Санкт-Петербург), биологические микрочипы для медицинских целей (Центр биологических чипов Института молекулярной биологии РАН, Москва), лазерные микрочипы и микролазеры (Научно-технический центр «Фирн», Краснодар), плазмохимические реакторы для уничтожения токсичных отходов (Международный научный центр по теплофизике и энергетике, Новосибирск) и многие другие.

Эти примеры – отчаянный прорыв через многочисленные налоговые и административные преграды. Прорыв, который происходит не благодаря государству, а во многом вопреки ему, ибо перспективные производства не находят в стране реальной поддержки. Существующие концепции развития отдельных отраслей (автомобильная и лесная промышленность, металлургия, станкостроение) фактически представляют собой перечень слабых производств, которые государство намерено поднять. Но адресуемые им бюджетные деньги или налоговые послабления «уходят в песок» из-за устаревшего профиля предприятий, их слабой конкурентоспособности, низкого уровня менеджмента.

Вызывавшие в недавнем советском прошлом негативную реакцию общества факты, когда бюджетные средства «зарывали в землю» или ими «отапливали небо», трансформировались в полузакрытые лоббистские проекты типа «Высокоскоростных магистралей» или «Союзного телевизора», которые поддерживаются через финансовые, налоговые и другие льготы государства, – по существу, через тотальный отраслевой протекционизм. Общественность не располагает сведениями ни о целях, сроках и подлинных масштабах финансирования этих проектов, ни о мере ответственности их инициаторов.

Силы «новой экономики» формируют особый стиль хозяйственной деятельности, когда интеллект больше управляет капиталом, чем обслуживает его. В этих условиях главный ресурс хозяйственного роста — высокая квалификация и знания работников, составляющих кадровую основу наукоемких и информационно-технологических компаний малого и среднего бизнеса. Они могут стать наиболее активными проводниками экономического роста, но при условии, что капитал и знания не исключают друг друга. Пока же действует российский сырьевой капитал. Знания «спят».

По сути, у российской промышленности есть два пути развития. Или жесткая государственная политика с преобладанием прямого бюджетного субсидирования отраслей и отдельных амбициозных проектов на основе административных рычагов (что знакомо нам по ранним стадиям индустриального развития). Или политика косвенного финансово-экономического стимулирования выпуска конкурентоспособной продукции. Специфика геополитического положения России, ее история не позволяют быстро перейти ко второй модели. Но и первый путь неприемлем, поскольку определение «точек роста» силами и волей государства неизбежно ведет к разбалансированию хозяйства.

Глубинной причиной краха СССР многие аналитики называют сверхжесткую централизованную экономику, которая не выдержала соревнования с гибкими рыночными системами экономически развитых стран. Однако ее либеральная трансформация в новой России не создала условия для технологических прорывов. Неизменной осталась сама концепция «универсальной», изолированной от мирового хозяйства экономики, которая не выдвигает технологических приоритетов даже теоретически.

НЕОБХОДИМ МАНЕВР РЕСУРСАМИ

В спорах о том, может ли Россия обойтись без мирохозяйственной специализации, международный опыт поставил точку. Поддержание «универсальной» экономики непосильно даже для промышленно развитых государств. Так, США отказались от разработки и выпуска бытовой аудио-, видео- и другой наукоемкой бытовой техники, Великобритания — от собственных легковых автомобилей, Германия — от систем атомной энергетики, Япония — от крупного авиастроения и выпуска ракетно-космической техники. Исчезает первоначальный смысл понятия «национальный продукт», который становится компонентом международного производства.

Становление новой хозяйственной системы в корне меняет наше представление о прямой зависимости между «объемом производства» и реальным потенциалом экономики. Знания способны умножать результаты хозяйственной деятельности гораздо эффективнее, чем любой другой производственный фактор. На смену традиционной концепции текущей конкурентоспособности страны, «привязанной» к объему, удельному весу и темпам роста ВВП, приходит понятие перспективной конкурентоспособности, которая определяется уровнем использования новых технологий.

В течение последних пяти лет американские корпорации (не

Есть все основания предполагать, что Россия выберет путь развития на базе интегрированных бизнес-групп — преимущественно холдингов и стратегических альянсов.

считая правительства и частных лиц) ежегодно получали больше патентов на изобретения и усовершенствования производственных технологий, чем компании, государственные организации и частные лица во всем остальном мире. В конце XX столетия на долю компаний, работающих в сфере информационно-коммуника-

ционных технологий, приходилось более 20 % акционерного капитала США, 18 % — Великобритании, 14 % — Швеции, 11 % — Германии. Знания способны умножать результаты хозяйственной деятельности гораздо эффективнее, чем любой другой производственный фактор.

Действующие в России программы поддержки промышленности нельзя назвать значимыми в силу ничтожно малых средств, заложенных в них. По данным Института комплексных стратегических исследований, несмотря на сокращение общего количества федеральных программ и подпрограмм с целью концентрации ресурсов, их реально действует около 130. Каждая из них дает «подшефным» отраслям около 2 млрд руб. (65 млн дол.) в год.

Между тем, по разным оценкам, модернизация российской промышленности в ближайшие пять лет потребует от 100 до 200 млрд долларов. Где найти эти средства?

Есть все основания предполагать, что Россия выберет путь развития на базе интегрированных бизнес-групп (ИБГ) — преимущественно холдингов и стратегических альянсов. Во всяком случае, они войдут на этот путь первым эшелонам, оставив позади зарубежные инвестиции. С этой точки зрения доминанта в ВВП сырьевых от-

раслей – естественное преимущество страны, можно сказать, исторический шанс.

Доказавшие свою жизнеспособность в кризисном 1998 году, ИБГ сегодня концентрируют в себе основные ресурсы общенационального развития: финансовые средства, профессиональные кадры, управленческую компетенцию, передовые технологии. Они берут на себя риски технологических новшеств, добиваются их внедрения, образуют шлейф компаний малого инновационного и производственного бизнеса, для которых сами же становятся источником платежеспособного спроса. На восемь крупнейших ИБГ, не считая ОАО «Газпром» и РАО «ЕЭС России», приходится более четверти российского экспорта.

По существу, ИБГ играют в России ту роль, которую в развитых странах выполняют институциональные и финансовые структуры, – ведь на их создание в нашей стране потребовались бы десятки лет.

Недавний экономический кризис в Восточной Азии заставил многих скептически отнестись к роли ИБГ в экономическом развитии. Однако российские интегрированные бизнес-группы принципиально отличаются от восточноазиатских (в частности, южнокорейских чеболей). ИБГ в Восточной Азии создавались под прямым контролем государства для проведения в жизнь его промышленных целей. Напротив, российские ИБГ изначально возникали как структуры частной, а не государственной экономики. Они больше влияли на экономическую политику, чем были ее проводниками.

Можно ожидать, что дальнейшее развитие рыночных институтов по «западной» модели приведет к постепенному снижению роли ИБГ в экономике России. Но сегодня это единственные реальные механизмы трансферта капитала из экспортно-сырьевого сектора в обрабатывающий.

Безусловно, создание такого механизма само по себе конфликтно. «Невидимая рука» сложившегося российского рынка тщательно оберегает сырьевые монополии. Так, если налоговая нагрузка (по отношению к остающимся в распоряжении предприятий финансам) в настоящее время составляет в машиностроении около 53 %, то в нефтедобыче – лишь 34 %. «Маневр ресурсами» из сырьевой сферы в сферу ВТ неизбежно нарушит политический и экономический статус-кво сырьевого сектора, извлекающего ныне основные прибыли.

Государство в силах обеспечить условия для того, чтобы этот маневр был максимально быстрым и эффективным. Поддержание «на

плаву» неконкурентоспособных отраслей должно быть заменено поддержкой технологически перспективных компаний (в том числе региональных, а также относящихся к малому и среднему бизнесу). Прежде всего это работающие на жизненно важные национальные интересы предприятия электроники, биотехнологии, высокотехнологического машиностроения, энергетики и транспорта.

Критерии выбора будущих «национальных чемпионов» промышленности должны быть прозрачны и понятны обществу. Определяющие среди них — показатель роста произведенной добавленной стоимости и высокий инновационный потенциал, закладывающий основу для динамичного развития в будущем. Далее идут рентабельность и структура активов компании, своевременные платежи в бюджет, рост транспарентности внутренних финансовых потоков, создание новых рабочих мест и другие.

На этом основан подход Комитета по промышленной политике Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), многие наработки которого ложатся в основу правительственных решений и, надо надеяться, формируют позицию главы государства. В прямом телеэфире 19 декабря 2002 года президент Путин, в частности, заявил: «Нужно, чтобы наше законодательство стимулировало развитие так называемой новой экономики, то есть экономики, основанной на информационных технологиях, экономики XXI века».

Комитет по промышленной политике РСПП предлагает конкретные инструменты проведения промышленной политики. Назовем главные из них.

Должен быть найден разумный темп приближения тарифов на услуги естественных монополий к мировому уровню. Сегодня инвестиционные проблемы российских монополистов решаются путем механического повышения тарифов и невольно перекладываются на плечи потребителей. Нужен разумный баланс между развитием самих естественных монополий и обрабатывающей промышленности.

Ставки налогов следует нацелить на обеспечение равных условий для сырьевых и обрабатывающих отраслей, их сопоставимую инвестиционную привлекательность.

Таможенная политика требует переориентации, с тем чтобы создавать максимально благоприятные условия для инвестиций в сектор высоких технологий. Пока российская таможня не видит разни-

цы между экспортом промышленной продукции высоких и низких (например, изделия лесопереработки) переделов, что подрывает стимулы к выпуску наукоемкой продукции.

Наконец, курс национальной валюты не должен быть завышенным. Нужен компромисс между интересами крупных компаний-импортеров, испытывающих потребность в крепком рубле, и меркантилизмом компаний, ориентированных на экспорт и внутренний рынок, заинтересованных в слабом рубле. Резкое укрепление национальной валюты может привести к падению обрабатывающей и укреплению экспортно-сырьевой ориентации экономики.

Конечная цель промышленной политики – повышение конкурентоспособности национальных товаропроизводителей, соблюдение международных стандартов, расширение доли отечественных компаний на внутреннем и мировом рынке.

БИЗНЕС И «ПРАВИЛА ИГРЫ»

Мы наблюдаем, таким образом, триединство благоприятных условий для развития высоких технологий в России. Это ростки «интеллектуальной» экономики, ИБГ с необходимыми ресурсами и собственно государство. Все три условия пока неравнозначны. Российский бизнес еще не сложился как равноправная сила, не обладает «пакетом акций» на национальные ресурсы.

Роль главного агента модернизации выпадает на долю государства. В условиях резкого сокращения закупок им промышленной продукции, открытости экономических границ и неготовности отечественных товаропроизводителей к борьбе с мощными зарубежными компаниями государственная поддержка российских отраслей ВТ приобретает чрезвычайную актуальность.

Участие властей в инновационном процессе приняло в экономически развитых странах столь широкий размах, что в США появился термин «полугосударственная экономика», отражающий кооперативное взаимодействие частного сектора и органов власти. По самым осторожным прогнозам, доля ВТ в общем объеме ВВП всех стран мира в первой четверти текущего столетия превысит 40 %.

В то же время, рассчитывая на государство как активного агента модернизации экономики, хотелось бы избежать двух крайностей. Первая проистекает от господствующей в России политической идеи усиления роли государства, под которой иногда подразу-

меваются процесс укрепления бюрократического аппарата и расширения возможностей принятия им решений вне контроля общества. Чтобы частный сектор мог эффективно выполнить свою миссию, он должен опираться на четкие правила игры, в выработке которых сам принимает деятельное участие, а государство гарантирует их соблюдение.

Вторая крайность связана с полным отказом от конструктивной роли государства в хозяйственной сфере. В правительстве последовательно заявляют о курсе на сокращение государственного участия в экономике как панацее от всех бед, главным ресурсе экономического роста. Между тем дерегулирование экономики не означает ее модернизации, так же как свободный рынок не способен выявить те предпочтения общества, о которых мы ведем речь.

Процесс перехода России от ресурсозатратной модели к хозяйственному развитию с опорой на потенциал ВТ только начинается. Для него характерно столкновение сложившихся экономических элит и сил «новой экономики». Но общее направление разрешения «тлеющего» конфликта предсказуемо. Только перевод инвестиционных ресурсов из сырьевых отраслей в отрасли ВТ, закладывающий фундамент долговременного развития страны, позволит укрепить ее экономическое и политическое влияние в мире.

Евангелие многополярности

Вячеслав Никонов

Евгений Примаков.

Мир после 11 сентября.

М.: Мысль, 2002. 190 с.

Если для кого-то мир перевернулся после 11 сентября 2001 года, то только не для Евгения Примакова. Примаков лучше многих знал, сколь опасным был этот мир и до сентябрьской трагедии, поэтому столь же неожиданной, как для других, она для него не стала. Крупнейший российский политик — бывший премьер, министр иностранных дел, глава Службы внешней разведки РФ, — мудрый аналитик, а в новой книге еще и яркий публицист предстает с ее страниц во многом тем же Примаковым, который совершает разворот над Атлантическим океаном в знак протеста против натовских бомбардировок Югославии. Емко, ярко и выразительно Евгений Максимович предлагает квинтэссенцию своих взглядов по таким важнейшим проблемам современности, как терроризм и исламский экстремизм, арабо-израильский конфликт, роль Америки в современном мире, сценарии грядущего миропорядка и место в нем России. Главными особенностями современного терроризма автор называет то, что, во-первых, он теряет связь с го-

сударственными структурами (Ирана, Ливии, Ирака) и входит в арсенал методов сепаратистских религиозных и политических движений. «Аль-Каида» и «Талибан» были нежелательными побочными продуктами деятельности ЦРУ и военной разведки Пакистана, а не творениями Багдада или Тегерана. Во-вторых, терроризм распространяется далеко за национальные рамки, действуя на глобальной арене. Особую опасность он представляет вследствие реального или потенциального доступа к оружию массового поражения, возросших финансовых и информационных возможностей экстремистских групп.

Бросая вызов Самьюэлу Хантингтону, концепция которого, по мысли автора, создает простор для нового раздела мира — по цивилизационно-религиозному принципу, Примаков вступает за исламский мир. По его утверждению, налицо «модернизация самого исламского общества», которое не поддерживает экстремистские силы, а «новое поколение мусульман значительно активнее, чем прошлое, выступает за демократизацию, плюрализм, свободу волеизъявления» (с. 47). Столь нетривиальный для современной политической моды взгляд приводит Евгения Максимовича к

оптимистичным выводам по поводу перспектив исламской демократии, соседствующей с традиционными ценностями, а также международного сотрудничества в антитеррористической сфере. Для успеха необходимо выработать хартию для борьбы с терроризмом, в соответствии с которой государства обязуются не предоставлять свою территорию экстремистским организациям, отказаться от устаревшей формулы «самоопределение наций вплоть до отделения». Спецслужбы должны обмениваться информацией и совместно ее осмысливать.

Главными причинами неудач всех попыток урегулировать ближневосточный конфликт Примаков называет курс Соединенных Штатов на сепаратные решения и фактическое отстранение России от активного участия в мирном процессе. При этом читатель с интересом узнает, что Служба внешней разведки РФ под руководством автора все равно была осведомлена о содержании секретных палестино-израильских переговоров, причем не от палестинцев (с. 58). Осложняющим фактором остается и позиция руководства Израиля, которое долго не соглашалось на участие России в урегулировании (Шимон Перес лично говорил Примакову о необходимости иметь только одного посредника – США). А с приходом к власти Ариэля Шарона, который «никогда не отказывался от ставки на террор», израильская сто-

рона блокирует прогресс на переговорах, не допуская и мысли о создании палестинского государства. Отсюда и ненависть к Арафату, и стремление его изолировать. При этом автор, естественно, однозначно осуждает любые террористические акты против Израиля.

Ключ к миру Примаков видит в действиях «внешней» силы, которая «не ограничится организацией возобновления палестино-израильских переговоров, а сама отработает комплексный план урегулирования» (с. 86). В этом смысле он высоко оценивает деятельность ближневосточной четверки (США, Россия, ООН, ЕС) и предложенную ею «дорожную карту», которая предусматривает поэтапный вывод израильских войск с занятых территорий, активизацию борьбы палестинцев с терроризмом, проведение выборов в Палестине, создание там государства с временными границами и, наконец, решение всего комплекса вопросов его статуса. Последнее – самое сложное: окончательные решения по границам палестинского государства, статусу Иерусалима, судьбе беженцев и еврейских поселений на оккупированных землях могут быть только навязаны участникам конфликта со стороны мирового сообщества.

При анализе политики США Примаков, не изменяя себе, резко оценивает их стремление к односторонним действиям, концепцию гумани-

тарных интервенций и превентивных ударов. Такая тактика противоречит международному праву, принципам территориальной целостности государств и невмешательства во внутренние дела, обходит механизмы ООН и приносит контрпродуктивные результаты. После 11 сентября Россия пошла на сотрудничество с Соединенными Штатами не только из-за сочувствия к пострадавшей Америке и совпадения интересов в отношении ликвидации Усамы бен Ладена и талибов, но и для того, чтобы прервать цепь односторонних действий Вашингтона в сфере безопасности. Примаков считает, что, соглашаясь на такое сотрудничество, Владимир Путин шел на большой риск, учитывая сохраняющиеся в нашем обществе и политико-экспертной среде антиамериканские предубеждения, особенно в отношении военного присутствия США вблизи российских рубежей. Соглашаясь, что поворот некоторых стран СНГ в сторону Америки был вызван рядом просчетов прежней российской политики, автор однозначно не приветствует этот поворот, как и пребывание американских военнослужащих в Центральной Азии и Закавказье. Это уже изменило геополитическую ситуацию в пользу США, в частности позволяя Вашингтону в благоприятном для себя ключе решать проблемы доступа к энергоресурсам Каспия и завершая «процесс окружения Китая амери-

канскими базами» (с. 112). Именно в этом — центральноазиатском — контексте автор возвращается к своей давней идее «стабилизирующего треугольника» Россия — Китай — Индия.

Эффективность американской антитеррористической операции в Афганистане Примаков оценивает как низкую: талибы рассредоточились и скрылись, не удалось сблизить пуштунов с Северным альянсом, что делает шатким положение правительства Хамида Карзая, выросло производство наркотиков, осложнилась ситуация в Пакистане. Еще более критически автор настроен в отношении концепции «оси зла» и дальнейших намерений американской администрации по борьбе с терроризмом, в особенности в отношении ударов по Ираку, который не представляет собой какой-либо угрозы. «Перманентное продолжение антитеррористической войны соответствует новой американской военной доктрине, в которой упор делается на превентивные действия против произвольно сконструированных самими США противников» (с. 135–136). Если ставка на военное решение победит, Вашингтон рискует лишиться широкой международной поддержки, а она абсолютно необходима для создания всемирного антитеррористического альянса, который только и может справиться с террором.

В оценке современного миропорядка

Евгений Максимович исходит из доктрины многополярности. Иного и трудно ожидать от одного из самых активных и последовательных ее теоретиков и практиков. Крушение двухполюсной системы мира сопровождалось превращением Европы и Японии в более самостоятельных игроков, ростом мощи Китая, диверсификацией внешней политики России, появлением новых ядерных стран (Пакистан, Индия), усилением недовольства односторонними решениями и действиями США. Несмотря на претензии Соединенных Штатов на статус единственной сверхдержавы, происходит движение «не к однополярному, а к многополярному миру» (с. 141). США пытаются противодействовать тенденции к многополярности, расширяя НАТО для закрепления своего контроля над «европейским центром», создавая систему НПРО, принижая роль ООН. Однако, убежден Примаков, однополюсный мир неприемлем, поскольку в нем «неравномерность развития государств будет проявляться преимущественно в антагонистических формах» (с. 155). И его не будет, поскольку «даже доминирующая держава... исторически не сможет образовать однополярное мироустройство» (с. 155). Что требуется мировому сообществу, так это новый дух сотрудничества, усилия по поднятию уровня жизни за пределами «золотого миллиарда» и достижение договоренностей по взаимосвя-

занным проблемам — демилитаризации космоса, созданию совместных систем ПРО и всем возможным шагам для противодействия распространению ядерного оружия. Правда, в контекст этого «всего возможного» не должно быть вписано применение военной силы против соискателей членства в ядерном клубе. В качестве одного из центров многополярного мира Примаков уверенно называет Россию. Вопрос лишь в том, будет ли она самостоятельным или ведомым игроком на мировой арене? Автор весьма нелицеприятно отзывается о «псевдолибералах» 1990-х годов, с коими предпочитал иметь дело Запад, и отрицает курс Андрея Козырева, «который заявлял, что мир делится на цивилизованную часть и “шпану”, а России после проигрыша в холодной войне следует войти в “клуб цивилизованных государств” и подчиниться правилам этого клуба, которым верховодят Соединенные Штаты» (с. 184). Роль введомой страны, считает Примаков, неприемлема хотя бы потому, что ни один лидер России, на эту роль согласившийся, не сможет удержаться у власти. Вместе с тем представители «государственно-либеральных взглядов», к которым, очевидно, относит себя Евгений Максимович, не исключают сближения с США. Но перспектива сотрудничества зависит от американского поведения в нынешний период «начала позитивного сдвига в отношениях двух госу-

дарств». Главный вывод Примакова: «Если Соединенные Штаты возьмут курс на приспособление к реальной перспективе многополярного мира, если они перестанут исходить из того, что способны и должны самостоятельно решать важнейшие проблемы международной стабильности и безопасности, вырабатывать в одностороннем порядке правила поведения государств на мировой арене, Россия может быть верным партнером США» (с. 189).

А если не возьмут и не перестанут, что тогда? Каким может быть аль-

тернативный внешнеполитический курс России, если США отвергнут концепцию многополярности или, по крайней мере, не согласятся с ней полностью? В мире, который был полем для игры с нулевой суммой (где выигрыш одной стороны означал равнозначный проигрыш другой), ответ был бы очевиден. В куда более сложном нынешнем мире альтернативы курсу на интеграцию России в глобальную систему, что немислимо без конструктивного взаимодействия с ведущими западными странами, не видно.

Инстинкт превьше всего

Джордж Буш на линии фронта

Алексей Пименов

Боб Вудворд. Буш на войне.
(*B. Woodward. Bush at War // New York: Simon & Schuster. 2002. 352 pp.*)

Боб Вудворд, американский журналист, некогда прославившийся (вместе с Карлом Бернштейном) разоблачением уотергейтского скандала, давно приобрел устойчивую репутацию одного из самых проникательных и осведомленных наблюдателей

вашингтонской политической кухни. В своей последней книге «Буш на войне» автор почти не высказывает собственных оценок: он предоставляет говорить своим героям, используя документы, стенограммы, многочисленные интервью. Более чем 350-страничное повествование изобилует сценами конфиденциальных встреч, переговоров за закрытыми дверями. Цель Вудворда — проанализировать поведение американской элиты пос-

ле 11 сентября 2001 года. Прежде всего его интересует ответ политиков на «Пёрл-Харбор XXI века». Сам президент в изображении Вудворда отнюдь не «слабак», во всем полагающийся на советников, а, напротив, руководитель, готовый в трудную минуту взять ответственность на себя и даже порой бравирующий своей решимостью. Первые после ударов по башням-близнецам и Пентагону заявления Буш делает полностью на свой страх и риск, даже без консультаций с членами кабинета, исключая, возможно, лишь Кондолизу Райс. Однако несколько дней спустя начинается острая дискуссия, в ходе которой хозяину Белого дома приходится выбирать между полярно противоположными суждениями. И Вудворд в подробностях характеризует позиции, занятые главными игроками, а также их собственные политические интересы. Директор ЦРУ Джордж Тенет представлен как весьма проницательный профессионал: в течение двух лет, предшествовавших 11 сентября, он не переставал напоминать о беспрецедентных для «негосударственной» террористической организации возможностях, которыми обладает «Аль-Каида». У госсекретаря Колина Пауэлла иная роль. Прославленный генерал, ныне возглавивший дипломатическое ведомство, он еще недавно сам примеривался к президентскому креслу. Присутствие генерала-дипло-

мата в команде Буша весьма способствовало победе последнего, однако ни для кого не было секретом, что новоизбранный президент по-прежнему видел в своем госсекретаре опасного конкурента.

В качестве вполне самостоятельной фигуры выступает и постоянный оппонент Пауэлла – министр обороны Доналд Рамсфелд. После 11 сентября Рамсфелд, имеющий устойчивую репутацию «ястреба», в действительности не раз занимал уклончивую, даже выжидательную позицию, которую Вудворд объясняет растерянностью и неготовностью военного ведомства к действиям в непривычной обстановке. Кондолиза Райс явно не принадлежит к «звездам на республиканском небосклоне». Источник ее политического влияния другой: близкие дружеские отношения с президентом. У Райс нет семьи и почти нет родственников; ее своеобразной второй семьей стали Лора и Джордж Буш. Летом 2001 года Райс работала над проектом директивы, следствием которой стало бы резкое изменение афганской политики США. Предлагалось, хорошо вооружив Северный альянс (его лидеры должны также были получать ежегодные ассигнования в размере 200 млн долларов), нанести сокрушительный удар по талибам. Текст директивы был готов к 10 сентября. То, что случилось днем позже, оказалось испытанием не только для страны, но и для хрупкого равновесия

сил в самом республиканском кабинете. Сразу же встал вопрос о перераспределении обязанностей, причем по инициативе вице-президента Дика Чейни. Вся предыдущая карьера «республиканца номер два» выглядела, по словам Вудворда, как непрерывная подготовка к войне против терроризма. Чейни предложил создать особый военный кабинет, не слишком скрывая, что намерен его возглавить. Буш, однако, не поддался соблазну переложить бремя военных забот на плечи вице-президента — Чейни так и не добился перераспределения полномочий в свою пользу, оставшись в традиционной роли. Прежде всего предстояло решить важнейший вопрос: где нанести ответный удар? Примечательно, что далеко не все считали Афганистан непреходящим театром военных действий. Замминистра обороны Пол Вулфовиц предпочитал Ирак: искоренить терроризм для него означало закончить то, что не завершил Буш-старший. Пауэлл резко возражал: удар по Ираку привел бы к немедленному распаду антитеррористической коалиции. Любопытно, что за немедленные решительные действия выступало не военное ведомство, а ЦРУ. В конце концов президент Буш согласился с предложениями Тенета развернуть подрывные операции против «Аль-Каиды» и движения «Талибан» и разрешил снять все дотоле существовавшие ограничения. Разгромить талибов планировалось,

опираясь на силы Северного альянса. И эмиссары ЦРУ с сотнями тысяч долларов наличными на руках устремились на вертолетах в Панджшерскую долину — договариваться о совместных действиях. При этом американцы столкнулись с цепью неожиданностей — от никем не предвиденной готовности пакистанского руководства активно сотрудничать с США до осторожной позиции президента Узбекистана Ислама Каримова, сразу же обусловившего такое сотрудничество заключением долгосрочного и всестороннего договора о взаимопомощи. Центральной проблемой на тот момент казались, однако, сроки и темпы кампании. Если Буш не переставал торопить разведчиков и военных с нанесением всесокрушающего удара, то Пауэлл полагал, что удару должно предшествовать обнаружение Белой книги, подробно излагающей все доказательства причастности «Аль-Каиды» и талибов к терактам 11 сентября. С госсекретарем не соглашался, как обычно, министр обороны. У военных при этом отсутствовала ясная цель. Первоначальный план — разбомбить центры подготовки террористов — оказался неосуществимым: люди Усамы бен Ладена скрылись в горных ущельях, а лагеря стояли пустые. Пауэлл и Рамсфелд занимали противоположные позиции по ключевым вопросам. Первый выступал за максимально широкий союз государств

против терроризма, второй же не был склонен допустить к участию в «крестовом походе» даже ближайших союзников США. Госсекретарь был готов ждать, сколько нужно, пока в Афганистан не придут приборы точного наведения (допустить лишние разрушения означало, помимо всего прочего, отпугнуть мусульманских участников коалиции), тогда как шеф Пентагона считал подобную щепетильность излишней. По мнению Рамсфелда, американцам следовало разгромить «силы зла» и покинуть страну, не занимаясь ее политическим обустройством. Пауэлл же хорошо помнил, что именно политический вакуум, образовавшийся после ухода советских войск из Афганистана, в немалой степени способствовал успеху талибов. В то же время он понимал, что если афганские союзники США — узбеки и таджики из Северного альянса — возьмут Кабул, то ответом будет восстание пуштунского Юга. И высказывался за «интернационализацию» афганской столицы. Между тем на четырнадцатый день бомбардировок неожиданно обнаружилось, что, по оперативным сводкам, численность войск движения «Талибан» возросла чуть ли не вдвое (10–16 тыс. против первоначальных 6–10 тысяч). Начался переход к «альтернативной» стратегии. На практике это означало, во-первых, отправку сухопутных сил США в Афганистан, т. е. «американизацию» войны, чего так

стремился избежать Пауэлл. Во-вторых, ставку не на северян, а на пуштунов, в связи с чем Рамсфелд предложил объявить широкую амнистию тем, кто порвет с талибами. А в третьих, участие американцев в строительстве афганской государственности в самом широком масштабе. Пережив невиданную встряску, Америка возвращалась к нормальной жизни. Однако политическая философия ее президента развивалась в ином направлении. Интервью, взятое Вудвордом у Джорджа Буша-младшего в августе 2002 года, не оставляет сомнений на этот счет. «Я хочу достичь более грандиозных целей, — говорил президент, — а нет цели значительнее, чем мир во всем мире». Он упомянул и о необходимости «сменить режим» в Ираке, и о Ким Чен Ире, «заставляющем свой народ умирать от голода» («Я ненавижу Кима Второго!»), и об Иране. Главное в характере Буша-младшего — это безграничная убежденность в своей правоте, считает Вудворд. «Буш — политик, президент и главнокомандующий — движим своей верой в собственные инстинкты, в свои естественные и спонтанные выводы и суждения. Собственные инстинкты для него почти что вторая религия», — отмечает журналист. Сам же президент сформулировал эту мысль проще: «Я играю не по учебнику, я играю нутром».

Одержима ли Европа антиамериканизмом?

Владислав Иноземцев

Жан-Франсуа Ревель. Одержимость антиамериканизмом. Ее действие, ее причины, ее нецелесообразность. (Revel, J.-F. L'obsession anti-américaine. Son fonctionnement, ses causes, ses inconséquences. Paris: Plon, 2002. 303 pp.)

Нарастающего отчуждения в отношениях между Соединенными Штатами и Европейским союзом сегодня трудно не заметить. Различия в геополитических подходах и культурных традициях, в моделях социальной политики и образа жизни год от года делают Старый и Новый Свет все менее похожими на органичные части единой западной цивилизации. Американцы не могут отказаться от несколько пренебрежительного отношения к европейцам, сложившегося еще в послевоенные годы, а европейцы все чаще выступают с позиций последовательного антиамериканизма. Вместе с тем эти одинаково «недружелюбные» отношения асимметричны: американское безразличие к Европе отражает скорее инерцию общественных стереотипов, тогда как европейское неприятие Америки носит все более выраженный идеологический характер. Насколько конструктивен антиаме-

рианизм как идеология? Способствует ли его распространение правильно осмыслению тенденций, существующих в современном мире? Наконец, порожден ли он ошибками самих американцев или своеобразным комплексом неполноценности тех, кто обитает вне пределов преуспевающей Америки? Эти вопросы редко занимают европейцев, и можно лишь восхищаться тем, как предельно остро поставлены они в новой книге Жана-Франсуа Ревеля, члена Французской академии и одного из патриархов французской интеллектуальной традиции. По сути дела, известный писатель и социолог не открывает ничего нового, он лишь призывает сограждан обратить более пристальное внимание на очевидные факты. По мнению Ревеля, антиамериканизм — не только продукт восприятия Соединенных Штатов как единственной сверхдержавы. Он содержит в себе импульс к изменению существующего порядка, который сложился на протяжении второй половины XX века. Осознание новых реалий привело к возникновению такой ситуации, при которой антиамериканизм «более или менее скрыто представ-

лен на всей планете, включая Европу, где он был взращен, а в некоторых столицах — даже в статусе навязчивой идеи и некоего принципа внешней политики» (с. 114).

Можно ли считать Америку источником проблем завершившегося столетия? Нет, отвечает автор. Напротив, «именно европейцы сделали XX век наиболее черным в истории человечества, включая сферу политики и морали. Это они спровоцировали две мировые войны — катаклизмы, равных которым не знала история. Это они изобрели и воплотили в жизнь два режима, самых криминальных из всех, что когда-либо формировались в человеческом обществе... это в Европе следует искать ответственных, по крайней мере частично, за тупики и конвульсии недостаточного развития остального мира» (с. 115). Разумеется, можно и нужно говорить о том, что такое представление об истории XX века основано на явных упрощениях, но следует признать, что в целом они не искажают точности взгляда.

А правильно ли считать американское общество столь уж несовершенным? Нет, опять говорит автор. Он напоминает читателям, что во Франции женщины получили право участия в выборах позже, чем в Соединенных Штатах. (Здесь, правда, автор мог бы заметить для полноты картины, что расовая сегрегация в вопиющих формах просуществовала в США вплоть до конца 60-х годов

XX века.) Ревель подчеркивает, что в большинстве регионов Франции на протяжении 90-х отмечался рост преступности, в то время как в Нью-Йорке число правонарушений уменьшилось. К сожалению, автор обходит вниманием тот факт, что в 2001 году в тюрьмах и исправительных учреждениях США содержалось 1 млн 932 тыс. человек, или 0,7 % населения, тогда как во Франции — 57,8 тыс. человек, или в семь раз меньше в процентном выражении. Рассматривая проблему несовершенства американской демократии, ярко проявившуюся во время последних выборов президента, Ревель отмечает: «Демократия в Европейском союзе функционирует намного менее эффективно, чем в союзе американских штатов; политический вес каждой из европейских стран в Европарламенте (и Еврокомиссии) только отдаленно связан с их реальным демографическим весом» (с. 50). Но, заметим, Европейский союз не стал (пока, по крайней мере) федеративным государством, каковым вот уже более двухсот лет являются США, а на внутривосточном уровне подобные коллизии в Европе практически неизвестны. Автор обращает внимание на то, что именно Европа десятилетиями оставалась центром террористической активности и именно здесь продолжают активно действовать многие террористические организации. Вряд ли, однако, причины европейского терроризма родственны тем, что при-

вели пилотов-шахидов в небо Нью-Йорка и Вашингтона.

И все же в целом эта часть книги заставляет задуматься о том, заслуживают ли американское общество, стиль жизни и культура привычно резкой критики. Поставить под сомнение такой стереотип европейского мировосприятия является, по сути, одной из целей автора. Для Ревеля США не представляют собой идеального общества; он видит недостатки американской модели социального устройства, но признает ее право на существование, считает неразумным отрицать ее успехи и стремится трансформировать европейский скептицизм в отношении Америки в усилия, направленные на совершенствование самой Европы. Автором предпринята попытка разорвать сложившуюся в общественном мнении связь между распространением в мире американского влияния и процессами глобализации. Жан-Франсуа Ревель справедливо пишет: «Глобализация существовала задолго до появления Соединенных Штатов, она сопровождала всю историю капитализма» (с. 79). И хотя «сегодня много говорится о центральной роли Америки, в двух первых волнах глобализации определяющую роль играла Европа, поскольку именно она распространяла на все континенты свои капиталы, свою технику, свои языки, самих европейцев...» (с. 80). Глобализация, подчеркивает автор, есть порождение западного мира,

продукт либерального капитализма, а не американский проект подчинения Соединенным Штатам остального мира. Ревель идет и дальше, доказывая, что множась сегодня альтернативные концепции глобализации, часть которых получает активную поддержку европейских левых, по сути своей надуманны и реакционны: «Левые отвергают лишь глобализацию, осуществляемую с помощью рыночных механизмов, — пишет он. — У левых просматривается цель добиться глобализации без рынка: ведь с идеологической и политической точек зрения она им представляется вполне желательной... Социализм в XIX и XX столетиях определялся как международное движение. Оно породило Первый, Второй, Третий и Четвертый интернационал, одно только название которого свидетельствует о планетарных амбициях» (стр. 76–77). Что же касается антиглобалистских движений, то за ними скрываются, по мнению автора, силы, стремящиеся помешать развитию либеральной хозяйственной и политической традиции, в которой воплощена суть западной цивилизации.

Ревель считает, что американское общество вполне жизнеспособно и, кроме того, зиждется на фундаментальных принципах западной цивилизации. Отличаясь от общества европейского, оно не менее совершенно, и в XX веке именно Америка сыграла важную и позитивную цивилизационную роль. Автор после-

довательно подчеркивает, что европейская версия антиамериканизма в значительной мере порождена идеологическими и политическими явлениями, специфическими для самих европейских стран. И по сей день, указывает Ревель, «во многих странах антиамериканизм служит оправданием несостоятельности правительств, несовершенства идеологической сферы и преступной бесхозяйственности» (с. 153). Говоря об антиамериканизме, он подчеркивает, что, кроме всего прочего, «эта идея фикс приводит к тому, что остальные страны слагают с себя ответственность за судьбы мира» (с. 115). Автор уверен, что обостряющееся в последние годы геополитическое и идеологическое противостояние Европы и Соединенных Штатов, с одной стороны, подпитывается антиамериканскими настроениями, а с другой — лишь множит их. «Одна из причин американских односторонних действий состоит в том, что нередко европейцы отвергают анализ и выводы Соединенных Штатов, считая их предвзятыми, не соответствующими действительности, и воздерживаются от того, чтобы опираться на эти выводы в политике» (с. 230). Говоря о европейской критике американской «односторонности», он напоминает, что «если бы во времена холодной войны Соединенные Штаты хотя бы в минимальной степени не продемонстрировали "одностороннего подхода", а прислушива-

лись к вечным европейским советчикам, то СССР мог бы просуществовать гораздо дольше, чем в действительности» (с. 219).

Читая монографию Ревеля, трудно не сравнить ее с другой, не менее примечательной книгой — «Мир, в котором мы живем», также вышедшей в свет в 2002 году. Ее автор, Уилл Хаттон, стал первым за последние десятилетия британцем, аргументированно выступившим за отказ от воспроизведения американской модели развития и переориентацию Соединенного Королевства на континентальную Европу. Жан-Франсуа Ревель, в свою очередь, оказался первым среди пишущего истеблишмента своей страны, кто аргументированно заявил о лояльном отношении к Америке, — при том, что во Франции такое отношение считается чуть ли не неприличным. Сопоставляя эти две столь, казалось бы, непохожие друг на друга книги, я прихожу к выводу, что истинное значение обоих трудов прежде всего в том, что в них воплощается мнение меньшинства — мнение, внимание к которому есть важнейший признак любого толерантного и демократического общества. И пока эти мнения будут слышны, пока их будут принимать во внимание, внутренние связи, испокон веков существующие между отдельными «частями» западного мира, не будут разорваны и не сможет восторжествовать никакая одержимость — ни антиамериканская, ни антиевропейская.

Время Юга

Станислав Кувалдин

Алексей Малашенко, Дмитрий Тренин.
Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. 265 с.

Вызовы с Юга будут представлять в ближайшие десятилетия наиболее серьезную опасность для России. Проблемным является весь регион Северного Кавказа, возможны конфликты и в других мусульманских анклавах России, опасность представляют и предполагаемые этнические столкновения в Казахстане, и неустойчивость политических режимов в новых центральноазиатских государствах, которые испытывают давление со стороны исламских фундаменталистов. Поэтому, утверждают в своем исследовании ведущие сотрудники Московского центра Карнеги Алексей Малашенко и Дмитрий Тренин, проблемы, связанные с конфликтом в Чечне, и его последствия необходимо рассматривать именно в этом широком контексте. Авторы книги о чеченском противостоянии прежде всего интересуют его влияние на российское общество, на внутреннюю и внешнюю политику страны. Особо выделяется аспект использования чеченской войны в качестве инструмента внутренней российской политики, что наиболее отчетливо проявилось с

началом второй чеченской кампании (с 1999 года), сыгравшей немаловажную роль в формировании образа Владимира Путина как общероссийского лидера. Однако сегодня, по мнению авторов, война не входит в число факторов, от которых зависит рейтинг президента.

Говоря о росте в общественном сознании исламофобии и неприязни к представителям кавказских народов, Малашенко и Тренин обращают внимание и на обратный процесс: под воздействием ситуации в Чечне, в частности в результате поражения российских войск в первой чеченской войне, увеличилось число приверженцев радикального ислама. Вместе с тем полная дезорганизация социально-экономической жизни в республике, последовавшая вскоре после вступления в Грозный отрядов под зелеными знаменами, остудила пыл многих энтузиастов и способствовала дискредитации идеи исламского государства, официально провозглашенного в масхадовской Чечне. Что касается Центральной Азии, то там роль «антифундаменталистской прививки» сыграла кровавая гражданская война в Таджикистане, разгоревшаяся в 1992-м после прихода к власти в Душанбе исламистов. Отмечая рост активности иностран-

ных мусульманских организаций, авторы не прослеживают прямой зависимости между ним и действиями чеченских сепаратистов. Более того, мусульманские структуры, заинтересованные в сохранении их присутствия на Северном Кавказе, не стремятся выступать с открытой поддержкой чеченских боевиков. По приводимым в книге сведениям, число «ваххабитов», как принято в России называть сторонников радикального политического ислама, на Северном Кавказе крайне невелико. Но потенциально они могут представлять определенную опасность, особенно учитывая рост популярности их идей среди молодежи. Сдержанно оцениваются и масштабы финансовой поддержки, оказываемой чеченскому сопротивлению извне, и степень участия иностранных моджахедов в боевых действиях в Чечне. Авторы считают бесосновательными утверждения о том, что чеченские боевики координируют свои действия с радикальными исламскими движениями Центральной Азии (в частности, с Исламским движением Узбекистана), хотя и не отрицают контактов между ними и участия выходцев из Центральной Азии в боевых действиях в Чечне. Возможность существования какого-либо «исламского интернационала», координирующего действия фундаменталистов из разных регионов, кажется им маловероятной. Особое внимание Малашенко и Тренин уделяют влиянию чеченского

конфликта на армию и оборонное строительство. Непрерывающееся противостояние на Северном Кавказе, а также необходимость поддерживать стабильность в Таджикистане должны были бы способствовать пересмотру задач, стоящих перед российскими Вооруженными силами, и переоценке характера угроз. Тем не менее, как показывают авторы, консервативное военное сообщество долго не хотело отказываться от концепции угрозы с Запада и рассматривало конфликты на южном направлении лишь как часть глобального противостояния. Такой подход стал особенно очевиден в ходе югославского кризиса в 1999 году, когда мусульманских экстремистов из Армии освобождения Косово рассматривали как агентов Запада. Со временем военным пришлось реагировать на новые вызовы, и они начали «разворачиваться» в южном направлении. Но и сегодня, учитывая ход конфликта в Чечне и состояние военной реформы, не приходится говорить, что Россия сумела структурно и оперативно переориентировать свои Вооруженные силы на борьбу с новыми угрозами. Важным следствием чеченского конфликта стало повышение статуса силовиков в государственной иерархии, их активное продвижение в большую политику (одним из проявлений этой тенденции, собственно, и был приход к власти Путина). Политика государства по отношению к СМИ и

политический режим в целом после отставки Ельцина ужесточились. Процесс формирования «южной» политики России был непростым, отмечают авторы. В начале 90-х Москва придерживалась линии на уход из проблемного региона, позднее был взят курс на широкомасштабное вмешательство в центральноазиатские и закавказские конфликты с целью стабилизации обстановки в этих регионах и поддержания там своего влияния исходя из геополитических схем. Россия вообще была склонна действовать на постсоветском пространстве, опираясь на положения классической геополитики XIX века, подчеркивают авторы, тогда как предполагаемые противники России действовали весьма прагматично. Тем не менее вовлеченность в конфликты на Юге подводила Россию к осознанию характера противостоящих ей сил и соответственно к определению возможных союзников. Так, фактическим партнером Москвы стала Турция, которую изначально рассматривали (не без определенных оснований) как принципиального соперника России на Кавказе, в Закавказье и Центральной Азии. Общие интересы, а именно стабилизация обстановки в Закавказье и Центральной Азии, связали Россию и с Ираном. Это государство, несмотря на серьезные противоречия по вопросу о разделе Каспия, сегодня также является важным региональным партнером нашей страны.

Вторая чеченская кампания, более успешная, чем первая, и проходящая под лозунгом борьбы с терроризмом, способствовала укреплению российско-азербайджанских и российско-армянских отношений. Угроза распространения исламского фундаментализма сблизила Россию с режимами Центральной Азии и открыла новое направление для сотрудничества с Китаем.

Именно признание терроризма в качестве главной угрозы привело российское руководство к осознанию того, что оно находится в одном «окопе» с США и Израилем. Фактор Чечни и угроз с Юга, отягощавших политику России все последнее десятилетие, в конечном итоге предопределил позицию, занятую Москвой после 11 сентября 2001 года. Благодаря этому страна занимает сегодня важное место в мировой политике, нацеленной прежде всего на борьбу с международным терроризмом.

Для характеристики книги в целом уместно привести признание самих авторов, содержащееся в одном из разделов: «Исследователь, который пытается объективно определить реальный уровень влияния радикального ислама на Северном Кавказе, сталкивается с огромным количеством трудностей и вынужден полагаться скорее на косвенные, чем на прямые свидетельства..., а порой — на собственную интуицию» (с. 82). Вероятно, время строго документированных исследований о Чечне еще не пришло.

Каспийский гордиев узел

Игорь Сидоров

Вагиф Гусейнов. Каспийская нефть. Экономика и геополитика // М.: Олма-Пресс, 2002. 384 с. ISBN 5-224-03880-4.

Энергетические ресурсы Каспия оказались той сферой, где столкнулись интересы многих стран и транснациональных корпораций. В принципиально новых исторических и геополитических условиях далеко не все из новых государств региона считают отношения с Россией приоритетными, используя нефтегазовый фактор в качестве одного из наиболее действенных средств на международной арене. Это осложняет задачу формирования отношений России с бывшими советскими республиками на кавказском и центральноазиатском направлении. В книге, посвященной каспийской проблеме, Вагиф Гусейнов, директор Института стратегических оценок и анализа, связал в единое целое экономические и геополитические явления минувшего десятилетия. Анализируя обширный фактический материал, автор показывает, что грандиозный геополитический разлом конца XX столетия не только обострил противоречия, существовавшие в Каспийском регионе, но и породил массу новых. Здесь теснейшим обра-

зом переплелись политика и экономика, внешнеполитические и военно-стратегические аспекты, экология и криминал, социальные, этнические и межконфессиональные проблемы, амбиции и замыслы политических руководителей.

В начале книги, охватывающей период с декабря 1991 года по декабрь 2001-го, кратко анализируется нефтяная политика СССР и ведущих государств мира второй половины XX века. После распада СССР бассейн Каспия стал открытым для транснациональных нефтегазовых корпораций и усиления влияния США и других стран Запада. В начале 1990-х основная интрига разворачивалась вокруг азербайджанского шельфа Каспия. Сделав ставку на нефть, Баку повел крупную игру, построенную на маневрировании между интересами ведущих держав и нефтяных компаний. Важным элементом нефтяной политики Азербайджана, отмечается в книге Гусейнова, становятся не только нефтеразведка и нефтедобыча, но и транзит нефти. В обзоре подписанных Азербайджаном в 1994–2000 годах нефтяных контрактов особое внимание уделено «контракту века» на разработку месторождения Азери – Чираг – Гюнешли,

где первая, «ранняя» нефть была добыта уже в ноябре 1997-го. В тот же период проявились разногласия между Азербайджаном и Туркменистаном относительно принадлежности ряда месторождений.

Одновременно страны дальнего зарубежья заметно укрепили свои позиции в нефтяной отрасли и экономике Азербайджана в целом. Этому способствовала активность, с какой руководство Азербайджана привлекало инвесторов и продвигало контракты. Нарастание усилий зарубежных государств по установлению контроля над нефтяными ресурсами Каспия происходило на фоне постепенного снижения роли России, ее доли в общем объеме внешнеэкономических связей Азербайджана. К тому же каспийскую политику России в тот период отличали непоследовательность и противоречивость. Так, МИД России при подписании «контракта века» принял ряд жестких дипломатических демаршей, хотя российская компания «ЛУКойл» стала участником этого контракта.

После смены руководства страны в 1993 году Азербайджан повернулся к сотрудничеству с Россией и далее стремился придерживаться сбалансированной линии поведения. Вместе с тем во внешней политике Азербайджана проявлялась все более устойчивая прозападная тенденция, а в политической и военной сфере усиливалось его сотрудничество с США,

Турцией, Германией, Североатлантическим альянсом. Лишь в последние годы XX столетия в отношениях между Россией и Азербайджаном обозначилась тенденция к конструктивному решению общих проблем.

Отдельные разделы книги посвящены правовому статусу Каспия и изложению эволюции подходов разных стран к этой проблеме, а также к Евразийскому транспортному коридору. В связи с проблемами доставки каспийских углеводородов на мировые рынки автор подчеркивает геополитический характер борьбы за маршруты транспортировки «ранней» и «большой» нефти Каспия, в том числе в увязке с развитием конфликта в Чечне. Автор, в частности, подробно исследует «нефтяные» корни чеченского противостояния, длительное время подрывающего стабильность и самым негативным образом сказывающегося на инвестиционном климате в нефтегазовом секторе экономики прикаспийских государств. Дается анализ причин и возможных последствий неурегулированности территориальных споров из-за каспийских нефтегазовых месторождений между Ираном, Туркменистаном и Азербайджаном, а также последствий передела морской акватории и в целом сфер влияния в Каспийском регионе.

По мнению Гусейнова, неверно полагать, что определение правового статуса Каспийского моря для новых

условий, сложившихся после распада СССР, снимет все вопросы и положит конец межгосударственным спорам, возникающим в отношении тех или иных правовых казусов либо конкретных аспектов деятельности прибрежных государств.

Даже краткий обзор нерешенных проблем — как старых, так и новых — доказывает, что Каспийский регион еще на долгие годы останется в фокусе международного внимания и мировой политики. События вокруг

Каспия будут оказывать серьезное влияние на безопасность Российской Федерации и других прикаспийских государств во многих сферах, в частности политической, экономической и военной. В этой связи крайне важно выработать современную каспийскую политику на перспективу. У России еще остаются немалые возможности для того, чтобы и в новых геополитических условиях сохранить и даже усилить свою роль в этом важнейшем для нее регионе.

«Вторая русская революция» глазами британца

Лев Паршин

Родрик Брейтуэйт. По другую сторону Москвы-реки: Мир перевернулся вверх дном. (R. Braithwaite. Across the Moscow River: The World Turned Upside Down // New Haven: Yale University Press. 2002. 372 pp.)

Сэру Родрику Брейтуэйту, экс-послу Великобритании в Москве, довелось работать в российской столице именно тогда, когда в стране происходил слом прежней системы и зарождалась новая. Возглавляя дипломатическую миссию в Москве, Брейтуэйт был свидетелем и непосредственным участником многих

драматических событий 1988-1992 годов, и именно им он посвятил книгу «По другую сторону Москвы-реки». Резиденция посла размещается напротив Кремля, и оттуда послу было особенно хорошо заметно, что происходят по-настоящему грандиозные изменения, что «мир переворачивается вверх дном». Некоторые западные аналитики называют этот период второй русской революцией, и Брейтуэйт, в целом соглашаясь с их оценкой, не раз повторяет эти слова на страницах своей книги. Кризис режима в СССР, судя по цитируемым автором шифrogramмам и

письмам британских дипломатов, не стал неожиданностью для Лондона. Дипломаты сообщали своим боссам и о радикальных переменах, зреющих в советском обществе, и о сопротивлении, которое оказывала отжившая система. Еще в мае 1990-го, более чем за год до августовского путча, посол сообщил в Форин оффис, что он не исключает постепенного усиления роли военных в стране, особенно если те будут видеть угрозу целостности Советского Союза.

Лондон в основном поддерживал Михаила Горбачева. Премьер Маргарет Тэтчер симпатизировала ему — прежде всего за то, что он увидел и признал несостоятельность коммунистической системы. Кроме того, содействие, оказываемое Горбачеву со стороны Тэтчер, объяснялось личной политической философией премьеры. Так, Тэтчер почти всегда была на стороне Кремля в его упорном противодействии воссоединению Германии и выступала за то, чтобы на политической сцене Европы оставались как НАТО, так и Организация Варшавского договора. Хотя «железная леди» всей душой ненавидела коммунизм, она, кажется, еще больше не доверяла Германии, которая, по ее мнению, «по своей природе является дестабилизирующей силой в Европе». Однако, поддерживая кремлевского реформатора, Лондон ограничивался лишь политическими заявлениями или ласковыми приемами на Дау-

нинг-стрит. Брейтуэйт описывает, как Горбачев отчаянно выпрашивал крупные кредиты, чтобы залатать хотя бы самые существенные дыры в госбюджете, и не получал ничего.

Сначала заплатите по старым долгам, отвечали ему, отладьте хозяйственный механизм, затяните пояса, сократите чудовищные военные расходы — а потом поговорим.

В августе 1991 года, в дни путча, супруга Брейтуэйта находилась на баррикадах вместе с защитниками Белого дома. Вспоминая об этом, бывший посол говорит: «Джилл спасала честь нашей семьи». Сам же он планировал немедленно нанести визит Борису Ельцину в знак поддержки, но получилось так, что «добро» из Лондона пришло слишком поздно.

После путча Горбачев был отеснен с политической сцены, и прагматичные англичане быстро переориентировались на Ельцина. Впрочем, посетив последнего, один британский министр заметил: «Страшный человек». Отдавая российскому лидеру должное за смелость и решительность в схватке с путчистами, Брейтуэйт не мог не заметить и другие черты ельцинской натуры, слишком хорошо известные в России.

В период, о котором рассказывает Брейтуэйт, Москву часто посещали гости с берегов Темзы. Как пишет автор, «ни один уважающий себя министр кабинета не мог пойти на обед (в Лондоне), если он только что не побывал в Москве или не собирался

туда». За четыре года в российскую столицу приезжали: Маргарет Тэтчер — три раза, Джон Мейджор — дважды, сменявшие друг друга министры иностранных дел — шесть раз, а также три члена королевской семьи, управляющий Банком Англии, начальники Генштаба и Штаба обороны, главнокомандующий вооруженными силами НАТО и многие другие высокопоставленные чиновники.

В отличие от некоторых коллег из других миссий британские дипломаты не отсиживались в стенах московского посольства, а неутомимо разъезжали по стране, собирая информацию о том, как развиваются события. (Экс-посол вспоминает, как в Петербурге встречался с местным чиновником Владимиром Путиным — «маленького роста человеком, который упорно избегал смотреть прямо в лицо собеседнику».) Они поддерживали связи с местными деятелями и своевременно уловили нарастание центробежных тенденций. Брейтуэйт быстро пришел к выводу о необходимости признать независимость балтийских республик. Он высказал свое мнение сотрудникам Форин оффис, но ему ответили, что в этом вопросе англичанам не стоит опережать американцев.

Книга Брейтуэйта — не дневник и не мемуары, это размышления о стране, которую автор хорошо знает и любит. Он постоянно подчеркивает, что Россия, если судить по ее истории,

религии и культуре, является европейской страной, однако присоединение Сибири стимулировало экстенсивный характер развития страны.

«Романами великих русских писателей зачитывались все образованные англичане, хотя большинство из них не прочитали ни одной страницы Гёте, Данте или Расина и не имеют ни малейшего представления о существовании великой индийской, японской или китайской литературы», — пишет Брейтуэйт.

Крах советской империи, по мнению бывшего посла, был неизбежен, потому что государство исчерпало свой потенциал, утратило «имперскую волю». Но российские колонии не были отделены от метрополии морями, как это имело место, например, в случае с английскими, французскими или бельгийскими владениями. Поэтому в России дезинтеграция проходила особенно болезненно.

Суждения британского дипломата о российских политиках и российских нравах суровы, а иногда — беспощадны. Он полагает, что неотъемлемым элементом общественной жизни в России стало Вранье, или Большая Русская Ложь: мол, со времен Ивана Грозного обман был совершенно необходим для самозащиты. Но эта традиция сохранилась до наших дней, и сегодня ее влияние прослеживается и в большой политике, и на бытовом уровне.

Брейтуэйт увидел в нашей стране

много негативного: убожество запущенных городов, бедность, грязь, пьянство, воровство, коррупцию. Но он, кажется, не упускает ни единого повода подчеркнуть положительные стороны российской действительности, сказать доброе слово о людях. «Россия — великая страна. Ее величие не только в ее необъятных размерах, но и в духовных качествах ее жителей. В государстве, где ложь стала правилом поведения, такие категории, как Правда, Честь, Верность, Смелость, имеют реальное значение для большинства простых людей — ведь им все время приходится делать нравственный выбор... Россия всегда была страной злодеев, но она же — страна героев и святых. Если бы не было Сталина, не было бы ни Солженицына, ни Сахарова».

Книги зарубежных авторов о России иногда вызывают у наших читателей снисходительную улыбку, и прежде всего — из-за поверхностных и поспешных умозаключений. «По другую сторону Москвы-реки» — это совсем другой случай. Даже Михаил Горбачев, о котором Брейтуэйт сказал немало нелестных слов (признавая вместе с тем его роль во «второй российской революции» и симпатизируя его личности), высоко оценил труд бывшего посла. «Эта чрезвычайно интересная, правдивая и честная книга дает объективную и драматическую картину России, — отметил последний руководитель Советского Союза. — Если бы другие на Западе понимали мою страну так глубоко, как Родрик Брейтуэйт, история была бы к нам добрее».

Очень своевременная книга

Марк Шкундин

Биньямин Нетаньяху. Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма. / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2002. 207 с. — ISBN 5-94599-051-5.

Борьба с международным терроризмом, превратившаяся, к сожалению, в одну из наиболее востребованных

общественным мнением тем, вызвала к жизни целый ряд публикаций, посвященных различным аспектам этой проблемы. Среди отечественных исследователей данного сюжета первым был недавно ушедший от нас Г.И. Морозов, который в монографии, вышедшей до событий 11 сентября 2001 года, указал на смертельную опасность, исходящую от

Усамы бен Ладена и возглавляемой им «Аль-Каиды».

Теперь российский читатель может ознакомиться со вторым изданием (2001) книги экс-премьера Израиля Биньямина Нетаньяху «Война с терроризмом». Опираясь на накопленный со времени выхода в свет первого издания (1995) международный опыт борьбы с различными проявлениями террора, автор формулирует три основных положения.

Во-первых, без поддержки суверенных государств существование международного терроризма невозможно (с. 15). Во-вторых, главная мотивация террористов — враждебное отношение к Западу, стремление водворить в качестве господствующей силы в мире экстремистскую форму ислама (с. 18). В-третьих, недостаточно уничтожить террористов, которые совершили злодеяние, — следует демонтировать всю террористическую сеть (с. 22).

Из этого автор делает вывод, что ключевой акцией, которую необходимо осуществить, является введение самых жестких дипломатических, экономических и военных санкций в отношении всех террористических государств (с. 22).

Очевидно, что на содержание книги принципиальное влияние оказали как личность автора, так и его жизненный опыт. С терроризмом Нетаньяху столкнулся сначала в качестве бойца Особых сил израильской армии, затем как один из основате-

лей Института по изучению терроризма, названного в честь его брата Ионофана, возглавлявшего операцию по освобождению заложников в Энтеббе в 1976 году и погибшего при выполнении боевого задания. Позднее Биньямин Нетаньяху действовал в качестве дипломата, поставившего своей целью создать союз свободных стран для активной борьбы с международным терроризмом. Нетаньяху исходит из того, что интеллектуальные оплоты свободного общества, подобно вообще всем оплотам свободы, нуждаются в постоянном укреплении и защите (с. 52). Особого внимания заслуживают рассуждения автора о сохранении необходимого баланса между поддержанием демократических свобод и обязательными в современной обстановке мерами безопасности.

«Правительства свободных государств, на которых лежит обязанность бороться с усиливающимся терроризмом, сталкиваются с порождаемой демократией дилеммой: если они не будут вести борьбу с терроризмом теми способами, которые имеются в их распоряжении, они поставят под угрозу безопасность своих граждан; если же будут, то окажется, что под угрозой находятся те самые свободы, которые они обязаны защищать» (с. 64).

Нетаньяху убежден, что считать свободу слова и вероисповедания абсолютным, который нельзя подвергать сомнению даже в рамках заботы о

безопасности страны, — значит подменять одно нарушение прав личности другим, более серьезным.

Учитывая продолжающиеся в мировом сообществе дискуссии о самом понятии «терроризм», принципиально важными являются данные автором определения. Терроризмом он называет обдуманное и систематическое наступление на гражданское население, его запугивание для достижения своих политических целей. Международный терроризм — это кампания насилия против одного государства со стороны другого государства, использующего террористов, чтобы вести войну через подставных лиц в качестве альтернативы традиционной войне.

Говоря о борьбе с террором в 1980-е годы, автор не жалеет красок, описывая «вклад» СССР в развитие и укрепление сети международного террористического интернационала. Он прямо заявляет, что международный террор, терзавший мир с конца 60-х до середины 80-х, был продуктом союза, специально заключенного для определенной цели советским блоком и диктаторскими арабскими режимами (с. 91).

Нетаньяху высоко оценивает деятельность госсекретаря Шульца и президента Рейгана, возглавивших беспрецедентную войну против международного терроризма (с. 107), при этом легкого осуждения удостоиваются лишь попытки сделок с террористами в Ливане в 1986 году (с. 110).

Вопрос о скандале «Иран — контрас», в котором были замешаны многие представители американского истеблишмента, вообще обходится стороной, как и прямое участие администраций Рейгана и Буша-старшего в финансировании афганских моджахедов и создании движения «Талибан». Говоря об опасности получения международными террористами оружия массового уничтожения, включая ядерное, Нетаньяху обходит вопрос о превращении Индии и Пакистана в ядерные державы и об ответственности за это гарантов Договора о нераспространении ядерного оружия. Впрочем, такой подход вполне объясняется положением, занимаемым автором в мировой политической элите, и необходимостью сохранения личных, а порой и дружеских отношений с лидерами соответствующих государств.

Упрощенным выглядит утверждение Нетаньяху о том, что философские корни европейского и советского терроризма ведут к организации «Народная воля» (с. 91). Достаточно вспомнить карбонариев в Италии, террористические организации, действовавшие на территории германских государств после революции 1848 года и на Балканах в последней трети XIX века.

Тревоги и опасения автора в связи с ростом потенциальных угроз со стороны ближних и дальних соседей — Сирии, Ирака, Ирана — трудно не признать обоснованными. Нельзя,

однако, одновременно не отметить определенную гиперболизацию этого фактора и стремление решить в рамках общей борьбы против терроризма внешнеполитические (как они видятся Нетаньяху) задачи собственно Израиля, не во всем совпадающие с интересами его основных партнеров по антитеррористической коалиции. А содержащееся в книге предложение об отказе от соглашений в Осло в полном объеме, включая право палестинцев на образова-

ние самостоятельного государства, вряд ли получит поддержку остальных участников ближневосточного урегулирования, прежде всего США и России.

Основной же вывод книги Биньямина Нетаньяху, который, перефразируя известные строки Маяковского, можно сформулировать как «мочить» всегда, «мочить» везде, безусловно, найдет поддержку и вызовет одобрение значительной части общественного мнения России.

В предыдущем номере журнала (№1/2002 год) по вине редакции допущены досадные ошибки. В статье Анатолия Адамишина «На пути к мировому правительству» (с. 18) следует читать: «вступало бы в силу лишь при едином мнении двух или трех постоянных членов **СБ**». В статье Вячеслава Никонова «Назад, к Концерту» (с. 94) следует читать: «приведшее к Крымской войне 1850-х и франко-прусской **1870-х**». В статье Дэвида Доллара и Арта Края «Путь к процветанию» (с. 123) в пояснениях к графику «Неравенство в доходах» фамилию следует читать: **F. Bourguignon**. На той же странице: «В наши дни мировая экономика за два-три года производит такой же объем товаров и услуг, какой она производила в течение всего **XIX** века». Редакция приносит извинения авторам и читателям.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ Сергей Александрович** (председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ Алексей Георгиевич** д. и. н., заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по обороне, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич** (заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики, бывший заместитель министра финансов США по международным делам
- БИЛЬДТ Карл** премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
- ГРИГОРЬЕВ Владимир Викторович** заместитель министра по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, бывший глава издательства «Вагриус» (в личном качестве)
- ЖУКОВ Александр Дмитриевич** председатель Комитета Государственной думы РФ по бюджету и налогам
- ЗВЕРЕВ Сергей Александрович** президент ЗАО «Компания развития общественных связей», бывший заместитель руководителя Администрации Президента РФ
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич** к. и. н., министр иностранных дел РФ (в личном качестве)
- ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович** д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике»
- КАЙЗЕР Карл** профессор, глава Германского общества внешней политики
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОЖОКИН Михаил Михайлович** к. и. н., главный редактор газеты «Известия»

КОКОШИН Андрей Афанасьевич	член-корреспондент РАН, заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по промышленности, строительству и наукоемким технологиям, директор Института проблем международной безопасности РАН, бывший секретарь Совета безопасности, бывший первый заместитель министра обороны РФ
КОМИССАР Михаил Витальевич	генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
КОПЬЕВ Вячеслав Всеволодович	к. и. н., старший вице-президент АФК «Система»
КУЗЬМИНОВ Ярослав Иванович	к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
ЛИВШИЦ Александр Яковлевич	д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий», бывший помощник Президента РФ по экономическим вопросам, бывший министр финансов РФ, бывший заместитель руководителя Администрации Президента РФ
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, заместитель председателя Государственной думы РФ, президент Паралимпийского комитета России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, бывший руководитель Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., вице-президент ОАО «СУАЛ-Холдинг», генерал-майор милиции в отставке
ОЗЕРОВ Михаил Витальевич	главный редактор англоязычного издания <i>Russia in Global Affairs</i>
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, ведущий авторской телепрограммы «Времена»

ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, депутат Государственной думы РФ, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович	заместитель руководителя Администрации Президента РФ – начальник управления Администрации Президента РФ по внешней политике (в личном качестве)
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , бывший руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИДа РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, заместитель председателя Государственной думы РФ, сопредседатель партии «Союз правых сил»
ХОУТ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ (в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович (председатель)	д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества
АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., советник председателя совета директоров АФК «Система», Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., завсектором экономической интеграции Института Европы РАН

ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН
КАПУСТИН Борис Гурьевич	профессор, проректор Московской высшей школы социальных и экономических наук
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
НУРЕЕВ Рустем Махмутович	д. э. н., профессор, завкафедрой Государственного университета – Высшей школы экономики
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности
ЮРЬЕВ Александр Иванович	д. п. н., профессор, завкафедрой политической психологии СПбГУ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК “Транснефть”», академик Академии горных наук
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель постоянной Комиссии Государственной думы РФ по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	д. э. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих IATA, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Как подписаться на журнал «Россия в глобальной политике»

Выходит четыре раза в год (ежеквартально):

ПОДПИСКА НА РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ

На почте – подписной индекс

в Объединенном каталоге «Пресса России», том 1: 15577

В каталоге для Москвы – стр. 362

	АБОНЕМЕНТ на газету журнал	15577	индекс издания											
	Россия в глобальной политике (наименование издания)	Количество комплектов												
	на 2003 год по месяцам													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
	Куда													
		Почтовый индекс					(адрес)							
	Кому _____ (фамилия, инициалы)													
	ПВ	место	литер	ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА на газету журнал									15577	индекс издания
	Россия в глобальной политике (наименование издания)													
	Стоимость подписки _____ руб. _____ коп.						Количество комплектов _____							
	на 2003 год по месяцам													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
	Куда													
		Почтовый индекс					(адрес)							
	Кому _____ (фамилия, инициалы)													

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

– заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
– заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об
оплате (или ее копией) по факсу: (095) 206-8661,
по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru
или письмом по адресу:
АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера на русскоязычное издание (с учетом НДС):

с почтовой доставкой – **300 руб.**
с курьерской доставкой (г. Москва) – **400 руб.**

Цена одного номера на англоязычное издание (с учетом НДС):

с почтовой доставкой – **350 руб.**
с курьерской доставкой (г. Москва) – **450 руб.**

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (095) 281-9137, 281-9763;
Факс: (095) 281-3798
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447
USA

Тел.: 1-763-550-0961
Факс: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - март апрель - июнь

II полугодие июль - сентябрь октябрь - декабрь

Форма доставки курьером (в пределах г. Москвы)
нужное подчеркнуть
заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый адрес, по которому вы хотите получать журнал, индекс и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

АНО РИД "Глобус"

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/сч. 40703810200000000114

(номер счета получателя платежа)

АКБ "ПРОМТОРГБАНК", г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000139

БИК 044583139

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

АНО РИД "Глобус"

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/сч. 40703810200000000114

(номер счета получателя платежа)

АКБ "ПРОМТОРГБАНК", г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000139

БИК 044583139

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - март апрель - июнь

II полугодие июль - сентябрь октябрь - декабрь

Форма доставки курьером (в пределах г. Москвы)
 заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый адрес, по которому вы хотите получать журнал, индекс и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)